

И. Мицова

«ИДИТЕ
И ПРОПОВЕДУЙТЕ!»

Инга Здравковна Мицова

«Идите и проповедуйте!»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14828453
«Идите и проповедуйте!»: Грифон; Москва; 2013
ISBN 978-5-98862-148-5

Аннотация

В книге описываются жизнь и труды апостолов на протяжении 19 лет после Воскресения Христа. Она начинается с момента возвращения Петра к ученикам после того, как Иисус позвал его следовать за Ним. Эпилог – первый Апостольский собор, на котором было установлено обязательное правило для язычников, принимающих христианство. Хронология книги согласована с Евангелиями и Деяниями апостолов.

«Идите и проповедуйте» – так наставлял Иисус Христос своих учеников. А отвечая на вопросы о времени кончины мира, говорил: «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» (Мрк., 13: 10). Всё это – для того, чтобы люди имели возможность свободно принять или отвергнуть спасение, предложенное во Христе. Ведь благовестие Воскресения и жизни вечной обращено ко всем – и к иудеям, и к язычникам.

Книга «Идите и проповедуйте!» является продолжением романа «Следуй за Мной», в котором описываются три последних года земной жизни Спасителя.

Содержание

К читателю	5
Пролог. На берегу Галилейского озера	7
Часть первая	9
Глава 1. Первые дни без Учителя	9
Глава 2. Возвращение в Иерусалим	15
Глава 3. В Долине плача	19
Глава 4. Вознесение	25
Глава 5. Никодим	30
Глава 6. В поисках истины	36
Глава 7. Сошествие Святого Духа	40
Глава 8. Первое чудо Петра	47
Глава 9. Рассказ Матери	56
Глава 10. Сотник Лонгин	61
Глава 11. Анания и Сапфира	67
Глава 12. «Справедливо ли слушать вас больше?..»	73
Глава 13. Савл и Гамалиил	81
Глава 14. Проповедь Петра на празднике Кушей	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Инга Мицова

«Идите и проповедуйте!»

© Мицова И., 2013

* * *

Моему мужу, Владимиру Яковлевичу Кравченко, с любовью и благодарностью...

И.М.

К читателю

Знаем ли мы Евангелие?

Думаю, что не ошибусь, если скажу: мы слышим о Благой вести за каждым богослужением, однако её самой мы не знаем и не представляем не только исторические события, но и людей, живших тогда, – апостолов, мужей апостольских, диаконов, проповедников... Простых людей – рыбаков, ремесленников, воинов... Книжников, священнослужителей, жрецов языческих культов... Тех, кто был наделён властью и влиянием... Многие из них упоминаются в четырёх канонических Евангелиях, Деяниях апостолов, в посланиях апостолов Павла, Петра, Иакова, многие так и остались безымянными.

Стремление показать события той эпохи, оживить их, сделать ближе и понятнее современному читателю вдохновляло автора этой книги. Она писалась долго, ибо задача эта невероятно сложная и, если бы не слова ободрения и поддержки покойного владыки Василия (Родзянко), вряд ли бы её удалось осуществить. Насколько хорошо – об этом, конечно, судить читателю.

Книга открывает практически неизвестный читателю мир апостольских времён, но дешёвых сенсаций в духе «Кода да Винчи» в ней искать не стоит. Также в ней нет обилия археологических подробностей: конечно, это историческое повествование со всеми приметами эпохи, но не музейная витрина, а живая жизнь. Восприятие языческого, античного мира даётся глазами первых христиан – поэтому оно далеко не восторженное.

Чтобы облегчить чтение, часть еврейских имён приводится так, как это принято в христианской традиции, – например, Мария, а не Мариам, апостол Пётр, а не Симон. В то же время Савл остаётся Савлом, и только в конце книги появляется (при контактах с римлянами) его новое имя Павел. Понтий Пилат именуется прокуратором, а не префектом и т. д. Ведь это художественное произведение, а не научный трактат, и доля авторского вымысла здесь, конечно же, присутствует...

События, изложенные в книге, охватывают время после Воскресения Христова вплоть до так называемого Апостольского собора в Иерусалиме, когда окончательно были отвергнуты тесные узы Закона Древней Иудеи. Таким образом христианство оказалось открытым миру – не только иудеям, но всем народам, которые получали святое крещение во имя Отца, Сына и Святого Духа. Об этом говорил апостол Павел в своем Послании к галатам:

«Все вы – сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы – семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал., 3: 26–29).

Название книги «Идите и проповедуйте!» взято из повеления Иисуса Христа апостолам (Мк., 16: 15, 16). Она продолжает предыдущую – «Следуй за Мной», посвящённую земной жизни Спасителя, который позвал за собой обычных, ничем не примечательных людей – тех, кого потом называли апостолами.

Известный искусствовед И. К. Языкова отмечала, что автор тактично подходит к евангельскому тексту, находит свою нишу, никого не копируя, при этом не позволяя себе что-либо приписывать или добавлять, фантазировать и перетолковывать. Цель книги – приблизить события к современному читателю, раскрыть смысловую многомерность канонического текста, который очень плотно спрессован и сжат, как бы развернуть его в пространстве, как разворачивают свиток.

Надеемся, что книга поможет лучше понять то, что переживали первые христиане после ухода Спасителя, когда из небольшой иудейской общины их сообщество превраща-

лось во вселенскую Церковь... Мы узнаем, что их волновало, радовало и печалило, с какими испытаниями им пришлось столкнуться...

Пусть это поможет пройти испытания, которые встречаются, по Промыслу Божию, на нашем жизненном пути, с той же твёрдостью, мужеством и смирением, с какими их встречали во времена апостольские...

Д. Н. Бакун

Пролог. На берегу Галилейского озера

...Прошло около месяца.

Ученики возвратились в Галилею. То, что они видели свои ми глазами воскресшего Равви, не сразу, но с каждым днём всё больше входило в их душу и разум. И чем дальше, тем не опровержимей казалась истина воскресения. Но внешне жизнь потекла, как и прежде.

Однажды вечером Пётр сказал себе:

– Надо наловить рыбы.

Он зашёл к Иоанну и Иакову и объявил им:

– Идём ловить рыбу.

Они вышли в море на лодке Зеведея: Пётр, Иоанн, Иаков, Фома, Нафанаил и ещё двое. Фома теперь почти всегда молчал – с той самой минуты, когда Иисус позволил ему вложить пальцы в раны, он был тих, как ягнёнок, и на любое известие негромко отзывался: «Всё может быть».

Луна светила ярко, и было тихо, и тихо-тихо плескались волны в борт лодки. Всех охватило блаженное чувство покоя. Они забыли о ловле и сидели неподвижно, бросив весла, качаясь на волнах. Весенний воздух ласково струился вокруг, вместе с небом и морем жизнь последних трёх лет тихо плескалась в них, и страстным ожиданием чего-то нового и великого стучали их сердца.

В ту ночь они не поймали ничего. Время от времени Пётр закидывал сети, но рыбы не было, и они, еле перебирая веслами, глядели заворожённо в сторону Капернаума, но не предаваясь воспоминаниям, а будто оживляя их.

Вставало солнце, они подплывали к берегу. Там, у самой кромки воды, кто-то стоял. Лица не было видно. Голова не покрыта, одеяние переливалось в солнечных лучах... И ещё Он казался очень-очень высоким.

Когда они подплыли ближе, Он закричал:

– Дети, есть ли у вас какая пища?

– Нет, – ответил за всех Пётр.

Показалось, что при звуке голоса Петра Незнакомец улыбнулся, одеяние вспыхнуло даже ярче, чем солнце, и Он сказал:

– Закиньте сети по правую сторону лодки и поймаете.

Пётр и Иоанн бросили сети, и тотчас сеть стала тяжелеть. С лодки было видно, как бьётся в ней и трепещет большая рыба.

– Это Господь, – прошептал Иоанн Петру. – Это Господь.

Пётр выпустил сеть и кинулся в море, кровь стучала и билась в ушах, он плыл, и казалось ему, что он не двигается с места. За ним тихо шла лодка, Иоанн, затаив дыхание, вглядывался в Того, Кто стоял на берегу. Нафанаил и Фома с трудом тащили сеть.

Пётр выскочил на берег, увидел уже разожжённый костёр, приготовленные камни... Он застыл, не шевелясь, глядя на огонь, не смея поднять взор.

– Принесите рыбу, которую вы поймали, – услышал Пётр.

Он оглянулся, лодка уже ткнулась носом в камни, Иоанн стоял во весь рост и не отрываясь смотрел, боясь ошибиться. Пётр поспешно кинулся к лодке, но сеть уже тащили на берег. Рыбы в ней были крупные, как на подбор, и мокрая чешуя блес тела на утреннем солнце. Пётр стал вытаскивать их одну за другой и бросать подальше от воды. И всё время, сам не сознавая, что делает, громко считал:

– Раз, два, три, четыре...

– Сто пятьдесят три! – крикнул Пётр, оборачиваясь и по-прежнему видя только сияющие одежды.

– Идите обедайте, – услышал он.

...Молча, тихо, робко они усаживались вокруг костра, проведя вечную грань между собой и Учителем. Невозможность коснуться Его, осознание того, что Он – Сын Божий, сковывала их и наполняла сердца ужасом и радостью. Робко, очень робко они сели вокруг костра. Даже глаз не пытались поднять.

Тогда Иисус подошёл к костру, взял оттуда рыбу и дал Иоанну, затем Нафанаилу, Петру, Иакову, Фоме... Он обошёл всех по кругу, они молча принимали рыбу. Хлеб и рыбу. Боясь просыпать крошки, жевали медленно, с трудом глотали и уже не сводили глаз с Учителя.

Он задумчиво ворошил огонь.

– Симон Ионин, – прозвучал голос.

Он всё не отрывал взгляда от огня.

Пётр напрягся и тоже уставился в костёр. И вдруг вспомнил своё отречение, другой костёр, пение петуха...

– Симон Ионин, любишь ли ты Меня больше, нежели они?

– Так, Господи, – ответил Пётр. Он положил остатки рыбы перед собой и поднял страдальческий взгляд на Иисуса. – Ты знаешь, что я люблю Тебя.

– Паси агнцев Моих, – проговорил Иисус, глядя на Петра.

Иоанн, как и Пётр, положил перед собой рыбу и глядел на Господа, ожидая, что Тот сейчас заговорит и с ним.

– Симон Ионин! Любишь ли ты меня?

– Так, Господи. Ты знаешь, что я люблю Тебя, – тихо, буд то через силу, ответил опять Пётр.

– Паси овец Моих, – проговорил Иисус.

Пётр никак не мог понять, смотрит ли на него Господь или нет. Вода сверкала за спиной Иисуса, в воде играло солнце, и казалось, что ослепительный свет исходит от лика Учителя.

– Симон Ионин! – раздалось в третий раз. – Любишь ли ты Меня?

Пётр страдал. Его Господь сомневался в нём.

«Как же это случилось? Как я мог? Если бы сейчас... Вот сейчас я готов и не дрогну... Пусть на крест! Вместо Него! Или как Он...»

– Господи! – от всего сердца произнёс Пётр. – Ты знаешь, что люблю Тебя.

– Паси овец Моих.

Теперь было ясно видно, что Иисус внимательно смотрит даже не на него, а сквозь него, и Пётр непроизвольно поворачивался к Нему то одним боком, то другим, давая возможность разглядеть все уголки своей души. Ему нечего было скрывать.

– Истинно, истинно, говорю тебе, – проговорил Иисус, наклонив голову, – когда ты был молод, препоясывался сам и ходил куда хотел, а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведёт куда не хочешь.

Пётр не силился понять, он только знал, что Господь простил его, недостойного, слабого ученика. Чёрные глаза плавали в слезах, как две огромные рыбы в озере.

Иисус встал и, обернувшись к Петру, промолвил:

– Иди за Мной.

Пётр двинулся следом, не спрашивая, куда, зачем... Он шёл, ступая по камням, боясь ненароком отстать от Учителя, шёл, как послушная овца за пастырем... И вдруг, обернувшись, увидел, что Иоанн тоже тихо идёт за ними.

– Господи! – сказал Пётр, обращаясь к Идущему впереди. – А он что?

Иисус шёл какое-то время молча, сливаясь с лучами солнца.

– Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мной.

И так они шли дальше. Впереди – Иисус, за Ним – Пётр, а ещё чуть позади – Иоанн.

А на берегу у костра остались Иаков, Нафанаил, Фома и другие и смотрели вслед им.

Часть первая

Глава 1. Первые дни без Учителя

...И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною. Пётр же, обратившись, видит идущего за ним ученика... Его увидев, Пётр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: ...что тебе до того? Ты иди за Мною.

Евангелие от Иоанна

– Ну, мои дорогие, здравствуйте, здравствуйте! – говорил Пётр, радостно улыбаясь и потирая возбуждённо лицо.

Волосы курчавились шапкою, выражение глаз было твёрдое и оживлённо-готовое. Казалось, он вернулся из дальнего путешествия, а ведь прошло совсем немного времени, как он оставил друзей на берегу и двинулся следом за Учителем.

Иаков, Андрей, Фома Близнец, Варфоломей, Матфей, Симон Зилот смотрели на него с почтением, даже немного приклонив головы, словно Пётр, их давнишний друг, приобрёл нечто особое – после того, как Учитель позвал следовать за Собой.

– Теперь нам надо идти в Иерусалим, – говорил между тем Пётр, всё так же потирая лицо обеими руками, будто совершая омовение.

– В Иерусалим? – спрашивали они, улыбаясь. Радость Петра передалась им. – В Иерусалим? *Он* тебе это сказал? *Он* так велел?

– В Иерусалим, в Иерусалим. Только надо созвать всех, и женщин тоже. Тётку Саломею, – кивнул Пётр Иакову Зеведею, – Иоан ну, жену Хузы, Марию Клеопову... Конечно, Марию из Магдалы...

– Так Равви велел?

Пётр внезапно замолчал, погрузился. Робким, незнакомым жестом прижав пальцы ко лбу, он рассеянно двинулся вдоль берега, позабыв про товарищей.

Они торопливо кидали обратно рыбу в лодку, то и дело оглядываясь на не успевший остыть костер. Пахло печёной рыбой, одна рыба всё ещё лежала на камнях, и сок с шипением капал на угли.

Все будто забыли про Иоанна и только молча кивнули, когда тот, возвратившись, приблизился к ним.

В Капернауме в разгар летнего дня улицы были пустынные. Город словно вымер, лишь время от времени раздавались полные муки крики мулов да верблюды звенели своей упряжью на постоялом дворе. Только что прибыл караван из Дамаска, который следовал в Священный город на праздник Пятидесятницы. Не летел, как раньше, по улицам крик: «Бессора, бессора!», оповещая всех жителей, что Учитель пришёл в город.

Семеро мужчин спешили вверх. На каменном заборе, выпирающем полукругом на улицу, сушились сети. Сверкнуло озеро, позади белели стены синагоги, где Он год тому назад сказал впервые, что Его тело – это хлеб, сошедший с небес. Что они тогда поняли? Ничего! И только Пётр на вопрос Равви «Не хотите ли и вы Меня оставить?» нашёлся что ответить. Пётр тогда сказал то, что было на сердце у каждого: «К кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной». Да, у всех это было на сердце, конечно, не считая Иуды из Кариота. Предатель!

И картина казни, рассказанная тогда Иоанном, встала перед каждым, и прежде, чем войти в дом Петра, шестеро остановились и пропустили Иоанна, также приклонив головы перед ним, как незадолго перед этим приклонили головы перед Петром.

Уже вечером за трапезой они с восторгом перебирали подробности дня с самого раннего утра, когда, прорыбачив всю ночь и ничего не поймав, возвращались на берег. Радость переполняла их, они кричали, перебивая друг друга.

– Я первый узнал Равви! Узнал! – кричал Иоанн, обращаясь к Петру. – И ты сразу бросился в море!

– Я Его по голосу узнал! – кричал Андрей. – Он спрашивает: «Дети, есть ли у вас какая-нибудь пища?»

– А потом вышли на берег и не смели взглянуть Ему в лицо. Я всё следил за Его руками. Я их узнал! А ты почему-то считал рыбу, выбрасывая её из лодки! Зачем? – смеялся Иоанн, взглядывая на Петра.

Пётр тоже улыбался, но губы его дрожали.

– Ну да, Он сказал: «Дети, закиньте сеть по правую сторону».

– Ты что?! По левую.

– По правую. И сразу сеть стала тяжелеть. Я ещё крикнул Андрею: «Помогай!» Андрей, помнишь?

– А потом Он спросил: «Любишь ли ты Меня?» Почему? Почему он спрашивал именно тебя? – Иаков Зеведеев старался поймать взгляд Петра.

Пётр молчал.

– Потому что хотел только его позвать следовать за Собой.

– Я тоже шёл следом, – сказал Иоанн.

– Да, шёл, но Он тебя не звал. Ты сам пошёл.

– Вы не слышали, что Учитель сказал про меня Петру. – Лицо Иоанна покрылось красными пятнами. – Он сказал: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до этого?» Пётр, скажи, ведь ты спросил Учителя, зачем я иду?

Пётр молчал, словно не слышал.

Они брали куски печёной рыбы, ели, вытирали рты и передавали чашу с вином по кругу, как тогда, в последний день 15 нисана. Тихо трещали два светильника. И было слышно, как во дворе пели цикады свою бесконечную песню.

– Мне кажется, что это тот последний вечер с Учителем, – сказал Варфоломей тихо. – Всё чудится мне, что Он сейчас или войдёт к нам, или даже уже возлежит с нами. Стоит только сделать усилие – и мы увидим Его.

– О! – вдруг вскочил Пётр. Прикрыв глаза, как от сильного света, он побежал к распахнутой двери. – Нет! Нет!

Ужас охватил присутствующих. Они выскочили следом во двор.

В залитом лунным светом дворе, уткнувшись в потухший очаг, как тряпка, брошенная сохнуть на землю, лежал Пётр.

– Откуда во мне такая мерзость? Ведь я же любил Тебя более всего на свете? Нет! Я лгал! Более всего на свете любил я себя самого, потому и отрёкся! Три раза! Три раза!

– Прекрати кричать! Весь Капернаум сейчас соберётся здесь, – требовали Матфей и Симон Зилот.

Варфоломей, подперев голову рукой, жалостливо следил за Петром.

– Ты давал мне возможность три раза исправиться! Трижды! Трижды! Ты спросил меня, люблю ли я Тебя? О! Да! Господи! – кричал Пётр, воздевая руки кверху, и слёзы катились по его лицу. – Я люблю Тебя! Я люблю Тебя, Господи! Надеюсь, что теперь – более, чем себя! Надеюсь, что более себя! Надеюсь, что более себя! – Он опять испуганно ударил себя в грудь. – «Не пропоёт и три раза петух!» – захлёбывался он, обращаясь к небу. – Ты

знал уже всё тогда, на седере, и прощал мне заранее? О, эта служанка-искусительница... Как она сказала? «Ты был с Иисусом Галилеянином?» Господи, мне бы ответить: «Да, был и благодарен Всевышнему за это счастье!» Но что я сказал? Что?

Встав на колени, Пётр переводил взгляд на застывших Андрея, Иоанна, Фому, Варфоломея и на их лицах читал ужас и недоумение.

– «Не знаю, что ты говоришь!» – крикнул Пётр и простёр кверху руки. – «Не знаю, что ты говоришь!»

Огромная тень сквозь протянутые на просушку сети повторяла все его движения.

– Это я сказал, я, будучи Симоном, будучи Кифой, которого Ты призвал вторым! «Не знаю сего Человека!» – кричал Пётр, откидывая с остервенением волосы со лба, будто они мешали ему увидеть Учителя. – Господи! Ты позвал меня сегодня, Ты жалостливо спрашивал: «Любишь ли ты Меня?» Ты же видишь, Господи, что люблю, люблю Тебя более всего на свете! Верь мне, верь! – Пётр опять упал на землю и уткнулся в остывший очаг.

Всех охватила паника.

У калитки толпились любопытные.

– Опомнись, что ты говоришь! – шептал Иоанн, подбегая к Петру и становясь перед ним на колени.

– Я ведь тоже был на дворе Кайафы и ничего не слышал! Тебе привиделось, брат мой! Встань с земли!

Теперь оба, Симон Зилот и Иоанн, пытались поднять Петра.

Пётр всхлипывал и раздирал одежды...

– Опомнись, – шептал Иоанн. – Сейчас весь Капернаум сбежится! Я ведь тоже был во дворе Кайафы. Ничего, ничего из того, что ты говоришь, не слышал. Вставай с земли. – Иоанн пытался поднять Петра.

– Он Меня простил! Сегодня простил! – не слушал Пётр. – Клянусь! – Он даже не подумал, что нарушает заповедь Учителя. – Клянусь! Я отныне не предам Тебя вовеки! И всегда буду с Тобой!

Иаков Большой подбежал к каменному кувшину, стоявшему около калитки, и хлопнул ею, отгоняя любопытствующих. Зачерпнул воды из кувшина и окатил Петра с ног до головы.

– Вспомни, когда Господа гнали, и мы ходили по Сидону и Тиру, а потом шли по Кесарии Филипповой, и Он, утомлённый, покрытый пылью, спросил: «За кого вы Меня почитаете?» Вспомни, что ты один ответил, – крикнул Иаков. – Ответил, единственный из нас: «Ты – *Анта Мешиха*, Помазанник Божий!»

– Да, да, – кивал Пётр, в изнеможении прислоняясь к плечам Иакова и Иоанна. – Господи, – бормотал он, – я следую за Тобой... Следую...

Пётр клонился к земле, опять распростёрся на ней и впал в забытие. И слышал Пётр: «Симон, Симон, вот сатана добился того, чтобы просеять вас, как пшеницу. Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты, некогда обратившись, утверди братьев своих!»

Ученики так и не легли спать в эту ночь.

А на рассвете раздался возглас, и по улицам Капернаума понеслась весть: только что на горе Курн-Хаттин мальчишка-пастух, сын Иосифа, видел Иисуса из Назарета.

Показалось?! Нет! Показалось?!

Люди в сером рассвете выскакивали из домов и мчались по улицам Капернаума. Пробега мимо синагоги, кто-то успел крикнуть:

– Равви Иаир! Иисус воскрес! Его только что видели на горе Курн-Хаттин!

Толпа серой птицей летела по улицам Капернаума. И впереди всех мчались ученики. Миновали тёмные утёсы Долины голубей, проскочили родник. Никого! Все отчётливее в предрассветной мути прорезывалось тонкой линией озеро, плоские крыши домов, белеющие

стены синагоги. Но Иисуса не было. Толпа в растерянности остановилась. И когда казалось, все сейчас повернут назад, из-за Гадаринских высот выплыл сияющий край солнца, заливая вершину Курн-Хаттина радостным светом. На вершине горы в нескольких стадиях от них стоял Равви. Голова Его была прикрыта белой повязкой с цветной перевязью вокруг лба. Люди, оробев, остановились. Сомнений не было – на горе стоял их Учитель! Вот оно – обетование! О котором Он столько говорил! Воскрес и стоит, подняв правую руку! И, кажется, что-то говорит! То ли облако, то ли росистый туман, поднявшийся с озера, делали Его высоким, будто колеблемым ветром. Казалось, Он чуть парит над землёй.

Пётр из всех сил вглядывался в размытый образ Учителя, недоумевая, почему они попадали ниц вместо того, чтобы вбежать на гору к Равви.

– Господи, – шептал Пётр, пытаясь притянуть Его взгляд, – по воле Твоей я стану *кифой*. Простым строительным камнем, покорно лежащим там, куда Ты положишь меня.

– Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, соблюдать всё, что Я повелел вам. И се Я с вами во все дни до скончания века, – донёсся до них знакомый голос.

– Господи! Я не понимаю Тебя! Что значит – *крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа*? – Иоанн поднял голову, чтобы встретить взгляд Учителя. Учитель был далёк, взгляд Его был устремлён то ли вдаль, то ли охватывал всех, распростёртых пред Ним.

Иоанн от волнения забыл слова пророка Иоанна Крестителя, Ха-Матбила: «Идущий за мной сильнее меня, я не достоин понести обувь Его, Он будет крестить вас Духом Святым и огнём».

«Нет! Невозможно теперь Тебя называть просто *Равви*! – думал в смятении Матфей. – Год тому назад, когда вся синагога бесновалась, не Ты ли стоял, словно потерянный, и повторял: “Не хотите ли и вы покинуть Меня?” А сейчас я чувствую – власть, владычество и силу! Я не знаю, как теперь к Тебе обращаться... Ты сейчас не говоришь, что власть дана от Бога. Правильно ли я понял, что Ты получил эту власть и уничтожил преграду между Богом и людьми и всем миром? И слышат ли другие то, что так ясно слышу я?» Матфей оглянулся на Петра...

– Идите, идите, научите все народы, – нёсся голос над головами.

«О! Не господствовать, не господствовать, а научить! Научить! Вот что требует, вот что завещает нам Господь! Да, теперь я не могу иначе Его называть, как Господь! Он уже не Равви! Я это чувствую, я не смог бы к Нему приблизиться и тронуть Его за руку», – думал в лихорадке Андрей, разыскивая глазами брата.

Иудеи, сирийцы, греки созерцали чудо, не смея шевельнуться, и всем сердцем понимали, что то, о чём шепотом рассказывали Его ученики после возвращения из Иерусалима, во что раньше верилось с трудом, – истина. И звучало над толпой, и отдавалось в сердцах:

– Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа!

* * *

Прошло два дня с явления Иисуса на горе. Весть о появлении Мессии пронеслась по Галилее. Как в прежние дни, Галилея напоминала разворошённый под солнцем муравейник, и те, кто не видел Иисуса на горе, тоже проникались уверенностью, что были свидетелями чуда. Смятение в городе было таково, что уже собралось три каравана, направлявшихся в Иерусалим на праздник Пятидесятницы. Людей было так много, что не хватало места не только на постоянных дворах, не только в домах гостеприимных капернаумцев, – весь причал был усеян полосатыми шатрами богомольцев, ожидающих повторения великого чуда. Все только и говорили, что о явлении воскресшего Мессии, о том, что Бог Его воскресил на третий день и дал Ему являться сначала заранее избранным, которые с Ним ели и пили после

Воскресения, а сейчас явился и им тоже! Были заброшены лодки, забыта рыбная ловля. Ожидали со страхом суда Божия, разгорались споры о том, как понимать «Царствие Божие» – только ли как установление тысячелетнего царства добра и справедливости?

Четверо суток Капернаум ожидал конца света, наступления Царства Божия. На четвертые сутки, когда солнце опускалось далеко в море и наступал вечер, мирный и ясный, толпа людей на причале в Капернауме была в растерянности: как следует себя вести дальше? Оставаться ли здесь и ждать явления Мессии или следовать в Священный город? Ведь Мессия должен явиться в Иерусалиме!

– Почему Он явился нам здесь, на горе Курн-Хаттин? Почему не в Иерусалиме? – спрашивал старик с весёлыми карими глазами и приплюснутым носом. Он оглядывал сидевших у костра и, казалось, весело им подмигивал, будто знал заранее ответ.

Матфей, который вчера весь день отыскивал записи, сделанные почти три года назад здесь, на горе Курн-Хаттин, сейчас сидел против старика, держа в руках пергамент, на котором ещё сохранились пятна туши. Тогда Матфей, бывший сборщик податей, прекрасно изучивший людей, не смог сдержать слёз. Да, он, проклятый мытарь, сидел и плакал, потому что знал, что никто не сможет подставить правую щеку, если ударят по левой.

– «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас!» «Блаженные нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», – торжественно читал Матфей. – Может быть, Он поэтому и явился сюда. Здесь, на горе Курн-Хаттин, Он произнёс эти слова три года тому назад. Он впервые тогда открыл нам новый Закон, – говорил Матфей, засовывая пергамент за пазуху.

– Да. Да, – поддержал его старик, – Он говорил: «Блаженнее давать, нежели принимать».

Матфей не помнил этих слов. Нет, таких слов тогда не было. Он опять достал пергамент и прочитал:

– «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» – так говорил Гос подь здесь, на горе Курн-Хаттин...

– Он говорил, что никто не войдёт в Царство Божье, если не пройдёт через искушения, – проговорил опять старик, весело глядя на Матфея. – Да. Да. «Из-за слабых Я был слаб, из-за голодающих голодал, из-за жаждущих испытывал жажду» – так говорил Он.

Глаза старика сияли. Опять Матфей подумал, что этих слов он не слышал, но вновь промолчал.

– «Блаженные чистые сердцем, – проговорил Матфей, вставая и засовывая за отворот хитона кусок пергамента, – ибо они Бога узрят». Так говорил Господь, – добавил он тихо.

Среди слушающих произошло движение.

«Возможно, они решили, что Иисус явился им потому, что они *чистые сердцем*. Нет, – подумал Матфей, – я больше не стану читать слова Учителя».

– Сначала Он явился тем, с кем ел и пил после Воскресения, вот этим ученикам Своим, а теперь явился и нам. «Слабость спасается через силу» – так говорил Он. «Никто не достигнет Царства Небесного, кто не прошёл через искушения», – слышал Матфей, удаляясь от костра.

«Сколько теперь будет сказано слов, которые говорил Равви? – думал Матфей. – И какие из них будут действительно Его?»

Матфей вдруг остановился и, в темноте нащупав забор, прислонился к нему спиной. Снизу доносились голоса, и видно было, как полыхают костры на причале.

– Господи, – проговорил Матфей. – Благодарю Тебя, Господи! Где-то там на причале стоит моя бывшая палатка, и в ней новый мытарь. А Ты мне открыл новую жизнь по Своей любви. Надоумил меня записывать Твои слова. Да святится имя Твоё!

В этот вечер слова, обращённые когда-то Сыном к Отцу, Матфей впервые адресовал Сыну, своему бывшему Учителю, Воскресшему Иисусу.

Глава 2. Возвращение в Иерусалим

*И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины... Не оставлю вас сиротами...
Евангелие от Иоанна*

Ранним утром 23-го числа весеннего месяца ияра три каравана одновременно покинули Капернаум. Среди потока людей ученики старались держаться вместе. С ними в Иерусалим шли Мария Клеопова, Саломея, Мария Магдалина, Иоанна, Сусанна, Элиазар из Магдалы. Из-за задержки в Капернауме путь через Перею был отвергнут. Три каравана растянулись по просёлку через Генисаретскую долину. Когда огибали Фавор, открылась лощина, за которой укрывался Назарет. Каждый путник имел в корзине хлебное приношение Всевышнему – первый сноп пшеницы или хлеб, испечённый из первого сжатого снопа, смешанный с елеем.

Некоторые паломники вели также однолетних, без какого-либо изъяна, ягнят и телят для жертвы Господу – «приятное Ему благоухание». На душе у идущих было беспокойно. Может, надо было остаться в Капернауме и там ожидать наступления Царства Божия, а не спешить в Иерусалим через враждебную Самарию?

Караван свернул с просёлка и вышел на прямую, как стрела, мощённую римлянами дорогу, ведущую в Иерусалим, на юг. Отсюда расходились ещё две дороги – на восток, через Вади Фара к Иордану, и на запад, через долину Сихем – к морю. Вокруг расстилались нивы, побелевшие для жатвы. Гора Гаризим нависала над ними. Путники расположились неподалёку от колодца Иакова в тени олив, окаймляющих три дороги.

Старец с накинутым на плечи полосатым покрывалом поучал тринадцатилетнего внука, впервые идущего в Иерусалим.

– Самаряне – это кутеи, выходцы из города Кут в Месопотамии, – говорил громко и важно старик, оглядываясь на учеников, расположившихся рядом. – Ассирийские цари переселили их в Самарию на место наших изгнанных соплеменников. Столько лет прошло, а они остались такими же гордецами. Эти самаряне до сих пор думают, что иудеи хуже скота. Вот здесь, на горе Гаризим, – старик пренебрежительно махнул рукой в сторону горы, – самаряне выстроили храм, а Маннасия, брат Иоддая, иудейского Первосвященника, отказавшись развестись с дочерью Санввалата, был принужден бежать и сделался Первосвященником в этом храме.

Старик явно щеголял своим знанием Священного Писания и, возможно, затеял весь этот разговор, чтобы привлечь внимание учеников.

– С этого времени самаряне бесстыдно извратили Тору – объявили истинно святым место Гаризим и стали утверждать, что на вершине этой горы Авраам принёс в жертву Богу Ицхака и поэтому именно здесь надо совершать богослужения, а не в Иерусалимском Храме.

Старец напрасно старался и напрасно повышал голос. Мысли учеников были заняты Равви. Три года тому назад они с Учителем остановились здесь, возвращаясь с праздника Пасхи. Здесь Учитель сидел под сводами рядом с колодцем.

– Иоанн, – почему-то шёпотом обратился Пётр к Иоанну, – ты ведь тогда остался с Учителем у колодца?

Иоанн не ответил.

– Иоанн, – помолчав, опять окликнул его Пётр, – а женщина была здесь?

Жгучее желание видеть и слышать Учителя охватило Иоанна. Не отвечая, Иоанн сошёл с дороги, будто облегчая Господу возможность выделить его из толпы, и лёг на сухую горячую землю, заложив руки за голову, упёршись глазами в белёсое от жары небо. Здесь три

года тому назад он лежал в тени оливы, когда все побежали в Сихем за едой, а Учитель беседовал с самаритянкой. Вот уже три дня Иоанн силился понять слова Учителя о Духе Святом. Говорил ли об этом Учитель раньше? Он не замечал ни дороги, ни товарищей, не слышал разговоров, пения псалмов, звуков цимбал... Снова и снова Иоанн возвращался к мысли: что именно и когда говорил о Духе Святом Учитель.

Иоанн приподнялся на локте, стараясь разглядеть невысокую сводчатую крышу колодца. Обжигающий ветер дунул в лицо, и Иоанна вдруг охватил страх. Вместе со страхом явилось воспоминание. Горница, залитая лунным светом, они, возлежащие за столом... Ужас, смертельный ужас входил тогда в комнату и оставался там, пока они пели псалмы, пока ели опресноки и пасхальную трапезу... Запах пасхального агнца коснулся его ноздрей, и он услышал слова: «И если что попросите у Отца во имя Моё, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. И Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек. Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает, и в вас будет. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам». Так вот что говорил третьего дня Учитель! О Духе Святом, Которого Он ещё до распятия обещал прислать! Те же слова! Он их повторил третьего дня на горе!

– Иоанн, Иоанн! – теребил брата за руку Иаков Зеведеев. – Ты что лежишь? Пошли! Смотри, все уже давно прошли! Да что с тобой?

– Он не оставил нас! – вскрикнул Иоанн, хватая брата за руку и больно дергая её изо всех сил вниз. – Он пошлёт Его нам, надо ждать! Он нам скоро пошлёт Духа Святого, Который пребудет с нами вовек! Духа Истины! – прокричал Иоанн.

Он не видел ни дороги, по которой уходил караван, ни брата, он всё ещё пребывал в Горнице на горе Сион, в доме Иоанна-Марка, в тот последний праздничный седе́р, накануне 15 нисана.

Иаков схватил брата одной рукой за локоть, а другой пытался открыть мех с водой. Ему казалось, что Иоанн потерял рассудок. Может, перегрелся на солнце?

– Он не оставил нас, как и обещал! – кричал Иоанн, отталкивая протянутый мех с такой силой, что несколько драгоценных капель упали на сухую землю.

Полный мужчина, с седеющими волосами, выбившимися из-под повязки, укоризненно качал головой, проходя мимо.

– Пётр! – кричал Иоанн, наконец вырвавшись из рук брата. – Пётр! Пётр! – кричал Иоанн, еле переводя дух и вытирая потный лоб. – Что говорил Учитель? Неужели не помнишь? Ведь в последний вечер Он говорил нам об Утешителе, Которого нам пошлёт! Пётр! Ты что? Не слышишь? Утешителя Учитель обещал нам прислать! И вот третьего дня повторил это снова! – кричал Иоанн, хватая Петра за руку.

Пётр же чувствовал необыкновенную усталость, и не было желания не только говорить, но даже и молча слушать.

– Ты что, хочешь сказать, – тихо проговорил Пётр, – что Равви с нами никогда больше не будет? Никогда мы Его больше не увидим? – И вдруг отчаянно крикнул: – Этого не может быть!

– Иоанн, ты думаешь, что нам надо ожидать Утешителя, Духа Святого, в Иерусалиме вместо Равви? – отталкивая Петра, прошептал Варфоломей.

– Какой Утешитель? Откуда? Нужен Равви! – вдруг, покрывая голоса учеников, раздался отчаянный вопль. Кричала Мария Магдалина. Никто не заметил, как она приблизилась к ученикам, окружившим Иоанна, и внимательно, вытянув шею, тихо переступая, прислушивалась к разговору. А сейчас Мария кричала, хваталась за сердце, на бледных висках её показались два алых пятна. Жёлтые глаза стали белыми, и она упала на землю.

Вокруг толпились паломники, не успевшие уйти с караваном, настороженно оглядывали группу учеников. Мария, сотрясаясь от рыданий, ползала по земле.

– Почему не увидим? – время от времени кричала она. – Равви придёт!.. Я знаю! Я верю! Я Его увижу! Буду смотреть на Него! Кто говорил про Утешителя? – Внезапно она села и судорожно рассмеялась, заглядывая поочередно в лица учеников.

– Равви, помоги, – взмолился Пётр. – Не дай нам этого позора, чтобы в женщину, которая идёт с нами, опять вселился бес. Равви, услышь!

– Помнишь, ты сказал Равви, когда Мария стала ходить с нами, – чтобы она покинула нас, ибо женщины не достойны вечной жизни, – прошептал Андрей, наклоняясь к брату. – А Равви ответил: «Мария обретёт жизнь вечную, потому что всякая женщина с мужественным сердцем достойна войти в Царство Небесное».

– Не помню, ничего такого не помню, – хмуро отвечал Пётр, отталкивая Андрея и бережно приподнимая Марию.

Ученики с трудом нагнали караван. Растерянные, ведя Марию как слепую, поддерживая под руки, они шли, сбившись в кучу. Овцы... Овцы без Пастуха! Уже поздно вечером, как обычно, караван остановился в долине.

Горсточка паломников окружила учеников. Усадив их, как почётных гостей, каждый старался оказать им какую-либо услугу, и, только расседлав мулов и верблюдов, усевшись за трапезу, люди позволили себе обратиться за разъяснениями. Матфей, Варфоломей, Иаков Зеведеев и Андрей отвечали охотно, повторяли изречения Учителя и даже, как ни странно, вспоминали без тоски и отчаяния о роковой ночи в Гефсиманском саду... Но чаще всего вспоминали Его проповедь на горе Курн-Хаттин, там, где Он явился всего три дня тому назад, воскресший из мёртвых!

– Он говорил: «Бог есть любовь, и огонь поедающий», – вдруг вымолвил Иоанн.

Слова Учителя из Нагорной проповеди «И огнём осолятся» неожиданно вспомнились ему, и он незаметно для себя изменил слова Иисуса.

Петру волнение, пережитое у колодца Иакова, не давало покоя, и он встал и пошёл между кострами на другую сторону дороги.

Оглядевшись, Пётр направился к одинокой оливе, стоявшей поодаль, и, опустив голову, сел на кряжистые холодные корни. Солнце давно зашло, яркие звёзды зажглись на небе. Красное, подобно пожару, зарево заката угасло, и край неба озарился светом встающей луны. Огромный диск будто удивлённо колебался в серовой мгле.

Пётр так был погружён в жгучие воспоминания, что не заметил, что рядом сидит в тени оливы ещё один человек. После приступа отчаяния, который с ним случился по дороге, Пётр как-то не видел людей порознь, не выделял их из толпы, – он замечал только их перемещения. Ритмические движения, которые делал пожилой мужчина, то склоняясь к земле, то вновь выпрямляясь, отвлекли Петра от его мучительных дум.

Пётр молча следил за неизвестным, опять припавшим к земле.

– Как сказано в Исходе: «Три раза в году празднуй Мне! – донеслось до Петра бормотание. – Наблюдай праздник опресноков: семь дней ешь пресный хлеб, как Я повелел тебе, в назначенное время месяца авива или нисана, ибо в оном ты вышел из Египта. И пусть являются перед лице Моё, наблюдая и праздник жатвы, первых плодов труда твоего, какие ты сеял на поле, а также праздник собирания плодов в конце года, когда уберёшь с поля работу свою. Три раза в году должен являться весь мужеский пол пред лице Владыки, Господа твоего».

Под мерное бормотание Пётр наконец успокоился и закрыл глаза.

– «И в день первых плодов, – как сказано в Числах, – когда приносите Господу первое приношение хлебное в седмицы ваши, да будет у вас священное собрание: никакой работы не работайте. И приносите всесожжение в приятное благоухание Господу...»

Пётр спал, склонив голову на грудь. Громко шумевшая говором и треском костров огромная стоянка затихала. Красные огни костров затухали, и, освещённые луной, прежде невидимые, открывались горы. И дальше этих гор, в вышине, виднелось светлое, колеблющееся и зовущее к себе бесконечное небо. Озябнув, Пётр встал и вернулся на прежнее место, где он оставил товарищей. У костра, завернувшись в плащи, спали Варфоломей, Симон Зилот, Иоанн и Иаков Зеведеевы, Матфей и Андрей. Пётр некоторое время стоял над ними, о чём-то думая, потом лёг на землю рядом и укрылся плащом.

Глава 3. В Долине плача

*По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца.
Евангелие от Марка*

Последнюю ночёвку перед входом в Иерусалим паломники испо кон веков по обычаю проводили в Долине плача...

«Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает её благословением. Приходят от силы в силу, являются перед Богом на Сионе...» – так сказано о Долине плача в одном из псалмов Давида.

Подобно выжженной земле, которая после первого осеннего дождя покрывается зеленью, паломники на последнем этапе изнурительного пути должны были получить в этой долине источник благодати. Впрочем, никто не мог с уверенностью сказать, что именно это место воспето в Псалме восхождения, но с незапамятных времён мрачную долину Аин-эль-Гарамиз, узкую расщелину между скалами, с многочисленными источниками с тёмной водой, испещрённую гробницами, принимали за Долину плача.

До слуха идущих с караваном из Капернаума доносилось пение – то паломники из Кесарии Филипповой уже раскинули лагерь. Слова псалмов сливались с шумом лагеря, и разобрать их было невозможно, но каждый из идущих с детства знал их наизусть.

Караван из Капернаума медленно продвигался вперёд. Узкая расщелина, казалось, желала расступиться, чтобы дать место всем паломникам, но – увы! – не в её силах это было сделать. Полосатые шатры лепились на выступах скал, у родников, бьющих из расселин. Уставшие люди пробирались среди шатров, огибая костры. Время от времени отдельные группы паломников вставали и, воздевая руки к тёмному небу, пели в едином порыве, и слова вырывались из мрачной долины и достигали неба. Тени плясали на скалах, умножая количество паломников, и казалось, что расположившимся здесь на ночлег нет числа.

После того, что случилось у колодца Иаковлева, Мария Магдалина, Иоанна, Саломея, Мария Клеопова и Сусанна, возможно, впервые нарушив обычай, шли не с женщинами и детьми, как то велось издревле, но вместе со всеми учениками в группе мужчин. Мария Магдалина еле шла. Пережитое волнение оказалось ей не под силу, и она в полузабытьи с трудом передвигала ноги, опираясь на руку Андрея.

До слуха Марии доносились возгласы поющих: «Господи! Избавь душу мою от уст лживых, от языка лукавого!», «Господь – хранитель твой!», «Господь сохранил тебя от всякого зла!».

Марии казалось, что все эти слова Господь относит прямо к ней. Да, Он сохранил её от всякого зла. В этом она уверена. Так же как в том, что она первая видела воскресшего Равви.

– О, Равви, Равви, – плакала Мария, спотыкаясь о камни, тихо охая и ещё крепче цепляясь за руку Андрея, – как я люблю Тебя!

До её слуха донеслись слова:

– «Просите мира Иерусалиму: да благоденствуют любящие тебя! Да будет мир в стенах твоих, благоденствие – в чертогах твоих!»

Мария Магдалина застонала так, что Андрей остановился и внимательно поглядел на неё.

– Уже скоро отдохнёшь, – проговорил он, вглядываясь в её лицо, освещённое светом костра, и отмечая её невидящий отчаянный взгляд.

Хор пел: «Просите мира Иерусалиму», а перед глазами Марии вставало лицо Равви, взгляд, устремлённый на город, шумно Его приветствующий. Она это видела так же ясно, как лицо Андрея, склонившегося к ней. Нет, гораздо яснее. Солнце слепило глаза, из сверкающего ореола выступало строго-печальное лицо. Слёзы лились по лицу и капали на рыжую гриву ослёнка... Равви плакал:

– «Прибудут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне...»

Мария обречённо слушала поющих, точно зная – мира Иерусалиму не видать.

– Равви, – прошептала Мария, – выпуская руку Андрея, – Равви! Ты тогда это предсказал. И Ты знал, что Тебя ждёт через три дня! Как же Ты вытерпел всё это, Раввунни? Даже зная, что Ты воскреснешь, что я Тебя увижу после казни живым, я теперь не пережила бы Твоего распятия.

Марию теснили, она стояла, почти лишившись сознания, тихо плача и ещё чувствуя влажную морду ослёнка, тогда упёршегося в её живот.

Сквозь шум, царивший кругом, пробивалось журчание не то речи, не то ручья. Мария стояла, убаюканная этой тихой музыкой, смутно ощущая, как покой вливается в душу. Вдруг её слуха коснулось имя Иисуса. Кто-то неподалёку, у костра, рассказывал про Равви. Мария судорожно шевельнулась и, как сомнамбула, не думая, не видя ничего, пошла на голос.

Около костра сидело человек десять, и старый мужчина, с приплюснутым носом, с добрыми глазами и мягким полным лицом, рассказывал историю, завораживая своей интонацией и самим рассказом:

– И облачили Его в порфиру и посадили на судейское место, говоря: «Суди правильно, Царь Израильский!» И кто-то из них принёс терновый венец, возложил его на голову Иисуса, а кто-то, стоящий рядом, плевал Ему в глаза, другие били Его по щекам, иные тыкали в Него тростниковой палкой, а некоторые бичевали Его, приговаривая: «Вот какой почестью почтим мы Сына Божия». И гнали и бежали, толкая Его, и говорили: «Гоним Сына Божия!» Он же всё время молчал, будто не испытывал никакой боли.

– Да, да! – подхватил кто-то из темноты. – Говорят, что Он не страдал.

– А я слышал другое! У Него призрачное тело, и Он может проходить через закрытые двери.

– И когда подняли крест, они написали на нём: «Это Царь Израильский», – продолжал первый рассказчик, не обращая внимания на замечания. – Был полдень, но мрак окутал всю Иудею, и они стали беспокоиться и бояться, не село ли солнце, а Он ещё был жив.

– Да, да, – опять вмешался первый голос. – Ибо предписано, чтобы солнце не заходило над умерщвлёнными.

– Тогда кто-то сказал, – опять, будто не слыша, продолжал рассказчик: – «Напоите Его желчью с уксусом», и, смешав, напоили. Многие же ходили со светильниками и, полагая, что ночь наступила, отправились на покой. Тут Иисус закричал страшным голосом: «Сила Моя, Сила, Ты оставила Меня!» И в тот же час разорвалась завеса в Храме надвое. И тогда вытащили гвозди из рук и положили Его на землю, и земля сотряслась, и начался великий страх. Тогда солнце засветило, и стало ясно, что ещё час третий. Отдали тело равви Иосифу из Аримафеи, и тот обмыл Его и обернул пеленой, и отнёс в свою собственную гробницу, называемую садом Иосифа. А ученики же сидели, печалась, и, сокрушённые духом, они прятались, потому что испугались и забыли про Учителя.

– Их разыскивали по всему Иерусалиму как злодеев, которые хотели сжечь Храм, – вмешался ещё один человек, до этого молча слушавший рассказ и задумчиво ковырявший палкой в костре, время от времени выхватывая её из огня и внимательно рассматривая. Его исхудавшее и обросшее густой чёрной бородой лицо казалось сердитым.

– Пилат дал центуриона – Петрония, а может, Лонгина, – продолжал невозмутимо рассказчик, – чтобы охранял гробницу. И за ними пошли старейшины и книжники и, прикатив большой камень, вместе с центурионом и воинами привалили к входу в гробницу. И, запечатав семью печатями, расположили палатку и стали стеречь. Сторожили же воины, по двое на каждую стражу. И в ту же ночь, когда начался субботний рассвет, пришла толпа из Иерусалима и его окрестностей, чтобы посмотреть гробницу опечатанную.

Здесь рассказчик замолчал, давая понять, что сейчас пойдёт речь о самом важном.

– И вот небо раскрылось, раздался громкий голос с небес. Два мужа сходят с неба, камень, прикрывающий вход, откатывается сам собой, и они входят в гробницу.

Рассказчик опять замолчал и молчал долго. Но так велик был интерес к рассказу, что все сидели, замерев, не смея шевельнуться, не смея подать голос. Он, казалось, и сам ожидал продолжения, задумчиво глядя на костер. И наконец проговорил, патетически повышая голос:

– Затем два мужа выходят оттуда, ведя с собой третьего, причём голова ведомого ими простиралась выше неба! – Он сделал короткую паузу и выкрикнул: – А за ними сам собой двигался крест!

– Ох! – раздался всеобщий вздох.

– Сам по себе двигался крест! – нёсся испуганный шёпот.

– Голова выше неба!

Люди придвигались ближе к костру, но садились поодаль от рассказчика, будто чего-то опасаясь.

Какое-то время рассказчик молчал, и уже казалось, что ничего прибавить он не сможет, как вдруг он произнёс нараспев:

– И слышали голос: «Возвестил ли Ты усопшим?» – Рассказчик поднял голову, и тут голос и выражение его лица изменились. Внимательно, медленно обвёл взглядом сидящих рядом и затем выкрикнул: – И был ответ с креста: «Да!»

– Этого не было! – вдруг закричала Мария. – Я Его увидела первой. – Она выступила из темноты. – Он со мной говорил! Он мне сказал: «Шолом».

Послышался смех. Кто-то смеясь повторил:

– Шолом!

Несмотря на смех, бледное напряжённое лицо Марии поразило сидевших.

– Я хотела дотронуться до Него рукой, но Он мне сказал: «Не прикасайся ко Мне, Мариам!»

Опять послышался смех.

– Слушайте, я же знаю правду! Я Его видела первой ещё на третий день, и не было ничего такого, о чём только что рассказывал тот человек.

Недовольный ропот покрыл её слова – женщина не только осмелилась непочтительно прервать старца, но ещё и обвиняла того во лжи. Все, как один, отвернулись от неё, а некоторые, громко протестуя, обратились к старцу, прося того продолжить рассказ.

– Это та, бесноватая, которая у колодца Иаковлева кричала, – произнёс кто-то громким шёпотом.

Возможно, Мария не услышала этих слов, а может, не придавала им никакого значения. Сейчас важно было одно – поведать правду, и она решительно сделала шаг вперёд и оказалась в центре круга.

– Слушайте, что я скажу. На рассвете третьего дня после казни, – начала Мария, – я пришла посмотреть на гроб. Я стояла и плакала и вдруг услышала...

– Шолом! – сказал кто-то, смеясь.

– Нет, – сказала Мария, гневно оглядываясь, – это было потом. Тогда я услышала: «Женщина, почему ты плачешь? Кого ищешь?» – «Потому что взяли Господа Моего и не знаю,

где положили Его», – ответила я. И тут я услышала Его голос. «Мариам», – сказал Господь. Я Его сразу узнала. Сразу. По голосу. «Мариам», – повторила она, закрыв глаза и сознавая, что сейчас не выдержит и расплечется. – Я... я... хотела коснуться Его, протянула руки, но Он мне запретил. Он сказал: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не вошёл ко Отцу Моему и Отцу вашему. И Богу Моему и Богу вашему».

По мере того как она рассказывала, черты её лица становились мягче, а глаза доверчиво смотрели на слушателей.

Вокруг неё в темноте стояли люди, прислушиваясь к каждому слову.

– Да, да! Равви встретил меня и сказал: «Радуйся!» И я упала к Его ногам. А Он сказал: «Не бойся, пойдёшь возвести братьям Моим, чтобы шли они в Галилею, и там они увидят Меня».

– Мария! – Голос низкий и властный перебил её – кричала Саломея.

Она бесцеремонно растолкала людей и стала рядом с Марией.

– Зачем говоришь, будто ты одна там была? Я же была с тобой, и ещё Мария Иаковлева и Иоанна.

Сейчас Саломея была одета не в праздничное фиолетовое одеяние, а в чёрное траурное. Но так же полны решимости были её действия, так же гордо держала она голову, и так же властно звучал её голос.

– Мы купили благовония и масла, чтобы помазать Его, – продолжала Саломея. – И, действительно, на рассвете в первый день недели пришли туда. Мы ещё волновались: кто нам отвалит камень от гроба?

Кто-то опять попробовал засмеяться, но на него зашикали с разных сторон.

Теперь внимание сидевших у костра мужчин усилилось. Властный вид пожилой женщины, решимость, с которой она вступила в спор с Марией Магдалиной, так бесцеремонно прервавшей старца, заставили сидевших у костра напряжённо следить за речью Саломеи.

– Глядим, – продолжала Саломея, оглядывая сидящих и понижая голос, так что почему-то слушающим стало не по себе, – глядим, – повторила она, – а камень отвален от гроба. А камень-то был огромный! И тут увидели юношу, сидящего на правой стороне. Облечённого в белую одежду. Он говорит нам: «Не ужасайтесь! Иисуса ищите Назарянина? Распятого? Он воскрес. Его здесь нет. Но идите и скажите ученикам Его...»

– Нет! – крикнула Мария Магдалина. – Я первая пришла и не нашла Его. И побежала к Петру. – Тут она остановилась и, будто что-то вспомнив, растерянно умолкла. – Да, я стояла у гроба и плакала, – наконец через силу проговорила Мария. – Кто-то говорит мне: «Жено, что ты плачешь? Кого ищешь?» Я думала, что это садовник, и говорю ему: «Если ты вынес Его, скажи мне, где положил?» А Он вдруг говорит – и я сразу узнала Его голос...

– Что она говорит? – послышался недовольный шёпот. – Зачем перебивает? Ничего нельзя понять, что говорит эта с жёлтыми глазами.

– Пётр! – Саломея пыталась отыскать его во тьме. – Мы же сказали тебе первые, что Он воскрес!

– Нет! – снова крикнула Мария Магдалина. – Я первая пришла и не нашла Его. И стояла у гроба и плакала...

Мария и сама уже не знала и не помнила, как все было. Ясно только – она помнила одно: что стояла и плакала.

– Мария, Мария, – шептал Пётр, хватая её за руку и пытаясь увести.

– Я созерцала Господа, – бормотала Мария, дёргая Петра за руку и стараясь привлечь его внимание. – И я сказала Ему: «Господи, я созерцала Тебя в видении». Он ответил: «Блаженна ты, ибо ты не дрогнула при виде Меня. Ибо где ум, там сокровище». Я сказала Ему: «Господи, теперь скажи: тот, кто созерцает видение, он созерцает душой или духом?» Гос-

подъ ответил мне: «Он созерцает не душой и не духом, но умом, который между первыми двумя».

Рассказ Марии становился всё путаннее, её била дрожь.

– Мария, Саломея, перестаньте, – шептал Пётр. – Андрей, Иаков, – подзывал он товарищей.

Страх, что Мария опять повалится на землю, а тётка Саломея начнет отчитывать её и всё обратится в скандал, ужасала Петра. Он грубо оттеснил стоящего на дороге мужчину, толкнул другого.

– Мария, Мария, – повторял Пётр, ведя её за руку, как упрямого ребёнка. – Ты устала. Пойдём. Сегодня был тяжёлый день. Пойдём отдохнём. Мы уже разбили для вас шатёр. Пойдём.

Пётр потащил Марию прочь от костра. Следом двинулась Саломея, недовольно вздёрнув плечи. За ними как стражи, ограждая их, шли Иаков и Андрей.

Саломея громко говорила:

– И не один муж был в белых одеждах, а два. И когда мы были в страхе и наклонили свои лица до земли, они сказали нам: «Что вы ищете живого между мёртвыми? Его здесь нет. Он воскрес».

– Да, да, он сказал, – шептала Мария: – «Не бойся, ибо я знаю, что ты ищешь Иисуса распятого. Его здесь нет. Он воскрес. Как и говорил. И пойдёшь скорее и скажи ученикам Его, что Он воскрес из мёртвых и предварит вас в Галилее». Когда же я спешила обратно... Нет, все побежали сказать, а я стояла и плакала... Он ответил: «Блаженна ты, ибо не дрогнула при виде Меня».

Теперь уже Марию вовсе нельзя было понять, и только Пётр, по-прежнему крепко державший её за руки, мог различать неясный лепет:

– А Господь ответил мне: «Он не созерцает душой и не духом, но умом, который между первыми двумя...»

Последних слов Пётр уже не слышал. Наконец, отпустив руку, он подвел её к шатру.

Мария Клеопова бережно сняла с неё покрывало и заставила подойти к ручью и вымыть руки и лицо. Это, казалось, несколько успокоило Марию, во всяком случае, она умолкла. Мария Клеопова накинула на неё платок и уложила спать, но не в шатёр, в который Мария Магдалина никак не хотела входить, пугаясь тени, а около костра. Ученики так и не пропели полагающиеся псалмы восхождения. Страх, что случившееся сегодня у колодца Иаковлева и то, что произошло сейчас, вытеснит из памяти паломников воскресшего Иисуса на горе Курн-Хаттин, заставил всех сесть у костра, около которого, казалось, крепко спала Мария Магдалина. Лагерь затихал, и только где-то вдалеке плакал ребёнок.

– Что вы можете сказать по поводу последних её слов? – прошептал Пётр, оборачиваясь к спящей и предостерегающе поднося палец к губам. – Что касается меня, я не верю, что Равви ей это сказал, да я и не понял, что она говорила. Да и она не могла понять, даже если бы Равви это ей в самом деле сказал. Что это такое: «Ум, который между двумя?» Что это? Я не верю, что Господь с ней говорил.

Пётр спрашивал Иакова, Андрея, Иоанна – поочерёдно, заглядывая им в глаза. Но никто не отвечал.

– Разве Господь говорил с этой женщиной втайне от нас? Должны мы слушать её речи? Неужели Он доверял ей больше, чем нам? Я не верю, – громко проговорил Пётр. Мрачное его лицо ясно виднелось в свете угольев. Какой-то то ли вздох, то ли шорох раздался сзади. Пётр обернулся.

Мария стояла за его спиной. Она казалась спокойной, лишь губы её дрожали, и какая-то странная улыбка кривила их. Платок, которым её накрыла Мария Клеопова, лежал аккуратно

свёрнутым позади, и казалось, что там кто-то спит. Пётр растерялся. Иаков схватил Петра за плечи и притянул к себе.

Но Петра уже невозможно было остановить, подскочив к Марии, он, задыхаясь, проговорил, хватая её за руки и принуждая сесть рядом:

– Мария, сознайся, что всё, что ты сказала сейчас о беседе с Равви, – неправда. Он не говорил с тобой, мы всё время были там.

Не сопротивляясь, она опустилась на землю и принялась глядеть на костёр ставшими вмиг жёлтыми горящими глазами, будто пытаясь вспомнить, как же это было всё на самом деле.

– Брат мой Пётр, что же ты думаешь? Ты думаешь, что я сама это выдумала в моём уме и я лгу об Учителе? – наконец проговорила она, вздрагивая и по-прежнему не отрывая взгляда от костра.

– Лучше устыдимся! – вдруг раздался тихий голос.

Все обернулись, и на миг показалось, что опять Учитель с ними, что это Его голос. Но в тени от костра стоял Матфей.

– Пётр, ты вечно гневаешься. А теперь состязаешься с женщиной, как с серьёзным противником, – продолжал Матфей. – Но если Господь счёл её достойной, кто же ты, чтобы отвергнуть её? Лучше устыдись, – повторил он.

И опять всех поразил его голос, и опять всем показалось, что говорит Учитель. Пётр с трудом удержал себя, едва не вскочил и не побежал, сам не зная куда.

– Разумеется, Равви знал её очень хорошо. Вот почему Он её любил больше нас. Мария, – нёсся тихий голос, – мы верим тебе. Верим всему, что ты сказала. – Матфей кивал, будто усиливая слова, нежно проводя рукой по её голове, и повторял: – Он тебя любил больше нас. Нисколько тебя за виновную не считаем. И никто не думает, что ты говоришь неправду.

Матфей тихо и серьёзно глянул на Петра и повторил:

– И никто не думает, что ты говоришь неправду.

И пока Матфей говорил, что-то странным образом менялось вокруг. Свет от костров поплёк, ущелье пропало, мрачные скалы, окружавшие их, исчезли. Полная луна заняла всё небо и осыпала серебром уснувший лагерь, кучку мужчин и женщину, сидевших вокруг догоревшего костра.

Глава 4. Вознесение

И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их.

И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо.

Евангелие от Луки

Они вошли в Священный город утром, через северные Дамасские ворота. Вошли без боязни. Иаков Большой, Андрей, Фома Близнец, Варфоломей, Матфей, Симон Зилот, Пётр, Иоанн и Иаков Зеведеевы, Филипп – ученики Равви, Мария Магдалина, Саломея, Мария Клеопова...

– Помнишь, – обратился Иоанн к Петру, – помнишь, как мы бежали? Кажется, это было в другой жизни. А ведь прошёл всего месяц. Немногим более.

– Не помню, – отозвался Пётр, поднимая голову и останавливая свой взгляд на сверкающем куполе Храма.

Минуя пригород, где на испещрённых дорожками склонах теснились белые кубики домов, они вошли в Вифезду. Теперь справа и слева среди садов возвышались богатые дома, впереди нависала мрачная крепость Антония. Они уже было миновали крепость, когда Иоанн остановился и вытер лоб. Он стоял, чуть раскачиваясь, и, казалось, находился в нерешительности.

– Здесь, – наконец проговорил он тихо. – Здесь. Мне кажется, я не ошибаюсь. Здесь. Равви упал, и какая-то женщина вытерла Ему лицо платком.

– Сестра Лазаря, Мария из Вифании! – вскричала Мария Магдалина.

– Нет, – покачал головой Иоанн, – незнакомая. Здесь легионеры подозревали какого-то мужчину, и тот понёс крест, потому что у Господа уже не было сил.

Они молча оглядывали тесную улочку, уводящую за город, к Голгофе. Мария Магдалина медленно приблизилась к каменному забору, увитому яркими жёлтыми цветами, медленно, один за другим, оборвала цветы и, прижав на мгновение к лицу, то ли вдыхая аромат, то ли целуя, бросила их на дорогу.

Опустив головы, держа на сердце то, что им поведал Иоанн, они быстро миновали Акру, пошли по Тиропиону.

Храм блестел наверху мрамором и золотом, а здесь кривыми рядами стояли лавки – хануйот, вокруг сновали торговцы сыром, рыбой, зазывали портные, украсив себя огромными иглами, сапожники стучали нарочито громко, делая обувь прямо на улице, пахло жареной рыбой из харчевен, красильщики прохаживались с разноцветными нитями, перекинутыми через плечо, прилавки ломились от изобилия зелени и всех сортов мяса, тут же продавали вино и жареную саранчу. Гвалт зазывал, смех, шутки... Казалось, весь город заполнен веселящейся толпой, и никому и в голову не приходило, что сейчас мимо них идут ученики Иисуса, месяц тому назад позорно распятого рядом с двумя разбойниками в двух шагах отсюда, на горе Голгофе.

Прошли мимо богатых лавок, с искусно расписанными и гравированными чашами, кольцами. Шелка, тонкие полотна, эссенции, мази, духи теперь наполняли ароматом маленькие полутёмные магазины, лепящиеся вдоль улицы.

Они уже огибали гору Сион, когда Иоанну пришла в голову мысль, что Мария, Мать Иисуса, к этому времени перебралась в более удобный дом его родственников, что в Верхнем городе, по соседству с дворцом Первосвященника. И он, ни слова не говоря, заспешил

по улице, уводящей наверх, будто сейчас имела значение каждая минута. Но Саломея оставила Иоанна.

– погоди, – крикнула Саломея вдогонку сыну, – не думаю, что Мария куда-либо выходила за это время. Я уверена, что Она находится там, где мы Её оставили. Во всяком случае, мы сейчас ближе к этому дому. Не суетись.

Когда они переступили порог дома и Иоанн увидел Марию, Мать Иисуса, у него так больно сжалось сердце, что он задохнулся и прижал руки к груди.

Первой мыслью Иоанна было, что Мария ничего не ела со дня смерти Сына, а второй – что он больше никогда её не оставит.

О, как он мог забыть Его слова: «Се Матерь твоя, се сын Твой».

– Господи, прости меня! – воскликнул Иоанн, подходя к Марии и становясь под Её благословение. – Господи, – повторил Иоанн, обращаясь к Сыну, но наклоняя голову перед Его Матерью, – Господи, прости и благослови.

Мария нежно положила руку на голову Иоанна, и рука её покоилась там долго-долго. Казалось, Она пребывала в задумчивости. Она гладила и гладила его голову, а он стоял на коленях перед Ней и боялся шевельнуться.

– Встань, – наконец промолвила Мария. – Я рада, что ты вернулся.

– Я больше никогда никуда не уйду, – проговорил Иоанн, складывая на груди руки и поражаясь своему жестокосердию. Воцарилось молчание. – Мария, – снова заговорил он, целуя Её руки и отмечая, какие они худые, – Мария, я никогда более не покину Тебя. Я всегда буду с Тобой.

– Да, да, – ласково кивала Она в ответ.

Иоанн даже не вспомнил, что в Иерусалиме находился брат Иисуса, Иаков. Что могло сравниться со словами, брошенными с креста: «Се Матерь твоя, се сын Твой?» Что могло сравниться с этим?!

За весь день Мария больше не обмолвилась ни словом и только перед тем, как подняться наверх, в горницу, где Она провела все эти дни, сказала тихо:

– Завтра сорок дней.

Саломею, которая рванулась следом за Марией, Иоанн и пришедший под вечер Иаков не пустили.

Саломея оглянулась сурово на своих сыновей, всё ещё державших её за руки, но и ей, и им вдруг представилось, что она потеряла над ними власть. И всем троим вдруг слышались тихие слова: «Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?»

Они не крикнули, как тогда: «Можем».

Они уже знали, что не всё могут.

Вместо этого Иаков сказал:

– Сорок дней... Закон учит, что сорок – не простое число. Вспомни, – говорил он, обращаясь к Иоанну и не глядя на мать, которая опять было собралась подняться к Марии и опять была остановлена сыновьями, – вспомни. Сорок дней длился потоп. Сорок лет ходили по пустыне, ведь Сыны Израилевы ели манну сорок лет, доколе не пришли к пределам земли Ханаанской. Сорок лет царствовали Давид и Соломон.

– А Илия? Илия? – перебил его возбуждённо Иоанн, понимая, что завтра произойдёт что-то важное – может, явится опять Равви, а может, даже наступит наконец Царство Божие. – Вспомните про Илию! Вспомните! – кричал он так, что Мария, Мать Иисуса, медленно спустилась к ним. Иоанну показалось, что Её лицо стало чуть светлее, а глаза, Её необыкновенные, как серп луны, глаза, стали напоминать прежние.

– Что ты кричал, сын Мой? – обратилась Мария тихо к Иоанну, видимо пересиливая себя и всё же называя его так, как велел Тот, Другой. – Что ты кричал?

– Я... я, – растерялся Иоанн, – я только хотел сказать, что завтра сорок дней, как Ты нам всем напомнила. И что сорок – это священное число, и что вот пророк Илия, например, шёл к горе Хорив сорок дней.

Саломея, которая жаждала вернуть уважение детей и чувствовала себя неловко после того, как сыновья не пустили её наверх, и, возможно, впервые ослушались, произнесла по памяти из Книги Царств:

– «И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь и пей, ибо дальняя дорога пред тобой. И встал он, поел и напился и, подкрепившись тою пищею, шёл сорок дней и ночей до горы Божией Хорива».

– Мария, – сказал Иоанн, – надо поесть. – И настойчиво повторил: – Надо поесть.

Мария покачала головой.

И тем, как спокойно Она поглядела на него, как махнула слабою рукой, Она напомнила ту, что шла с пальмовой веткой впереди свадебной процессии в Кане, когда была посажёной Матерью Фамари и Симона-кананита.

– Нет, – повторила Она тише, – Он постился сорок дней в пустыне, после крещения. – Мария хотела сказать, как Её поразил преображённый вид Иисуса, когда Он явился на свадьбу в Кане, после крещения, но вместо этого произнесла: – Он постился в пустыне под зноем и холодом среди диких зверей. Неужели Я не могу выдержать здесь эти сорок дней?

Она мягко взглянула на Иоанна и опять поднялась к Себе наверх.

А они ещё долго сидели и перебирали про себя, что в Священной истории произошло в течение сорока дней, – и последнее, что могли вспомнить, – это сорок дней и ночей, что Моисей провёл на горе Синай.

– «И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору, и будь там, и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их. И взойшёл Моисей на гору, и покрыло облако гору. И слава Господня осенила гору Синай», – проговорил тихо и задумчиво Иаков, радуясь тому, что всё вспомнил, слово в слово.

– «Моисей вступил в середину облака и взойшёл на гору, и был Моисей на горе сорок дней и ночей», – добавил Иоанн, улыбаясь, глядя на брата и чувствуя, как потрясение от встречи с Марией улеглось где-то на дне души и стало легко и просто.

На следующий день рано утром братья Зеведеевы отправились в дом Марка-Иоанна, что в Нижнем городе, где они провели последнюю ночь с Равви 14 нисана. Ученики, которые ночевали в этом доме, сидели кругом на полу, поджав под себя ноги, и молчали. Казалось, они потеряли уверенность и не знали, чем себя занять, а может, даже у некоторых закрался вопрос – зачем они вообще здесь находятся? Здесь, в Иерусалиме? Не мог же Пётр сказать, как говорил в Галилее: «Вы как хотите, а я пошёл удить рыбу».

Они сидели, перебирая воспоминания. Вспоминать вслух о том, что происходило тогда в этой комнате, казалось святотатством. Казалось, всё рассыплется в прах, как только они начнут вспоминать подробности. Они ясно помнили, как пахло розами, как тьма заполняла комнату, как вместе с тьмой вползал невидимый ужас, как вдруг в окно глянула полная луна, нарисовав на столе, уставленном яствами, решётку от окна. Как Иуда, странно усмехнувшись, покинул комнату. Теперь всем казалось, что они ясно чувствовали, что Равви ждёт неминуемая и скорая смерть.

Так сидели они долго. Наконец после долгого тягостного молчания Пётр не выдержал:

– Тогда я смотрел на светильник, и вдруг он моргнул под моим взглядом, мне ясно представилось, что я буду ещё много раз служить причиной тьмы.

– А я-то Ему говорю, – всхлипнул Филипп, – «Покажи нам Господа, и будет этого довольно». А Он провёл рукой по моей голове и говорит: «Столько Я был с вами, и вы не узнали Меня».

– Шолом!

Нет, они не могли ослышаться! Это был Его голос!

– Шолом!

Чувствуя, что Равви стоит рядом, и страшась взглянуть на Него, ученики оцепенели, зная наперёд, что не надо задавать вопросов, а только ждать – ждать, пока хватит сил.

– Следуйте в Вифанию. – Это был Его голос.

Впервые со дня распятия Иоанн страстно пожелал, чтобы Мария – Мать – была сейчас здесь и видела и слышала Сына.

Молча, сосредоточенно они двинулись по улицам Иерусалима.

Впоследствии они не могли никогда вспомнить, как покинули город, через какие ворота, как перешли через Кедрон. Чем дальше уходили от города, тем быстрее шли и на гору уже взбежали. Вниз по западному склону, пестрея зеленью, уходили виноградники, обрываясь у Вифании. Маленький дом на краю села за каменным забором открылся их взору. Перед глазами возникла маленькая «чёрная курчавая овечка» – Мария, которая вылила миро на Его голову.

– Господи, Ты всё знал, – взмолился Пётр, не отрывая взгляда от дома в Вифании. – Прости нас.

И не успел договорить, как почти рядом, всего в нескольких шагах, возник Равви. На этот раз Он не был похож ни на рыбака, который предлагал им рыбу на берегу, ни на далёкого, почти невесомого Равви, Который явился на горе Курн-Хаттин, ни на незнакомого путника, идущего в Эммаус. Но хотя сейчас Он был прежний Равви в белом хито не, с цветной перевязью на голове, все чувствовали, что туда, где Он стоит, они не могут приблизиться. Будто невидимая сеть раскинулась между стоящим Равви и ими, упавшими на колени. Какое-то время Он молча оглядывал их, и казалось ученикам, что для Него, как и для них, нет большего счастья, как глядеть в глаза друг друга.

Как хотелось приблизиться к Нему! Вспомнить вместе проведённую жизнь! Дотронуться до Него! Но сеть, невидимая сеть была раскинута между ними и Равви.

Внизу шумел город. Где-то неподалёку высилась засохшая смоковница, рядом шелестел Гефсиманский сад своими древними оливами, всё здесь было связано с Равви. Сколько раз они ночевали под открытым небом, чутко прислушиваясь к шагам Равви! Здесь Равви предсказывал, что их ждёт, сидя вон там, внизу, откуда открывался вид на город. Тогда Пётр лежал у Его ног, почти уткнувшись в Его ступни, а рядом сидели Иоанн и Иаков. И вот сейчас, здесь, на камне стоял любимый Равви, но приблизиться к Нему не было никакой возможности. Он уходил, и это они если не понимали, то чувствовали всем сердцем. Если бы их спросили, что их ожидает, каждый бы не задумываясь ответил: следовать, как и прежде, за Равви. Но в глубине души они знали – Он с ними прощается. Уходит. Это было столь ужасно, что они, замерев, молча, не отрывая взгляда, смотрели на Него.

– Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари! – раздался голос Равви.

Теперь Он смотрел на них властно и строго.

– Кто будет веровать и креститься, спасён будет, кто не будет веровать, осуждён будет.

Каждое Его слово пронзало душу и откликалось в сердце.

– Дана Мне всякая власть на небе и на земле, – слышали они, – и так, идите научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Уча их соблюдать всё, что Я повелел вам.

Они клонили головы до земли в знак того, что всё поняли и всё сделают. Но печаль, страшная печаль сжимала сердца.

– Не отлучайтесь из Иерусалима, – строго наставлял Равви, глядя на склонённые головы, – но ждите обещанного от Отца, о чём вы слышали от Меня.

И, как в прежние времена, Он немного помолчал, будто взвешивая, насколько они поняли то, что Он им сейчас сказал.

– Ибо Иоанн крестил водой, а вы через несколько дней после сего будете крещены Духом Святым.

Он опять замолчал, глядя на их склонённые головы.

– И се, Я с вами во все дни до скончания века, – закончил Он Свою речь.

– Не являешь ли Ты нам сейчас Царство Небесное? – вдруг вскрикнул Пётр, вскидывая голову и неизвестно отчего прикрывая глаза рукой.

– Не дано вам знать, – тут же откликнулся Иисус, – когда наступит Царство, но идите и проповедуйте.

Голос Его был по-прежнему строг и требователен.

«Господи! – хотелось крикнуть Петру. – Улыбнись нам!»

Но он не смел.

Облако надвигалось на них, и что-то неуловимо напомнило всем троим, Петру, Иоанну и Иакову, тот миг, когда на Ермоне Равви явился им в сиянии и славе. И чем ближе надвигалось облако, тем лучезарнее сияло Его лицо, тем ослепительнее становился белый хитон. Белое облако тихо стлалось по горе. Вот оно подползло к Равви, поглотило Равви, вот Он стал удаляться. Он поднял руку и благословил их, и тогда всем Его ученикам показалось, что на глазах Его блеснули слёзы.

Они сидели не шевелясь, бездумно, не ожидая более Равви. Молчали.

В солнечных лучах внизу утопало селение Вифания, а по другую сторону шумел город, в который им надлежало возвращаться. Над городом царил сверкающий купол Храма. А Равви исчез.

Не сговариваясь, они пошли прочь от Гефсиманского сада, спустились к долине Кедрона, обходя стены города с восточной стороны, забирая на юг. В молчании миновали Силоамскую башню, оставили по левую руку гору Соблазнов, прошли под сводчатыми Воротами источника. Слышно было, как в Силоамском источнике плещется вода, доносился людской гомон. Город жил своей жизнью. Но что им было до того?

– Мы Его видели в последний раз. Мы Его видели в последний раз, – твердил про себя Пётр и, приблизившись к крепостной стене, перед тем как войти в ненавистный город, стал биться головой о камень. Он хотел кричать и плакать, кричать и плакать. И только сознание, что он ведёт себя как женщина, как Мария из Магдалы, отрезвило его.

– Мы Его видели в последний раз, – проговорил Пётр, вытирая слёзы.

Все стояли потрясённые, не двигаясь, и только Филипп молча приблизился к нему, бережно вытер окровавленный лоб и аккуратно завернул покрывало, чтобы скрыть следы крови.

– Мы его видели в последний раз, – шептал Пётр, глядя на Филиппа, будто только ему поверял свою ужасную тайну.

Это были первые произнесённые слова с того момента, как Равви исчез.

Уже подходя к дому Марка-Иоанна, Матфей обнял Петра и произнёс:

– «И восшёл на высоту, пленил плен, принял дары для человеков, так чтобы и из противящихся, могли обитать у Господа Бога».

– Да, – подхватил Иоанн. – «Сказал Господь Господу моему: “Сиди одесную Меня”».

Иоанн печально подумал: возможно, всё сказано о Равви в псалмах, но единственная вещь на земле, которая осталась от Равви, – это пелены, что лежали в пещере, свёрнутыми, после Воскресения. Хотел было спросить, где те пелены, но, взглянув на Петра, не осмелился.

Глава 5. Никодим

Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришёл к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! Мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога...

Евангелие от Иоанна

*И явился ему Господь у дубравы Мамре.
Бытие, 18*

Никодим вышел из Красных ворот и медленно спустился по лестнице. Из внутреннего двора Храма несло пение левитов, ещё шла служба. Постукивая посохом о мозаичный пол, он направился к притвору Соломона. Подняв голову и отведя рукой покрывало, Никодим бросил быстрый взгляд на Царский портик и на мгновение задержался у двери, ведущей в Малый зал. Обеими руками опершись на высокий посох, так что рукав его верхнего одеяния задрался и обнажил охватывающие руку до локтя теффелины, Никодим задумался.

– Я уже не помню, как Он это сказал, но я помню, – шептал он, всё так же вздёргивая плечи и не замечая молодого книжника, который, почтительно распахнув дверь, ожидал, когда мудрец-хаким войдёт в Зал заседаний Синедриона. – Я помню, что именно этот смысл был в Его словах. Почему я сегодня так ясно это вспоминаю?

Никодим наконец заметил молодого человека, который всё ещё придерживал рукой тяжёлую дверь, со степенным достоинством выпрямился, наклоном головы поблагодарил и не спеша пошёл вдоль притвора Соломона, направляясь к западным воротам.

– Да, Он был Пророк, и я Его любил. Я Его любил, – повторил Никодим, осторожно ступая и стараясь не поскользнуться на мраморном полу. И тут он увидел Петра. Позднее Никодим часто спрашивал себя: откуда у него сразу возникла полная уверенность, что это один из учеников Равви Иисуса из Галилеи?

– Пойдём отсюда, – заглядывая старыми проницательными глазами в чёрные напряжённые глаза Петра, проговорил тихо Никодим. – Пойдём, – повторил он, стараясь придать ласковость взгляду. Он даже сделал жест, будто намеревался взять Петра под локоть.

Пётр растерялся. Он видел перед собой богато одетого старейшего члена Синедриона, который наверняка принимал его за другого. А может, и того хуже – был доверенным лицом Первосвященника и хотел его арестовать.

– Пойдём, я расскажу, как окончил свою жизнь предатель.

Пётр качнулся.

– Иуда? – хрипло выговорил он. – Ты знаешь, с кем говоришь? Со мной мои товарищи. И тут Никодим заметил ещё трёх учеников Равви.

Они прошли под сводчатыми стенами башни Иоанна, вышли на мост Ксиста, прошли площадь и медленно двинулись вверх по улице. Пётр шёл как в тумане, уже издали отмечая среди домов дворец Кайафы, с большими окнами, забранными решётками. Да, где-то здесь он грыз землю зубами, стеная и плача. Пётр остановился и вытер пот. Опять мелькнула мысль, что Никодим заодно с Первосвященником, но сейчас это почему-то не казалось важным. Пётр продолжал оглядывать забор, отыскивая место, где тогда, страшись лунного света, он зарывался лицом в траву от отчаяния и боли. Фома, толкнув Петра, тихо спросил:

– А не ведёт ли он нас на расправу?

Пётр промолчал.

У дома Никодима несколько прохожих остановились, изумлённые невероятным зрелищем: хаким-мудрец, держа калитку и с почтением приклонив голову, так что белые кисти таллифа почти касались земли, впускал в свой дом простых галилейских рыбаков. И каза-

лось проходим, что, пока Никодим держал калитку, теффелины на лбу переливались радугой, а от самого Никодима, а может, от его белоснежного одеяния, исходило сияние.

В доме было прохладно, сумрачно, тихо и очень чисто. Ученики следовали за хозяином, оглядывая богатое убранство дома, более всего поражаясь цветным – синим и лиловым – стёклам в одном из окон. Когда, совершив омовение, они все возлежали за столом, продолжая молча с напряжением всматриваться в лицо Никодима, тот наконец заговорил:

– Вы не знаете меня. Но я был верным учеником Равви Иисуса.

«Теперь у Него будет много учеников», – прочёл Никодим во взглядах, обращённых на него.

– У меня есть доказательства, – сказал, покашливая, Никодим, спокойно продолжая разглядывать их лица. – Ваши женщины, две или три, присутствовали при погребении, и, если только горе тогда не помутило их рассудок, они признают меня. Я хоронил вашего Равви вместе с Иосифом из Аримафеи.

– Да будешь ты благословен! – вскричал Пётр, вмиг отбрасывая опасения и протягивая руки к Никодиму. – Да будешь ты благословен! – повторил он, не обращая внимания на знаки, подаваемые ему Фомой.

– Я... Да, это я, – повторил Никодим, и голубые глаза его ожили, – я привёз благовоения, которыми мы умастили Его тело. Я благодарен Господу. Не знаю, за что Он меня так любит... – Тут Никодим остановился, поднёс руку к горлу и несколько раз погладил сверху вниз, – но я был удостоен такой чести – помочь похоронить Его по чину, – с трудом выговорил он.

– Благослови тебя Господь, равви, – произнесли ученики хором.

– Я Его завернул в пелены, и я считал раны вместе с Иосифом. Насчитали около пятидесяти.

Иоанн хотел спросить Петра, не знает ли тот, что случилось с теми пеленами, но в это время Никодим опять заговорил:

– Но вот что я хотел бы узнать. Прошла молва, что Равви воскрес или исчез – его гробница была пуста. И что Его видели потом многие. Видели ли вы Его, и если видели, то когда?

– Вчера! На горе Елеонской! Вчера! А до этого много раз! – закричали ученики. – На третий день после распятия Он явился нам!

Пётр, низко склонив голову, тихо проговорил:

– Но вчера... вчера... нам показалось, что Он с нами прощался....

Никодим задумчиво оглядывал лица учеников.

– На Елеонской горе? На Елеонской?

– Почему тебя это удивляет? – спросил Пётр.

– Елеонская гора, – медленно повторил в третий раз Никодим. – «И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку... День этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь, лишь в вечернее время явится свет...» Это пророк Захария, – пояснил Никодим. – Так почему, почему вы думаете, что Он явился в последний раз?

– Не знаю, – всё ещё не поднимая головы, произнёс Пётр. – Не знаю, – повторил он, – так показалось.

– Он наказал нам не отлучаться из Иерусалима и ждать на днях нового крещения... Святым Духом, – смущённо проговорил Иоанн, впериw свой взгляд в Никодима и стараясь прочесть, говорит ли это что-нибудь ему.

Никодим вздрогнул. Три года тому назад Иисус говорил ему именно об этом!

– Святого Духа? – переспросил Никодим. – Боже, Боже! – говорил он, горестно раскачиваясь. – Всевышний!

Старый мудрец-хаким в волнении смотрел на учеников.

– Не могли бы вы вспомнить дословно, что сказал... – Никодим осёкся, он не знал, как именовать Иисуса, – что сказал Он?

Матфей, который вчера, спускаясь с горы, твердил эти слова, чтобы потом безошибочно записать, сейчас уверенно произнёс:

– Чтобы не покидали Иерусалим, потому что будет крестить Духом Святым...

– Кто будет крестить? – Никодим еле сдерживал волнение. – Кто? Он опять явится народу?

– А ещё ранее Он говорил об Утешителе – Духе Святом, Которого пришлёт Отец, – неожиданно смутился Матфей, – мне кажется, ещё до распятия.

Тут Матфей окончательно замолчал, потому что ему показалось, что никакого распятия и не было.

– Ну, ну, дальше, – торопил Никодим, продолжая всматриваться в Матфея жадными глазами...

– Прощаясь с нами, сказал, что если не уйдёт, то Отец Его Небесный не пошлёт нам Утешителя, а если покинет нас, то Отец пришлёт Утешителя Духа Святого... – И, говоря это, Матфей понял, что произносит слова Иисуса, сказанные Им не вчера, а накануне Пасхи.

– О смерти Он что-нибудь говорил? – тихо спросил Никодим.

– Да, Он сказал, что кто уверует в Него, будет спасён.

Сейчас Матфей был уверен, что это Иисус сказал вчера.

Вечернее солнце осветило комнату косым лучом, и на душе у возлежащих неожиданно стало ясно и спокойно.

– Вот что, дети мои, давайте займёмся угощением и побеседуем подробнее, – оживился старец. Он встал из-за стола, любовно обнял за плечи Матфея, затем хлопнул в ладоши, и слуга поставил на стол фрукты, лепёшки, орехи и свежее испечённую рыбу.

– Галилейская, – сказал, улыбаясь, Никодим, указывая на рыбу.

Они преломили хлеб и, может, впервые после смерти Равви почувствовали, что так будут делать всегда в Его воспоминание. Никодим, пригубив чашу с вином, пустил её по кругу.

– Да! – вдруг вскрикнул Матфей. – Вчера Равви сказал, чтобы мы крестили во имя Отца и Сына и Святого Духа, – выговорил он. – Да! И во имя Святого Духа и во имя Сына!

Уже под вечер, когда на дворе стало темнеть и служанка внесла в комнату светильники, Никодим рассказал им о конце предателя Иуды.

– Конец его был страшен. Его поступок загадочен. Возможно, Иуда не рассчитывал, что дело дойдёт до казни, и был уверен, что Равви спасёт Себя Сам... и тем увеличит веру в Него и ускорит наступление Царства Божия. Но возможно, что был очень зол на Равви, и тогда приходится признать, что Равви выбрал недостойного ученика. Что вряд ли возможно, – добавил Никодим, раздумывая.

Четверо слушали затаив дыхание. Они не знали о кончине Иуды.

– Он немногим пережил Господа, – говорил Никодим, на этот раз называя Иисуса Господом. – Нет, – качал он головой, – ненадолго. На следующий день Иуда из Кариота повесился на дереве, но дерево сломалось, и он рассёк своё тело, и из него выпали внутренности. Так говорят в городе, сам это не видел. Ещё говорят, он купил кусок земли, сейчас его называют Хакелдамах – участок крови, – где и повесился... Купил, – задумчиво проговорил Никодим, – чтобы повеситься. Да. Вот так говорил.

Дверь из внутренних покоев отворилась, и мальчик лет десяти, очень красивый, черноволосый и курчавый, подошёл к Никодиму.

– Вениамин, – сказал Никодим, привлекая внука к себе и бережно проводя рукой по его волосам, и тут же отсылая внука обратно, – я скоро приду.

Вы все сейчас в Иерусалиме? – вновь обратился он к ученикам.

– Все, кроме Иуды. К нам ещё пристал брат Равви... Господа, – поправился Иоанн, – ходит теперь с нами. Господь и ему явился.

– Ему тоже? – тихо переспросил Никодим. Задумчиво взял маслину и принялся старательно разжёвывать её. Казалось, он всецело поглощён какой-то думой. – Вы где остановились? – вдруг спросил Никодим.

Пётр начал объяснять, где дом, но Никодим прервал его.

– Знаю, – сказал коротко он.

Он не сказал, что именно там три года тому назад разговаривал с Учителем, когда, презрев гнев Ханана, он, Никодим, старейший член Синагогии, явился к неизвестному Равви из Назарета с вопросами.

* * *

Ночью, без головного убора, в белом просторном хитоне и накинутом на плечи шерстяном платке, Никодим сидел у открытого окна и старательно связывал воедино всё, что удалось узнать от учеников. Пальмовые ветви, касаясь окна, тихо шелестели. Половина луны висела в небе, широкий венец окружал её, и Никодим думал, что прошло совсем немного времени со дня распятия – всего лишь два новолуния.

– На горе Елеонской, – шептал Никодим. – Всё сходится... Как говорится у пророка Захарии? «Вот наступает день Господень... и станут ноги Его в тот день на горе Елеонской...» Когда я сидел той ночью у жаровни, мог спросить Тебя о Духе Святом, – шептал он, вглядываясь в сияние, – но тогда меня более всего мучил вопрос о бессмертии. Вчера ученикам Своим Ты сказал: «Кто уверует – тот будет жить вечно». Жить вечно, – повторил Никодим, наконец отводя взгляд от луны. Он не чувствовал облегчения... – Равви, – прости, что я так Тебя называю. Ты обещал ученикам крестить их Духом Святым. Но в Священном Писании ведь не говорится об этом? Ранее здесь в Храме Ты называл Себя Сыном Бога Авраама, Исаака и Иакова, говорил, что Сын и Отец – одно, а теперь сказал ученикам, если они, конечно, что-то не перепутали, что Отец пришлёт Духа Святого. Что же это означает? Что? Что? Отец – не единственный?

От страха, что он произнёс нечто святотатственное, Никодим упал на колени и долго молился.

И вдруг услышал – задышающийся от волнения голос произнёс:

– Истинно, истинно, – говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа... не может войти в Царствие Божие. Рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть Дух...

Никодим хотел что-то сказать, но губы его отказывались шевелиться.

Чтобы успокоиться, Никодим взял свиток Торы, открыл его и стал читать. Слова расплывались перед глазами, трясущимися руками он зажёл ещё один светильник, сам не зная зачем, подошёл к окну, вдохнул холодок ночи, задержал взгляд на луне и наконец прочёл:

– «Вначале сотворил Элогим небо и землю...» Элогим? Ведь это Боги, не один Бог?

Провернул свиток дрожащими руками, остановился на словах: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему...»

– Опять! – как в горячке вскрикнул Никодим. – Не *Моему! Нашему!*

Он снова прокрутил свиток, казалось, кто-то невидимый управляет им. Глаза остановились на следующем тексте: «И сказал Бог: вот Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло».

– «Один из Нас?!» – вскричал Никодим.

Что-то великое и страшное, не в подъём ни душе, ни уму, вставало перед Никодимом.

– Господи, что же это такое? Что за загадки? Что за таинства? – Никодим быстро прокручивал свиток Торы. – Да, я знаю и могу не читать. Авраам встречает Трёх – поклоняется Единому. Вот Авраам стоит у своего дома, вот проходят три Путника, вот Авраам спешит к Ним, кланяется и обращается к Ним: «Адонаи!» Их трое, а Авраам называет их – «Господь»! Тут тайна! Великая тайна! Трое слились в Единый Лик!

Никодим дрожал всем телом, в голове мутилось, он повалился на пол, думая, что смерть сейчас наступит и что это совсем не страшно, потому что Господь, кажется, явил ему, недостойному Никодиму, тайну, не известную никому.

– Трое! – шептал, безумно оглядываясь, Никодим. – Трое! А Авраам называет их – «Господь»! А если, если... – он не смел додумать до конца, – Отец... Сын, Которого я знал... Всевышний! Может ли это быть? Дух Святой... и всё это Один-Единственный Господь! Я осмеливаюсь сказать Тебе, – шептал Никодим, видя перед Собой лик Иисуса и полагая, что сейчас умрёт, – что я не был верным Твоим слугой. Я всю жизнь старался исполнить свой долг, ведь ты Сам любишь, чтобы все было хорошо, но я не признал Тебя!

И тут Никодим вдруг увидел себя в Мамрийской дубраве. Старый и важный, сидел он под огромным дубом, что доставлял ему тень и навевал сон, жена готовила еду, и запах костра был приятен. На небе не было ни облачка, но солнце вовсе не жгло и не испепеляло. Троиш он приметил ещё издали.

«Идут легко, как-то очень легко, – думал он, следя за Путниками. – А ведь до ближайшего поселения не близко. Путники, – повторял про себя Никодим, – Путники, – повторял он, неизвестно чему радуясь. – Путники».

Он встал и направился навстречу.

– Вот жена как раз готовит молодого козлёнка, – сказал он.

Лик Иисуса встал перед ним, и Никодим вдруг увидел, что нет троих, а стоит один Иисус.

– Как же? – спрашивал Никодим, радуясь до того, что у него дрожали руки. – Вас ведь было Трое?

– Да, трое. Это Мы – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Я и Отец – Одно. Я же говорил ещё в Храме.

– Слышал, слышал, – улыбался Никодим. – Знаю, Ты и Отец одно.

Лик Иисуса склонился над ним идохнул.

– А это – Дух Святой, – произнёс Он. – Помнишь? Дух дышит где хочет? Помнишь? Ты ещё спрашивал в доме Марка-Иоанна?

– Давно это было, давно, – улыбался Никодим. – А Ты разве не умер? Я ведь Тебя хоронил.

Никодим говорил и сам ужасался своим словам.

А Трое Путников уже сидели на подушках, вокруг циновки, и жена подавала жареного козлёнка, маслины и лепёшки, и они ели и запивали еду из медных чаш отваром из слив и изюма.

Когда Никодим пришёл в себя, наступало утро, звёзды гасли, золотистый рассвет вместе с запахом роз вливался в окно.

Он встал, поднял валявшийся на полу свиток Торы, расправил его, долго задумчиво держал в руках.

Откровение, посетившее его ночью, сейчас, ранним утром, казалось ещё более страшным.

– Было ли? Возможно ли? – шептал Никодим. – Не знаю. Не знаю, не знаю, не знаю, – твердил он как заклинание, всем своим видом показывая, что он сомневается, не верит, на всякий случай отгораживая себя от гнева Господа. – Он поцеловал свиток Торы и уложил его

в ковчег. – Знаю только, что Всевышний подарил ещё одно утро на Его земле. Благословенно будет Его имя.

Глава 6. В поисках истины

Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть?

Иисус отвечал и сказал ему: ты учитель Израилев, и этого ли не знаешь?

Евангелие от Иоанна

Никодим страдал. Страшное беспокойство владело им. Он не отдавал себе отчёта, что нуждается в учениках Иисуса, и только по тому разочарованию, даже испугу, которые ощутил, не найдя их в Храме, он понял, как рассчитывал на встречу. Никодим медленно обошёл внешний двор. Повсюду уже стояли снопы первой жатвы, лежали хлебы, испечённые из зерна нового урожая, – те, что завтра священники положат перед алтарём. Праздничное воодушевление царило вокруг. Звучала разноязычная речь, будто в подтверждение той легенды, что глас Божий, даровавший Закон на горе Синай, прозвучал на семидесяти языках. (Праздник Шавуот приходился на день дарования Закона.) Понимая, что надежда на встречу мала, Никодим всё же сквозь толпу двинулся к притвору Соломона.

– Конечно, конечно, – шептал Никодим, время от времени поднимая голову и зорко оглядываясь по сторонам. – Нет. Их нет. Я опоздал.

Медленно Никодим направился к мосту Ксиста, но, не дойдя до южных Иоанновых ворот, решительно повернул к подземному ходу, ведущему к воротам Олдамы, намереваясь через священнический пригород Офель пройти в Нижний город.

Он решил разыскать тот дом, где когда-то в лунную ночь разговаривал с таинственным и непостижимым Незнакомцем из Назарета и где, по его мнению, должны были находиться Его ученики.

Хотя Никодим считал, что очень хорошо помнит дорогу, он всё же заблудился, но, поплутав немного, вышел наконец на узкую глухую улочку и стал медленно подниматься вверх. Оказавшись у дверей дома, он заглянул внутрь и тут же узнал комнату – да, здесь тогда горел очаг, и здесь он, Никодим, сидел, слушал и сомневался. И опять вспомнился тихий, чуть задыхающийся от волнения голос, старающийся объяснить ему, Никодиму, в чём состоит крещение Духом Святым.

«Кажется, я понимаю, – думал Никодим, оглядываясь и никого не видя, – кажется, я понимаю, почему Он открыл им, именно им, ам-хаарецам, Свою тайну. Они поверили Ему сразу и безгранично. Если правду сказать, сколько бы я привнёс своего понимания!»

«Как может человек родиться во второй раз, будучи стар? Неужели он может в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» – вспомнил Никодим свои слова. Краска стыда проступила на его старческих щеках. Ведь он ясно понимал, что речь идёт не о рождении женщиной... Но желание услышать то, что его интересовало, заставило схитрить, прикинуться непонимающим и вынудить Незнакомца ответить подробнее.

«Истинно, истинно, – говорю тебе, – отозвался тогда Иисус, – если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие».

Никодим обнял обеими руками посох, склонил голову, пожевал губами:

«Да, Он выбрал их, а мог выбрать меня. Но я оказался недостойным. Возможно, благодаря им слова Равви останутся жить. Без изменения. Без изменения. Да, Господи, велики Твои дела, Ты всё видишь, всё знаешь, всё понимаешь».

Он наконец услышал какой-то шум в доме. Отдёрнув покрывало, приложил руку к уху – и ясно услышал чей-то голос. Никодим вышел во двор и стал медленно подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж, остановился, держась за сердце, и открыл дверь. Комната была полна народу. Он сразу увидел Петра, который пре рвал на полуслове свою речь. Нико-

дим несколько смешался под взглядами, обратившимися на него. Сделав над собой усилие, переступил порог, плотно закрыл за собой дверь и твёрдо произнёс:

– Шолом.

Наклоном головы поблагодарил за оказанное ему внимание и сел, тут же у двери, всем своим видом давая понять, что готов слушать продолжение речи Петра. Исподтишка оглянул сидящих. «Все галилеяне, – пронеслось в голове. – О! И женщины!» Стараясь не показывать удивления, он устремил взгляд на Петра, но слушал плохо.

– Иуда был сопричислен к нам, – говорил Пётр, – и получил жребий служения. Но приобрёл землю неправедною мздою, и, когда низринул, рассеклось чрево его, и выпали все внутренности его.

Пётр приостановился, взглянул на Никодима, от которого вчера впервые услышал эту новость, встретил внимательный и спокойный взгляд и продолжил:

– И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та теперь названа «землёю крови». В книге же псалмов написано: «Да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нём, и достоинство его да примет другой». Настало время принять жребий сего служения и Апостольства другому, чтобы идти в своё место, – произнёс Пётр.

– Он удалился в своё собственное место! – вскричал Иоанн, заливаясь краской, лицо его приобрело тот же оттенок, что и рыжие волосы. – Он удалился в своё собственное место, как Валаам вошёл в своё собственное место, как сказано в Священном Писании. И нам известно, что то собственное место – это и есть *геенна*.

У Никодима вдруг явилась шальная мысль: «А что, если вдруг его сейчас изберут, его, старейшего члена Синедриона, всеми уважаемого?»

Но он сразу же отринул эту мысль и даже устыдился: опустив голову, стал пристально рассматривать орнамент на циновке.

– Говорят, что никто не может пройти мимо того места, не зажав нос руками. Такой приговор свершился над ним и на земле через его плоть, – сказал кто-то сидящий с другой стороны двери, и Никодим не мог его видеть. – Иуда предал Иисуса из любви к деньгам, но я верю, что Иуда считал, что Иисус избегнет рук злодеев. Не раз это ведь происходило на глазах Иуды. – Кто-то говорил быстро и запинаясь, скороговоркой, как бы стыдясь, что он здесь произносит слова в защиту Иуды. – Не думайте, я его не защищаю! Как можно! Только я хочу сказать, как же мог Иисус выбрать Себе *такого* ученика?

Никодим вздрогнул и внимательно посмотрел на говорившего. Это был человек молодой, которого он никогда не видел, – по выговору, тоже галилеянин.

– Когда же он увидел, что всё обернулось иначе, то решил покончить с собой, чтобы опередить Иисуса в аду и вымолить прощение. Однако дерево, на котором повесился Иуда, наклонилось, и он выжил, поскольку Бог хотел или его покаяния, или чтобы он послужил для всех примером позора. – Всё это молодой человек проговорил так же скороговоркой, словно боясь, что его остановят.

– Элиазар! Откуда ты всё это знаешь? – посыпались недовольные возгласы.

– Ты ведь с нами был и только сейчас пришёл в Иерусалим.

– Учитель всё знал! – кричал Иоанн. – Он сказал на седере: «Ядущий со Мной хлеб поднял на Меня пядь свою. Я знаю, которых избрал, не о всех вас говорю, но да сбудется Писание». Я помню Его слова. Я был ближе всех к Нему.

Возбуждение нарастало, но Пётр прекратил его решительно:

– Итак, надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во всё время, когда пребывал с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознёсся от нас, один из тех, кто был вместе с нами свидетелем Воскресения Его, заменил место Иуды.

Никодим всё ещё рассматривал рисунок на циновке.

– Я думаю – и думаю, что вы согласны со мной, – Пётр говорил странно медленно, – это Иосиф Варсава, который прозван Иустом, и Матфий.

Никодим разглядывал сидящих, пытаясь угадать названных. Один из них, маленький, щуплый и, видимо, очень взволнованный, покрывшийся сразу ярким румянцем, в высокой шапке, привлёк его внимание. Никодим подумал, что это и есть Иосиф Варсава, названный первым.

Но Никодим ошибался. Это был бывший сборщик податей в Иерихоне, Закхей, тот, что бежал, себя не помня, перед толпой, сопровождавший Иисуса. Тот, который ухватился ловко за сук и повис на ветке, раскачиваясь, словно обезьяна, готовый сорваться вниз, и который-таки сорвался вниз, услышав слова: «Закхей, сойди с дерева, ибо Мне сегодня надо обедать у тебя». Тот, кто в беспамятстве восторга кричал: «Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо!»

Да, Закхей последовал за Равви и оставался рядом с Ним вплоть до распятия.

– Здесь написаны имена их. – Пётр поднял и показал два камешка, которые на глазах всех опустил в подол своего одеяния.

– Давайте помолимся, и пусть Господь, Который, я верю, сейчас с нами, поможет нам сделать выбор.

– Ты, Господин Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, кого ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в своё место, – произнёс Пётр.

Тишина повисла в горнице. Казалось, все присутствующие прислушиваются к ответу.

Никодим почувствовал, как лёгкое дуновение пронеслось над ним. Подняв голову, увидел открытое окно, под окном сидела женщина, и её губы беззвучно шептали молитву. Лицо женщины до половины было прикрыто чёрным платком.

– Всемиловитый! – вздрогнул Никодим. – Ведь это Его Мать!

Почему он это понял, он не мог сказать.

Пётр встряхнул полу своей одежды, один из камешков выпал на пол.

– Матфий! – подняв камушек, крикнул Пётр срывающимся от волнения голосом. – Теперь ты с нами будешь от ныне и до века!

Пётр обнял Матфия за худенькие, как у подростка, плечи, а тот, закрыв лицо руками, заплакал.

Никодим сидел, всё так же опустив голову... Он спешил сюда, чтобы ещё раз услышать о Святом Духе, но сейчас говорить об этом было бы вряд ли уместно. Уйти сразу же он считал невозможным. Сдвинув густые седые брови, Никодим погрузился в воспоминания о ночи, которую он провёл три года тому назад в комнате, расположенной, как он понимал, прямо под ним. Вспомнил лицо Незнакомца, его задыхающийся то ли от волнения, то ли от желания объяснить голос, очаг и прохладный ветерок, гуляющий по комнате. Опять услышал слова: «Дух дышит где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа. Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может увидеть Царствия Божия», – слышал Никодим, и опять на щеках старца выступила краска, опять он вспомнил свои слова: «Как может человек родиться, будучи стар?»

Никодим было собрался покинуть комнату, сделал движение, чтобы подняться, но Откровение, что посетило его ночью, нахлынуло с новой силой: «О, Всевышний, если я что-либо понимаю, так то, что Отец и Сын Одно. Если верить Иисусу из Назарета, если Ему верить...»

– А веришь ли ты Ему? – спросил чей-то голос.

Никодим испугался, оглянулся по сторонам, взглянул на учеников. Казалось, сейчас им станут известны его сомнения, а с такими мыслями нельзя находиться среди них. Но ученики продолжали шумно приветствовать Матфия.

Никодим чувствовал боль в пояснице, в спине, в шее, он вытянул ноги, пошевелил ими и решил было опять встать, как услышал:

«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного...»

Кто-то невидимый то ли говорил с Никодимом, то ли так отчётливо вставали слова в памяти. Он оглянулся опять и опять понял, что никто ничего не слышит.

«Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлёт Отец во имя Моё...» Никодим напрягся, желая услышать продолжение, но более ничего не слышал.

«Значит, Утешитель не одно и то же, что и Сын? Так же как и Отец не одно и то же, что и Сын? А как же Иисус говорил, что Отец и Сын – одно? Что делать? Как понимать? Тут надо или верить, как они, или не верить. Ведь в Священном Писании нигде не говорится о Духе Святом? А о Сыне? О Сыне разве говорится? – вздрогнул Никодим. – Нет, я не могу это вместить».

– Да, да, – шевелил беззвучно губами Никодим. – Да... Существует Бог Отец, есть Сын... и есть Дух Святой...

Он был рад, что никто не слышит его мыслей. «Прости меня, Всевышний, что усомнился в Тебе!»

Никодим страдал почти так же остро, как ночью. Он стал дышать медленно и глубоко, более всего боясь, что сейчас потеряет сознание.

«Опозорюсь, опозорюсь», – думал Никодим, чувствуя, как его заливают волна страха.

Он медленно поднял голову и вдруг встретил внимательный взгляд Женщины, сидящей под окном. Глаза, как два серпа луны, мягко светились. Не отрывая взгляда от Её лица, Никодим медленно приподнимался, он видел, как в Её лице все явственнее проступают черты Сына. Слепо нащупал посох, выпрямился и, не сознавая, что делает, поклонился до самого пола. Затем, не произнеся ни слова, покинул комнату.

На улице Никодим прибёг к своему обычному способу спасению от душевных бурь. Он стал читать псалмы.

– «Блажен муж, – начал он первый псалом, – который не ходит на совет нечестивых...»
Начал второй:

– «Зачем мнутятся народы...» – Когда дошёл до слов: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя», на душе стало легче. Но он дочитал псалом до конца, и в конце его ждало успокоение: – «Почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем, ибо гнев Его возгорится вскоре». Равви, Равви, прости меня! – не сознавая, что впервые просит прощения не у Всевышнего, а у Учителя из Назарета, не делая различий. – Мне надо покориться. Мне не под силу всё понять. Да и возможно ли человеку это вместить? Да и надо ли? Прошу Тебя, Господи, дай мне такую же веру, которой Ты наградил Своих учеников!

Глава 7. Сошествие Святого Духа

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать.

Деяния апостолов

– «От жилищ ваших приносите два хлебовозношения, которые должны состоять из двух десятых частей эфы пшеничной муки, и должны быть испечены кислые, как первый плод Господу. Вместе с хлебами представьте агнцев без порока, однолетних, и из крупного скота одного тельца и двух овнов без порока. Да будет это во всесожжение Господу, и хлебное приношение, и возлияние к ним, в жертву, в приятное благоухание Господу», – читал Матфей.

Наступал вечер, наступал праздник Пятидесятницы, или Праздник Седмиц. Одиннадцать учеников вместе с новоизбранным Матфием сидели наверху в горнице, в доме Марии, матери Марка-Иоанна.

– «Приготовьте также из стада коз одного козла в жертву за грех, и двух однолетних агнцев в жертву мирную. И созывайте народ в сей день, священное собрание да будет у вас, никакой работы не работайте, это – постановление вечное во всех жилищах ваших в роды ваши».

Матфей читал и кивал, подтверждая всякий раз, что всё это они уже выполнили и теперь ночь открыта и ожидает их молитва. О, они все знали полагающиеся молитвы в эту ночь.

Ведь именно праздник Седмиц, или Пятидесятницы, праздник первых плодов, был тем днём, когда чествовали Закон, дарованный на горе Синай.

Да, после Исхода из Египта три месяца Всевышний носил бывших рабов на орлиных крыльях по пустыне и, чтобы освятить их и сделать сей народ Своим «избранным народом», принёс к Своему святилищу.

В страшном величии возвышались священные гранитные скалы подобно исполинскому престолу Господа. Гора Синай дымилась, и восходил от неё дым, оттого что Господь сошёл на неё в огне, и вся гора сильно колебалась. И звук трубный становился все сильнее и сильнее, загрохотали удары грома, раскатываясь от утёса к утёсу. И «вострепетал народ», и с замиранием сердца смотрел на открывающуюся перед ним величественную картину. И среди громовых ударов доносился голос Моисея, и Бог отвечал ему. Именно там, под сенью священной горы Синай, под одной из её вершин – Рас-Сафсафех, Иегова дал Закон.

– «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской. Да не будет у тебя других богов. Не делай себе кумира, не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог Твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвёртого рода. Не произноси имя Господа, Бога Твоего, напрасно, помни день субботний, почитай отца твоего и мать твою, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства, не желай дома ближнего, не желай жены ближнего...»

Они не успели перечислить все десять заповедей, как гул потряс горницу, комната понеслась кругом и осветилась огнём. Огонь ворвался в комнату. Горящий пламень дышал в лицо, ученики пали на пол, прикрыв голову руками. На миг показалось, что они на горе Синай – вот сейчас ударит гром, разобьётся среди скал, раздастся голос Господа.

Ослепительный свет рекой лился в окно. Трепещущие языки пламени горели, но не жгли... Святой Дух подобно ветру пронёсся по комнате, прогнал всё земное, всё смутное, что было в душах, изгнал всю тяжесть тела, оторвал от земли, и ученики, слыша никогда

доселе не изречённые слова, возносились на небо, сами став светом. Естественная жизнь стала мертва, и душа под пылом духовного озарения трепетала жизнью сверхъестественной, в теле или вне тела – знал лишь Бог. Преобразующая сила Духа пребывала с ними, и Тот, Кто покинул их на земле, оставался с ними на веки вечные.

Свершилось сошествие обетованного Христом озаряющего Духа Божия, свершилось крещение Духом Святым и огнём.

Постепенно свет ослабел, сжался, и ученики пришли в сознание.

– Что было только что? Что? Господи, мы видели такой свет тогда на Ермоне, – шептал Пётр, наклоняясь к Иоанну и всматриваясь в его лицо, от сияния которого ломило в глазах.

Пётр перевёл взгляд на Матфея, Иакова, на Андрея. У всех он видел разливающийся по лицам свет, и над каждой головой брызгало, будто огненным языком, пламя.

Они обнимались, кричали что-то, вытирали слёзы. Сейчас все были сильнейшими из всех сильных, более великими, чем цари, и чистейшими из всего видимого не только на земле, но и на небе.

– «Когда же придёт Дух истины, то наставит вас на всякую истину». – лепетали ученики. – Что мы понимали тогда? Ничего! Только сейчас Ты открываешь нам истину, Ты не оставил нас, как и обещал, да святится имя Твоё!

– Мы сияем... мы сияем... Ты рядом, и Ты – этот Свет, изливающийся на нас, – шептал Пётр и вдруг запел, запел не своим голосом, запел, как заика, тщательно и медленно выговаривая слова. И, вторя Петру, запел Иоанн, за ним Иаков, Матфей, Фома...

– Господи, неужели Ты стал Сыном Божиим, явился на землю, чтобы нас... чтобы нас сделать сынами Божиими? – выводили они на неведомом языке, и лица их сияли дивным светом.

* * *

Со стен Иерусалимского Храма уже давно прокричали положенное: «Наступает день. На востоке уже светло!» Прозвучал вопрос: «Светло ли уже до Хеврона?» И приказание принести ягнёнка из ягнятника. Шло приготовление к первому жертвоприношению.

Когда ученики, славя восторженно Господа, покинули дом, зазвучала стоголосая магрета, и жертву Ягве бросили в огонь. Началась праздничная служба.

Славя Господа, распевая на непонятном языке, маленькое братство, хавурот, спустилось по узкой глухой улочке, миновало Нижний город.

* * *

Известный раввин Гамалиил вынужден был посторониться, когда галилейские рыбаки с пением шагнули на ступени, ведущие на Храмовую гору.

Двенадцать учеников, восторженно славя Господа на неведомом наречии, спешили, будто имели перед собой определённую цель, и остановились лишь тогда, когда достигли притвора Соломона.

Никодим с Иосифом Аримафейским медленно, с достоинством отвечая на приветствия, направлялись к лестнице, ведущей к Красным воротам. Никодим с грустью думал, что он опять не решился рассказать Иосифу о том откровении, что посетило его несколько дней тому назад. В белом праздничном одеянии, с большими теффелинами на лбу, подпоясанные шелковыми голубыми поясами, оба раввина проходили мимо притвора Соломона, когда слышали странные голоса. Поначалу показалось, что хор заик поёт молитву. Да, что-то происходило в Храме, потому что вместо того, чтобы спешить вверх, во внутренний

двор, толпа стояла неподвижно, словно зрелище, открывшееся их взору, было сильнее предписанных Законом правил.

Странное ритмическое славословие, непонятная последовательность звуков, напоминавших одновременно бряцание кимвал и пение свирели, доносилась оттуда... Голоса были необычайны по высоте, тону, переливам, по своей проникающей, властной силе.

Никодим уже собрался войти в одну из комнат, где находились левиты, которым полагось следить за порядком, как вдруг явственно услышал:

– Господи, неужели Ты сегодня явился в мир, рождая нас свыше благодатию Духа Святого? Второе рождение! Я чувствую, как все члены моего тела становятся светоносными, я сам источаю свет! Лицо моё сияет!

Никодим пошатнулся и ухватился за посох обеими руками. Голова закружилась. Нет, он не забыл, конечно, свой давний вопрос и ответ Иисуса, три года тому назад. Разве можно такое забыть? Тогда Иисус пытался объяснить ему второе рождение от Духа.

– Господи, Всевышний, – шептал Никодим, не замечая обеспокоенного взгляда Иосифа, изо всех сил стараясь преодолеть волнение и не упасть. – Всевышний! Вот и ответ на мой вопрос!

Никодим сделал шаг, протиснулся к колонне и, упёршись в неё спиной, попытался встать на цыпочки. Он совсем забыл об Иосифе.

«Пётр или не Пётр?» – разглядывал Никодим мужчину, из уст которого лились эти слова, и тут только понял, что говорит этот мужчина на странном языке. Он попытался понять на каком, но так и не понял. Тут была смесь и арамейских слов, и греческих, и латинских, и какого-то неизвестного Никодиму языка. «Наверное, какой-то очень древний, – мелькало в голове. – Но как же я, как же я понимаю всё, что он говорит?»

– Кто из нас может жить при огне пожирающем? Кто из нас может жить при вечном пламени? – пел Пётр.

А слева от Никодима Матфей пел, восхваляя Иисуса Господа. Но на каком наречии?

«Всевышний! И он тоже точно и так ясно чувствует своё новое рождение, о котором так тщетно пытался объяснить Иисус той ночью мне!» – подумал Никодим.

Рядом ученики выкрикивали непонятные и знакомые слова, звуки рождались, сталкивались, вылетали, словно птицы, из их уст – и устремлялись к людям. Никодиму прежде никогда не доводилось видеть таких одухотворённых и выразительных лиц!

Старый мудрец из Синедриона, прильнув телом к прохладному камню, будто желая вжаться в колонну, раствориться, заплакал. Он не мог бы сказать, от чего текли слёзы – от ревности, от счастья или ещё от чего-то, чему нет названия.

– Эти поющие не все ли галилеяне? – услышал Никодим и с трудом понял, что спрашивает Иосиф.

– Все! – крикнул кто-то восторженно.

Экстаз охватывал присутствующих. Поведение учеников, их ликующее пение, их радостные голоса, их движения, наполненные искренним восторгом, – всё передавалось людям, и они тоже кричали в ответ, размахивали руками, целовались, смеялись и напряжённо, дрожа всем телом, всматривались в лица учеников.

– Вот эти из Египта, а эти двое из Рима, я знаю точно. И они, конечно, не должны понимать языка галилеян, – слышал Никодим.

– Не должны, – вторил кто-то рядом, – но понимают. Ты же видишь – понимают. Как и мы.

«Господи, эти люди покорены не богословскими доводами, – думал Иосиф. – Нет, не богословскими доводами».

Божье слово не имеет собственного языка, оно свободно и не связано ни с каким наречием, оно передаётся без всякого переводчика, поэтому мы все понимаем, что они говорят, –

думал Иосиф. – Возможно, это молитва к Святому Духу на языке, который известен только Богу».

– О! Эти галилеяне до странности похожи на пророков... ясно, Кто говорит их устами, ясно, что к нам обращается Сам Господь! – проговорил Иосиф Никодиму, но тот не слышал.

«Что же это такое?» – думал Никодим, оглядывая людей и убеждаясь, что они также всё понимают, и всё более и более приходя в возбуждение от всего виденного и слышанного. Никодиму казалось, что сейчас и он сам запоёт таким странным голосом.

Воздев руку к небу и призывая Всевышнего на помощь, Никодим вдруг вспомнил – или кто-то ему шепнул? Никодим даже оглянулся.

– «И духа Святого не отыми от меня».

– «И Духа Святого не отыми от меня», – да, да, Псалом пятидесятый, – шептал Никодим, вглядываясь в Петра. «Неужели? – думал он. – Неужели? Да может ли быть такое? Неужели Господь послал нам Духа Святого? Всевышний, ведь в Писании почти не говорится о Нём?»

– Ты можешь сказать мне, что такое схождение Духа Святого? – услышал Никодим.

Иосиф Аримафейский всё же протиснулся сквозь толпу и опять приблизился к Никодиму. Вид его был испуганный и вместе с тем торжествующий.

– Скажи мне прежде, что такое нерождаемость Отца? – тут же отозвался Никодим. – Ты лучше не допытывайся знать того, что нам не дано.

– «И почит на нём Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия!» – то ли пел, то ли лепетал рядом Андрей.

Взглянув на Андрея, Никодим подумал, что уже не важно, на каком языке говорит тот и что только что произнёсший слова пророка Исайи – тоже ученик Господа.

«Он был у меня дома третьего дня», – думал Никодим.

– Зерно горчичное, зерно горчичное... помнишь? Помнишь притчу о зерне горчичном? Так вот это и есть Дух Святой. И Он и есть Царство Небесное... – пел Иоанн. – Равви! – взмолился вдруг он, простирая кверху руки. – Мы ничего не могли понять тогда из Твоих слов, но Ты не оставил нас. Ты среди нас! И сейчас мы поймём гораздо, намного больше, чем раньше. Зерно горчичное, жемчужина, закваска! – кричал Иоанн и размахивал руками.

Он производил впечатление не то пьяного, не то потерявшего разум.

Вокруг слышались прерывистые вздохи, казалось, сердца не выдержат радость восторга и счастья упоения, разорвутся, но было уже всё равно, ибо каждый сознавал – можно умереть, потому что только для того и стоило жить, чтобы слышать этот детский лепет, этот разговор на Божественном языке, обращённый напрямую к Богу.

– Да они просто напились сладкого вина, – вдруг проговорил кто-то громко, указывая на Иоанна.

– Любовь, радость, мир! – лепетал Филипп, не обращая внимания на слова.

Никодим уже понял, что произошло, и холодная испарина покрыла его с головы до ног. Он стал клониться к полу, а кругом кричали:

– Эти галилеяне напились сладкого вина!

– Упились дешёвым вином! – облегчённо и радостно, будто снимая с себя тяжкую ношу, крикнул кто-то и тоже засмеялся.

Скользя по колонне, цепляясь руками за гладкий мрамор, Никодим выпрямился. Нет, он не позволит насмехаться. Он поднял посох, призывая к вниманию, но тут раздался медленный и низкий голос, как показалось, незнакомый.

Кто-то говорил, и говорил спокойно.

– Мужа иудейские и все живущие в Иерусалиме! Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь девять часов, благословенный час молитвы. То, что вы видите, – это есть предречён-

ное пророком Иоилем: «И будет в последние дни, – говорит Бог, – изолью от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать, видеть видения и сновидениями вразумляемы будут. И покажу чудеса на небе и знамения на земле... солнце превратится во тьму и луна – в кровь, прежде чем наступит день Господень. Тогда всякий, кто призовет имя Господне, – спасётся».

Голос говорившего был слышен ясно сквозь рокот толпы и пение левитов, доносящееся сверху. Он как бы накрыл колпаком гудевшую площадь перед притвором Соломона.

«Всевышний, что с ним случилось? – думал Никодим. – Он похож на древнего провидца, он похож – страшно вымолвить! – на пророка Амоса или Исайю. – Я могу предположить, что он знает Писание, но не до такой же степени. Пётр спокойно и торжественно, будто не он только что смеялся и пел, объясняет, что сейчас произошло, – исполнение пророчества Иоиля, излияние Духа Божия – чему мы все очевидцы».

В это время Пётр поднял голову и вдохновенно глянул куда-то поверх толпы, покрывало на голове сбилось назад и приоткрылись курчавые волосы, низко сползавшие на лоб.

– Мужи израильские! Выслушайте! Иисуса Назарянина, засвидетельствованного вам от Бога, силами, чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него, Его, по предвидению Божью, вы убили. Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти...

«По предвидению... Он что, снимает с нас вину? – шептал Никодим. – Не своею силою сделали то, на что дерзнули, потому что Он Сам соизволил это и это определено было свыше».

– Мужи братия! Да будет позволено сказать вам о праотце Давиде, что он и умер, и погребён, и гроб его у нас до сего дня. – Пётр с какой-то тоской и в то же время с решимостью качнул головой налево, в сторону горы Сион, где была гробница Давида.

– Да, да, да, Давид погребён и не воскрес! – прошептал кто-то горячо рядом с Никодимом.

– Давид, будучи пророком и зная, что Бог обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Мессию и посадить на престоле Его, Давид сказал о воскресении Мессии, что не оставлена будет душа Его в аде и плоть Его не увидит тления. Сего Иисуса – Мессию Бог воскресил, чему мы были свидетели.

«Да, я понимаю, цель его речи – доказать, что этот Дух был сегодня излит Мессией Иисусом», – думал Никодим.

Пётр остановился, спазм сдавил ему горло. Затем, устремив взгляд опять поверх голов, куда-то вдаль, продолжил:

– Итак, Он был вознесён десницею Божиею, и принял от Отца обетование Святого Духа, и излил то, что вы ныне видите и слышите. Итак, твёрдо знай, весь дом Израилев! Бог соделал Господом и Мессией Сего Иисуса, Которого вы распяли.

Последние слова Петра испугали слушающих. Сотни голов громоздились одна на другую, давя друг друга, и уже пронёсся крик:

– Осторожно!

Началась давка.

– Что же нам делать?

– Что нам делать теперь?

– Мы не верили Назарянину, но вот Его ученик, и ему мы верим, от него исходит сила, как от древних пророков. Что делать? Что нам делать?

Удивительно быстро люди сообразили, что произошло, к чему клонит Пётр и что грозит им за содеянное.

За спиной Никодима двое стариков плакали навзрыд. Став на колени, они, как слепые, на ощупь искали камушки или пыль, чтобы посыпать голову, почитая себя самыми грешными во всей земле Израильской.

Стенания смешивались с восторгом. Крик стоял невообразимый.

– Не заблуждайтесь! – кричал Матфей. – Бог есть огонь! И огонь пришёл! И Он бросил его на нас! А в тех, кого он зажжёт, он устремляется вверх, как большое пламя, и достигает до небес, и не даёт возгоревшемуся быть праздным или спокойным.

– Что же делать? Что делать?

– В его словах воистину сила Духа Божия!

– Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Хрис та для прощения грехов, и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш, – покрывая шум, раздался голос Петра.

– Креститься! Ведь Иисус говорил: «Иди ко Мне и пей!» – закричал вдруг старик из Хеврона.

– Креститься! Сейчас! Здесь!

– Говорил: «Вода, вода живая». Сейчас, сейчас, – кряхтел старик из Хеврона, вставая с колен. – Если огонь, входя внутрь железа, делает его огнём, отчего оно начинает светиться, если огонь действует так беспрепятственно, то чему удивляться, что Дух проникает внутрь души?

Он был первым, кто подхватил предложение креститься. Спускаясь по скользким ступеням к Силоамскому пруду, старик в упоении повторял: «Он говорил: “Вода живая, иди ко Мне и пей”».

И вместе со всеми, придерживаясь за стену, спускался к каменной аркаде, где ручей образует Силоамское водохранилище, тот исцелённый в Вифезде. И скользила перед ним тень Незнакомца, который предстал перед ним в то утро.

В тот день в Иерусалиме крестилось во имя Иисуса Мессии более сотни человек.

* * *

Вечером два мудреца, потрясённые тем, что увидели, сидели в саду, и Иосиф после долгого молчания сказал:

– Не знаю, как ты поймёшь это? И не знаю, что было на самом деле? И не знаю, вправе ли я рассказывать об этом тебе? Но сегодня такой день. Мне хочется рассказать тебе об одном сне... о том, что произошло со мной... Мне некому больше рассказать. Не с кем поделиться, но это поможет нам жить дальше и жить правильно и в истине, поэтому послушай, что я скажу тебе.

Иосиф наклонился к Никодиму и тихо продолжил:

– Я пребывал в молитве среди ночи, субботней, после погребения. Вдруг весь дом как бы поднялся на воздух, и я увидел Иисуса, как молнию, и в ужасе пал на землю. Иисус взял меня за руку, поднял над землёю, и облако покрыло меня, и, коснувшись лица моего, Он облобызал меня и сказал: «Не бойся ничего, Иосиф, взгляни на Меня и узри, что это Я». И я посмотрел на Него и воскликнул: «Ты Равви – Илия?» И Он мне сказал: «Я не Илия, Я Иисус из Назарета, тело Которого ты предал погребению». И я ответил Ему: «Покажи мне гроб, в который я положил Тебя». Иисус взял меня за руку, привёл в место, где я Его погребал. И Он показал мне плащаницу и плат, который я возложил на главу Его. Тогда я узнал, что это был Иисус, и я поклонился Ему и сказал: «Благословен грядущий во имя Господне!» Иисус, держа меня за руку, привёл меня в дом мой и сказал: «Мир тебе, и сорок дней не выходи из дома твоего, а Я вернусь к Моим ученикам в Галилею».

Иосиф замолчал. Никодим ошеломлённо смотрел на него.

– Послушай и ты меня, – наконец проговорил Никодим.

* * *

...Два учёных мужа беседовали, ночь шла своим чередом, Никодим тихо приобщал друга к своим размышлениям.

Глава 8. Первое чудо Петра

*И сказал им: ...Уверовавших будут сопровождать сии знамения:
...возложат руки на больных, и они будут здоровы...
Евангелие от Марка*

О, этот стол! Каждый раз перед ними вставала одна и та же картина – последний вечер с Учителем: луна, глядящая в окно, комната, как фонарь, плывущая в уединении над городом, треск светильников. Учитель, возлежащий за столом. Они вокруг. По правую руку от Него – Иоанн. А по левую – Иуда!

Как же это могло быть?

– Как же мы могли терпеть предателя? – задавал вопрос Пётр.

Тихий Андрей накинудся на брата:

– Как ты можешь произносить это имя здесь! Его нет! Его нет! За столом сидит другой. Такой же достойный, как и ты!

Да, они даже сохранили прежний порядок, сейчас не могло быть споров насчёт места, и только место Учителя оставалось незанятым, и место Иуды сейчас занял Пётр.

Кроме учеников в этой же комнате находился Иаков – брат Иисуса и Элиазар, последовавший за ними из Галилеи, Марк-Иоанн, сын хозяйки дома Марии, сама Мария, Мария из Магдалы, которая всегда садилась рядом с Матерью Равви, будто то, что она присутствовала при казни, давало ей право находиться рядом. За столом сидела и тётка Саломея, мать сынов Зеведеевых, Мария Клеопова и Иоанна, жена Хузы.

Вот уже несколько дней они продолжали крестить желающих, и казалось, что желающим не будет конца. Теперь они совершали крещение не только в Силоамском пруду, но и самом храме, в бассейне-микве, устроенном для омовений. Люди стояли под палящим солнцем, страстно желая лишь одного – обрести благодать Святого Духа.

Пётр преломил хлеб, передал каждому. Затем пустил по кругу чашу с вином, каждый делал глоток и передавал её другому. Все совершалось в полном молчании, и каждый ощущал присутствие Учителя. Он сидел рядом с ними на своём месте.

«Приимите и ядите, сие есть Тело Моё, за вас ломимое... Сия есть Кровь Моя, за вас изливаемая», – звучал Его голос в каждом сердце.

– Приимите и ядите...

И хотя женщины находились за другим столом, они также принимали хлеб от Петра, также передавали чашу с вином по кругу. Мать сидела опустив голову, будто Ей не под силу было слышать слова, произнесённые Сыном за этим столом, всего два месяца тому назад... Не поднимая головы, Она брала хлеб и чуть прикасалась к чаше, спеша передать её дальше.

Ученики вновь и вновь предавались воспоминаниям о последней ночи перед распятием – слова Учителя, уход Иуды, со жгучей болью вспоминали тёмный Гефсиманский сад и Учителя, выступившего вперёд в кроваво-красном полыхании факелов и произнёсшего священную фразу: «Аз есмь». Матфей всякий вечер, так уж повелось, доставал пергамент и читал проповедь, сказанную в то благословенное лето на горе Курн-Хаттин.

– Маран-афа, Господь придёт, – вставая, говорил тихо Пётр. – Господь говорил: «Не успеете обойти городов Израилевых, как придёт Сын Человеческий».

– Маран-афа, – вставая вслед за Петром, торжественно повторяли ученики.

В этот вечер, уже после того, как, совершив молитву и омовение, все поднялись и собирались укладываться на ночлег, снизу, со двора, раздался голос. Пришёл сосед, живущий в доме наискосок, по ту сторону улицы. Это был плотный, даже, скорее, полный мужчина с чёрной угольной бородой и большими добрыми глазами.

– Мария, Марк, – позвал он.

И, медленно выговаривая слова, покачивая большой головой, сказал, что видел сегодня в Храме, как крестились люди, и вот он, Иосиф бен Лаккуда, стеклодув, имеющий большую лавку в Нижнем городе, решил, что он тоже примет крещение из рук учеников, но сегодня он просит гостей расположиться на ночлег у него.

– Я буду счастлив предоставить свой кров для всех, кто пожелает.

После его ухода Варфоломей предложил бросить жребий, кому идти в другой дом, но Пётр сказал:

– Нет, друзья, давайте всё же не расставаться. Пока. Мне кажется, мы все должны быть вместе. Что, если опять явится нам Господь? Давайте держаться под одним кровом.

И тогда Саломея заявила, что просьбу надо уважить и она и кто-нибудь из женщин пойдут ночевать к стеклодуву.

Мария Магдалина вопросительно взглянула на Мать Равви, но Та молчала.

Вместе с Саломеей ушли Мария Клеопова, Иоанна и Элиазар.

На следующий день с утра Пётр и Иоанн, стоя один подле другого, крестили в Силоамском пруду. Молча подходили люди, тихо погружались в воду. Шепча молитву и благословение, Пётр и Иоанн возлагали руки на головы крестившихся.

Когда солнце стало клониться к западу, они направились в Храм, на вечернее богослужение, было три часа пополудни. Поднявшись по лестнице, они миновали двор язычников. Пахнуло теплом хлева, запахло навозом, и тут же из-за угла донеслось встревоженное блеяние овец, мычание быков и крик торговцев. Откуда-то сверху тянуло запахом свежей крови. Пётр и Иоанн, не останавливаясь, миновали клетки с голубями и, спеша, стали подниматься по широкой лестнице к Красным воротам, ведущим во внутренний двор. Огромные литые ворота, обитые медью, были распахнуты настежь, вбирая в себя молящихся, спешащих в Храм.

У ворот, за которые проход для калек был запрещён, сидел мужчина лет сорока. Обнажёнными, худыми, как щепочки, ногами он преграждал путь и протяжно завывал:

– Подайте искалеченному на пропитание!

Постоянная просьба о помощи сделала его равнодушным к происходящему, он не думал ни о каком занятии, ни об изменении своей судьбы. Он был обречён до конца дней сидеть у ворот во внутренний двор и жаловаться на свою жизнь.

– Люди добрые! Вы спешите совершить вечернее сожжение, идёте приносить Господу жертву. Я не могу этого сделать сам, с рождения я не хожу, и мои родители каждый день приносят меня сюда. Принесите жертву и мне, подайте на пропитание, – протягивал он такие же худые, как и ноги, руки к проходившим мимо людям. – Сорок лет! Сорок лет я сижу здесь!

Пётр остановился и внимательно осмотрел калеку.

– Взгляни на меня, – неожиданно для себя сказал Пётр.

Глаза калеки были устремлены мимо Петра на богато одетого паломника.

– Взгляни на меня! – снова приказал Пётр.

Искалеченный оторвал взгляд от монетки, брошенной паломником, поднял голову и встретил взгляд Петра, твёрдый и внимательный.

– Гляди! – приказал Пётр. И, помолчав, будто на что-то решаясь, добавил: – Серебра и золота у меня нет, а что имею, то даю тебе. – Пётр быстро поднял руки и, раскрыв ладони, словно толкая слова к сидящему на полу, крикнул: – Во имя Иисуса Христа встань и ходи!

С этими словами Пётр схватил калеку за худую руку и сильно потянул кверху.

Подчиняясь властному взгляду, калека встал. Ноги дрожали, как у только что народившегося ягнёнка, казалось, колени даже стукались друг от друга. Он странно возвышался над Петром, не замечая, как холодный пот застилает глаза, струится за ворот хитона, стекает ручьями под колени.

– Я никогда не видел внутренний двор, – потрясённо бормотал он, – теперь я могу проникнуть туда... Сейчас, сейчас, – торопился он, всё более поражаясь происшедшей с ним перемене. – Сейчас я куплю на эти деньги, – он вытряхнул монеты, полученные за день, и начал торопливо пересчитывать их. – Сейчас, сейчас, – бормотал он, но вдруг остановился и высыпал деньги на лестницу. – Что мне делать? – взмолился он. – Что мне надо делать? Возложить жертву для всесожжения?

Потрясённые происшедшим Пётр и Иоанн молчали.

Внезапно ставший здоровым калека приседал, ощупывал колени, поглаживал ноги, рассматривал руки и вдруг закричал сиплым от волнения голосом:

– Он меня исцелил! Он меня исцелил! Вы видели меня, когда шли мимо! Сейчас смотрите! Я хожу! – Он спустился на ступеньку ниже и попытался обнять Петра. – Как мне отблагодарить тебя за чудо?

Пётр и Иоанн молча стали спускаться вниз. За ними, осторожно ступая, шёл исцелённый и кричал не переставая:

– Смотрите, смотрите! Он исцелил меня!

Молящиеся провожали их глазами, уступали дорогу, и многие, разворачиваясь, шли следом.

Пётр, который всё ещё не мог оправиться от потрясения, направился к правому крылу притвора Соломона. Именно здесь, в нише, когда-то сидел Учитель и, как бы говоря сам с собой, повторял: «Овцы знают голос Пастыря...»

Именно здесь теперь ежедневно собирались галилеяне, именно здесь Пётр держал речь о Духе Святом, именно на этом месте люди принимали решение креститься. Когда Пётр и Иоанн подошли ближе, толпа заметно выросла. Отовсюду слышались возгласы:

– Это тот, что говорил о Духе Святом!

– Те, что крестят, вместо Иоанна!

– Они, как и пророк Иоанн, – от Бога!

– Их Учитель вышел из Назарета! Это галилейские назаряне!

– Чему учат?

– Это – гассидим. Секта такая.

– Вовсе нет! Каждый день проводят в Храме! Очень благочестивы!

– Они проповедуют о своём Учителе. Уверяют, что Он воскрес!

– Да может ли это быть?

– Говорят – может.

– А вот саддукеи, они знают! Недаром заседают в Синедрионе, говорят, что никакого Воскресения после смерти не может быть!

– А фарисеи, которые тоже сидят в Синедрионе, учат, что есть!

– Саддукеи продались римлянам, а верные люди – это фарисеи! Их надо слушать! Они говорят, что воскресение ждёт каждого истинно верующего после смерти!

– Мужички израильские! – покрывая гомон, раздался голос Петра.

– Молчите! Молчите! Слушайте! Он только что исцелил! Ему надо верить!

Люди становились на цыпочки, забирались на ступени. И уже за спиной Петра и Иоанна стали кольцом, теснили со всех сторон. Кто-то даже, обхватив ногами колонну, взобрался вверх, чтобы разглядеть Петра.

– Что дивитесь, что смотрите на нас, как будто мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит? Именем Иисуса был исцелён только что этот человек. – Тут Пётр потянул к себе исцелённого и поставил рядом с собой. – Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись пред лицом Пилата, когда он предлагал освободить Его. Но вы от Святого и праведного отреклись и просили вам даровать человекоубийцу. А Начальника жизни убили.

– Какого человека-убийцу?

– Варавву! Разбойника!

– Вот, вот, он опять проповедует про Иисуса! Слушайте!

– Можно ли ему верить?

– Как не верить, когда стоит рядом с ним тот, что сидел сорок лет?! Он его исцелил!

Ты что – можешь не верить? После всего?

– Не слушайте его! – кричал левит из храмовой стражи. – Соблюдайте порядок.

– А Начальника жизни убили! – повторил Пётр.

– Начальника жизни? Что он говорит?

Головы лезли друг на друга. Раздался крик – толпа припёрла к колонне какого-то мужчину.

– Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши! Моисей сказал отцам: «Господь Бог воздвигнет из братьев ваших Пророка, слушайте Его во всём, а всякая душа, которая не послушает Пророка Того, истребится из народа».

– Правильно говорит! Моисей предупреждал нас о ложных гадателях и прорицателях Хананейских и от лица Бога обещал, что у нас всегда будут пророки истинные, которых мы должны беспрекословно слушать!

– Вот так! Вот так! – проговорил старик из Хеврона. – Истинная правда! Я знал, что это Господь. Мои внуки могут это подтвердить! В израильском народе родился Спаситель мира! Всевышний обещал Аврааму: «В семени твоём благословятся все племена земные». Всё так, именно так! – повторял старик.

– Что ты говоришь? Опомнись!

– Моисей заповедал израильтянам во всём слушаться грядущего Пророка, которого Бог воздвигнет из его среды!

– Верно, – согласно кивал подошедший фарисей, – во Второзаконии сказано: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой, Его слушайте...»

– И все пророки от Самуила и после него также возвестили дни эти. Бог воскресил Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел.

– Вот-вот, я же говорил!

– Говорил, говорил. Слушай, что говорит этот ученик!

– Откуда они?

– Из Галилеи, галилеяне.

– Их называют *ноцрим* – назаряне.

– Его называют Сыном Человеческим. Говорят, Он Себя так называл.

– А как звать того, что проповедует?

– Симон бар Иона, Кифа, – это его так назвал Учитель: потому что он крепок, как камень, – вмешался в разговор Иоанн, хранивший до этого молчание. До сих пор он только слушал, что говорит Пётр. Приклонив голову, Иоанн думал, что, видно, Учитель, когда позвал Петра следовать за Собой, многому того научил. «Иначе откуда такое явное *знание*? Откуда такая смелость? Я ведь не ощущаю в себе этого, несмотря на то что Святой Дух снизошёл и на меня, – думал Иоанн, теребя покрывало на голове и прикрывая им лицо. – Да, Пётр теперь показал, что сила духа не только в слове, но и в деле».

Внезапно Иоанн ощутил опасность. Он увидел, как в толпу врезались сразу с четырёх сторон несколько левитов – стражей Храма. И среди толпы по открытой левитами дороге медленно шествовал саган – их начальник, Ионатан, сын Ханана, тот, что присутствовал в Гефсиманском саду при аресте Учителя, второй человек после Первосвященника. Иоанн не мог оторвать взгляда от лица Ионатана и всё яснее видел, насколько оно полно угрозы.

Иоанн испугался. Он ринулся к Петру, но не успел ничего сказать, как Ионатан схватил за плечи Петра.

– Какое ты имеешь право? Ты, неуч, ам-хаарец, проповедуешь то, чего сам не знаешь? Здесь книжники и священники, образованные люди, учат народ.

Кто-то из толпы крикнул:

– Он только что исцелил калеку!

– Какого калеку?

– Вот этого!

– Того, что сидел у Красных ворот. Не ходил уже сорок лет!

– Верно! Верно! – раздалось сразу несколько голосов. – Мы видели и шли за ними.

– Запрещено же подниматься с посохом на Храмовую гору, как же вы говорите, что он сидел в Храме? – недовольно повернулся Ионатан к говорившим.

– Его внесли на носилках! – закричал кто-то. – Ты что, первый раз в Иерусалиме?

Но Ионатан, казалось, не слышал. Он только крепче схватил Петра за плечи и кивнул левиту, стоявшему за его спиной.

Исцелённый растерялся. Каждый день начальник Храма проходил мимо, каждый раз калека замирал – вдруг потребует покинуть это место у ворот, вдруг скажут, что пыль на ногах, или маленькую кружку, в которую кидают деньги, назовут сумкой. Этот всемогущий начальник, сын Ханана, владелец многочисленных лавок в Храме, сейчас стоял перед ним. Исцелённый отступил в сторону, стараясь стать незаметным. Но кто-то из толпы подтолкнул его к сагану. Крикнул:

– Смотри, вот тот, что сидел всегда у Красных ворот! Не мог ходить, а сейчас сам пришёл сюда без помощи! Божеское дело сотворил тот, кого ты схватил за плечи!

Исцелённый, дрожа, кивал молча, следя испуганными глазами за стражей, будто в их власти было лишить его возможности ходить. Бросил взгляд на Петра, уже крепко схваченного одним из левитов, и, наконец решившись, сделал шаг вперёд.

– Да, – кивнул он. – Это я. – И хотя он смотрел на сагана и указывал на ноги, видно было, что он боится и всё, что произнёс, далось ему с величайшим трудом.

– Уводите! – крикнул саган, обращаясь к левитам. – Завтра Великий Синедрион разберётся – исцелил или нет. И если исцелил, то какою силой? Нет ли здесь колдовства? – А страже приказал: – Ведите в комнату у Южных ворот. Сегодня поздно созывать Синедрион. Пусть посидит там до утра.

Стража, окружив, повела Петра. Кто-то из толпы крикнул, указывая на Иоанна Зеведеева:

– А этого чего не забираете? Он ведь тоже с ним был!

– Да, да! – подхватил ещё один голос. – Тот тоже с ним был, они втроём пришли сюда.

– Куда ведёте? – крикнул старик из Хеврона. – Они божеское дело сделали, помогли больному.

– Завтра выясним, какою силой он это сделал, – повторил саган.

* * *

Спустя несколько часов в дальних покоях дворца бывшего Первосвященника Ханана бен Шета встретились двое. Ханан возлежал в маленькой полутёмной комнате, без окон, освещённой всего двумя светильниками. Он держал в руках грелку и перекачивал её из рук в руки, ноги тоже покоились на грелке. Кайафа сидел напротив и внимательно слушал.

– Явились и смущают народ! Крестьян! Пророки! – говорил Ханан, катая в руках горячую грелку. – Они что – забыли конец Иоанна Ха-Матбила? Напомним! Ам-хаарецы проповедуют в Храме! До чего дожили! Да нет, нет, они трусы! Завтра пугнём, и разбегутся в

Галилею. Там пусть ходят по городам, но здесь им делать нечего! – Продолговатое, почти безбровое бледное лицо Первосвященника дрожало от гнева.

О, ни Ханан, ни Кайафа не забыли того, что произошло всего два месяца тому назад. Свежо было воспоминание о суде, облик *Того Человека* стоял перед глазами, и известие о том, что ученики опередили стражу и выкрали тело Распятого, мучило своей тайной. А если не выкрали?

– Нет, этого, конечно, не может быть! – вскрикнул Ханан, останавливаясь перед Кайафой и своими узкими глазами впиваясь в широкое лицо зятя. – Те, кто постыдно бежали, оставив Учителя, не смогли пойти на такое – выкрасть – и когда? Ночью! В праздник! Когда запрещено покидать дом?! И откуда? Из какой-то пещеры? И кто знал, где эта пещера? Кто? – спрашивал Ханан, опять принимаясь бегать из угла в угол.

– Я слышал, это Иосиф Аримафейский предоставил пещеру, – сказал Кайафа.

– Да, знаю! Знаю! – зашипел Ханан. – Уж не его ли рук это дело? Спросить у Иосифа? Невозможно. Не скажет. Допросить? Не скажет.

– Применить допрос с закланием? – опять прервал тестя Кайафа, намекая, что именно этим удалось добиться ответа у Того Человека.

– Невозможно! – крикнул Ханан, опять останавливаясь перед Кайафой. – Иосиф – всеми уважаемый член Синедриона.

– А Никодим... Никодим? – Кайафа глядел, как в серых узких глазах Ханана зажигается огонёк.

– Но он трус! Трус! Побоялся бы!

Ханан, казалось, устал. Он сел напротив Кайафы, вытянул ноги, взял грелку, прижал её к груди, другую грелку подложил под обе ноги.

– Я предсказывал – выкрадут тело, а потом начнут рассказывать небылицы про воскресение, – заговорил Ханан, тяжело дыша и заставляя себя успокоиться. – Всё ложь! А вот народ верит! Что делать с ними? – Он вздохнул и неожиданно крикнул: – Чтобы духу не было от Того Человека! Выгнать Его галилеян из города! Заставить замолчать!

– Говорят, они исцелили того, кто сидел у Красных ворот. Попрошайка. Родители его приносили каждый день. Вроде ноги не ходили. Может, видел?

– Сейчас ходит? – усмехаясь, спросил Ханан.

– Ходит, – передёргивая плечами, будто озноб Ханана передался и ему, сказал Кайафа, – и, конечно, весть эта уже распространилась по всему городу. Ты же знаешь наш город! Чуть какое чудо – все знают!

– Иосиф, – неожиданно Ханан назвал зятя по имени, – ты что хочешь сказать? Повторяется история с Тем? – Он угрожающе повысил голос, будто Кайафа нёс ответственность за случившееся.

Кайафа пожал плечами.

– Повторяется история с Тем? – повторил Ханан, внимательно следя за выражением лица зятя и избегая называть Иисуса по имени.

– Ну, утро вечера мудренее, – наконец примирительно сказал Ханан, наклоном головы отпуская Кайафу. Казалось, он устыдился своей горячности. Ему было неприятно, что зять стал свидетелем его слабости. – Завтра соберём наш Великий Синедрион, чтобы положить этому конец.

Старик так и не встал проводить гостя и только тихо и как можно увереннее проговорил вслед:

– Посмотрим, насколько они окажутся храбрецами. Пригрозим, уверен – отрекутся от всего, да ещё навлекут на себя проклятие, сознавшись, что прибегли к колдовству.

Уже у дверей Кайафа оглянулся. Старый Первосвященник сидел, прижавшись спиной к стене, и на Кайафу глядели горящие волчьи глаза.

«Это отражается огонёк светильника», – успокоил себя Кайафа. Он молча поклонился, старик махнул рукой. В этот раз Кайафа усомнился в словах тестя. Умный, конечно, Ханан, умный! Но тут, кажется, ошибается.

«Дай, Всевышний, чтобы Ханан был прав, – думал Кайафа, поднимаясь в гору к своему дому. – Пропала ночь, не смогу заснуть. Опять в Иерусалиме начнутся разговоры, опять начнут вспоминать казнь Того Человека».

И вдруг до слуха Первосвященника донеслась песня, кто-то неподалёку, смеясь, распевал:

– Горе мне от рода Ханана, горе от их шипения! Сами они Первосвященники, их сыновья – казначеи, их зятья – смотрители Храма, а их слуги бьют народ палками.

Кровь прихлынула к лицу Кайафы, но он даже и не подумал преследовать наглеца.

Заседание Синедриона состоялось на следующее утро в Зале тёсанных камней, Лишкат-га-газит.

Несмотря на то что, казалось, вопрос о проповедях ам-хаарецев в Храме был не такой уж важный, на заседание были созваны все члены Великого Синедриона, в который входили, кроме первосвященников, представители привилегированных саддукейских семей, из членов которых назначались первосвященники, книжники, старейшины. Всего семьдесят один человек: Ханан, Кайафа, Иоанн, сын Теофила, Ионатан, сын Ханана, фарисейские законоучители во главе с Гамалиилом, а также Никодим, Иосиф Аримафейский, Иоханан бен Заккай, Александр, богатый брат знаменитого мыслителя Филона Александрийского, и остальные. Кайафа сидел на возвышении, посередине, как судья Праведный, судья Вяжущий и Разрешающий. Сверкала золотая дощечка на пышном головном уборе: «Святыня Господня».

– Какою силою или каким именем вы это сделали? – Кайафа задал вопрос, и голос даже ему самому показался слишком величественным и громким.

Пётр и Иоанн в измятых хитонах, грязных после ночи в темнице, ярко освещённые двумя высокими свечами в высоких серебряных подсвечниках, стояли на возвышении в середине полукруга. Рядом с возвышением стоял вчерашний исцелённый. Казалось, он не очень понимал, зачем его сегодня сюда привели. На Петра и Иоанна он не смотрел. Два положенных судебных писца находились по обе стороны от них. Писец справа записывал слова Первосвященника. Второй изготовился записывать ответ обвиняемых. Он насмешливо смотрел на Петра.

– Начальники народа и старейшины израильские! – начал Пётр. – Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелён, то да будет известно всем вам и всему народу израильскому, что именем Иисуса Назарянина, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мёртвых. Им поставлен он пред вами здрав.

Писец поднял изумлённый взгляд на Первосвященника. Ему показалось, что в Иерусалим явился древний пророк. Он не знал, записывать ли это?

– Он есть камень, – продолжал так твёрдо и спокойно Пётр, что писцу захотелось записывать эти слова, – пренебрежённый вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения. Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись.

Писец записал и опять взглянул на Кайафу.

Кайафа был зол и растерян. «Вот! Испугались!» – думал он, косясь из-под кидара на Ханана.

В Зале нарастал гул:

– Это опять ученики Иисуса? Они что – забыли, что стало с их Учителем?

– У ам-хаарецев память коротка, – послышался чей-то насмешливый голос.

– Они осмеливаются в нашем присутствии поучать? Или я ослышался?

Никодим с самого начала испытывал страшные муки. Опять и опять он задавал себе вопрос: надо ли ему встать на защиту Петра? Конечно, он должен что-то сказать в их оправдание. «Господи, – молился Никодим, – научи, как поступить. Но могу ли я открыть сейчас перед всеми, что я был у них в доме? Что приглашал их к себе? Могу ли? Господи, посуди Сам, мне это не под силу – сейчас признаться, что я уже принял решение креститься во имя Твоего Сына – Иисуса Назарянина».

В это время заговорил Иосиф Аримафейский:

– Они исцелили того, что стоит рядом. Взгляните, это тот, что сидел все годы у Красных ворот.

Исцелённый стоял, всё так же опустив голову.

В зале произошло движение, и более половины присутствующих подались вперёд, чтобы разглядеть его.

Ханан недовольно морщился.

– Выведите их из зала, – приказал он страже.

Трое левитов приблизились к Петру и Иоанну и, подтолкнув в спину, указали кивком на дверь, будто те не понимали слов. Позади плёлся исцелённый.

– Что нам делать с этими людьми? – спросил Кайафа, стараясь не глядеть на Ханана.

– Всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего.

Проговорив это, Кайафа наконец взглянул на Ханана и с облегчением увидел, что тот одобряет его слова.

– Чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозой запретим им, чтобы не говорили об этом. – Кайафа поднялся с места и сейчас возвышался над сидящим рядом Хананом.

«Что он такое говорит? – думал Никодим. – Нет, не похоже на Первосвященника. Противоречит сам себе. Говорит, что всем известно чудо, свершённое Петром, и тут же предупреждает, чтобы не разгласилось это в народе. Да, сегодня уже весь Иерусалим собрался у ворот поглазеть на чудо».

Но Кайафа не заметил противоречий в своих словах.

Гамалиил, внук мудреца Гиллеля, громко и веско произнёс:

– Оставьте теперь этих людей в покое. Насколько мы можем видеть, они – жертва безвредного заблуждения. В их деятельности нет ничего мятежного, в их учении нет ничего опасного. Но если бы и было что-нибудь такое, нам нечего бояться их. Нет надобности в насильственных мерах предосторожности. Фанатизм и обман живут недолго, даже если они поддерживаются народным возмущением. Но во взглядах этих людей, возможно, заключается больше того, что мы видим теперь, – говорил Гамалиил. – Быть может, малый зародыш истины, какой-то луч откровения возбуждает в них веру, и бороться с этим – значит бороться против Бога. Огонь неразумного фанатизма гаснет, когда на него не обращают внимания.

Устремив взгляд в конец зала и отыскав там стражей, Кайафа приказал:

– Введите обвиняемых.

Пётр и Иоанн опять встали на помосте. С великим облегчением Никодим видел, что и Пётр и Иоанн не только не чувствуют никакого страха перед представительным собранием, но ведут себя так, как будто находятся среди своих друзей или равных себе людей.

– Мы тут обсудили, – начал низким голосом Первосвященник, пуская специально для устрашения хрипотцу, – мы тут обсудили и решили, что можем вас отпустить, при условии, что вы не будете разглашать произведённое исцеление и ни при каких обстоятельствах... Слышите? – повысил он голос. – Вы ни... при... каких... обстоятельствах, – произнёс он раздельно, – не будете упоминать имя Того Человека.

Кайфа взглянул наконец прямо на Петра и, к удивлению своему, встретил недоумевающий, если не сказать возмущённый, взгляд.

Пётр пожал плечами:

– Судите: справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? – Он с удивлением глядел в глаза, зло блестевшие из-под пышного кидара.

– Мы не можем не говорить того, что видели и слышали, – громко произнёс Иоанн, делая шаг вперёд.

– Это что, сын Зеведея, который поставляет к моему столу рыбу? Или мне кажется? – перегнувшись через подлокотник, громко спросил Ханан. Внезапно он вскочил. – Ступайте вон! – кричал Ханан высоким старческим голосом. – И поберегитесь! Мы вас предупредили! Это я вам говорю, Ханан бен Шет!

Казалось, Первосвященника покинула выдержка, он сделал шаг вперёд и махнул рукой страже.

– Уведите их! – приказал он.

* * *

Уже вечером, когда за столом расположилось маленькое братство, совершив омовение, Пётр преломил хлеб и произнёс неизменное:

– «Примите и ядите, сие есть тело за вас ломимое», – и, передав чашу с вином, пустил её по кругу со словами: – «Пийти из неё, она кровь Моя, за вас изливаемая».

Только после этого, вместо обычных воспоминаний о страстях Иисуса, из уст Петра полилась новая молитва, и слова этой молитвы, казалось, рождались сами собой.

– Владыко Боже! Сотворивший небо и землю и море и всё, что в них! Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мнутя язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его. Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твоё, тогда, как Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса.

Глава 9. Рассказ Матери

*Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева
Твоего.*

Евангелие от Луки

*Возлив миро сие на тело Моё, она приготовила Меня к
погребению.*

Евангелие от Матфея

Мария, Марфа и Лазарь пришли из Вифании в Иерусалим рано утром, три дня тому назад, сразу, как только прослышали о проповедях Петра и Иоанна. Уже к часу пополудни они встретили Петра в Храме. Мария, захлёбываясь слезами, преклонила колени. Пётр наложил на всех троих руки, после чего они омылись в микве и теперь находились в доме, что на Сионовой горе. Тоненькая Мария, как только увидела Мать Равви, так и прильнула к Ней.

– Так это ты умастила Его? – спрашивала Мать, наклоняясь к Марии и нежно убирая чёрные курчавые волосы, упавшие на лицо. – Так это ты? – шептала Она.

Мария не отвечала, полной грудью вдыхая аромат, что исходил от Матери... И картина того вечера, когда она, войдя в комнату, увидела печально сидевшего Раввуни, чудом осознала, что Его ждёт смерть, заметалась, не зная, как защитить, поняла, что ничем не может помочь, и в отчаянии полила Ему голову миром, предстала так ясно, будто это происходило в данный момент.

«Раввуни, – то ли шептала, то ли думала Мария. – Я так Тебя люблю, прими от меня это».

И слышала ответ:

«Ты приготовила Меня к погребению».

– Да, да, – наконец прошептала Мария, поднимая голову и встречая внимательный взгляд Матери, устремлённый на нее, – да, это я.

Перебирая волосы девушки, Мать Иисуса тихо говорила:

– Он переменялся очень после крещения Иоаннова. Пришёл в Кану на свадьбу. Я сначала не могла понять, что с Ним, но сразу увидела, что Он стал твёрже, суровее. Хотя, возможно, это было из-за поста. Он ведь сорок дней постился в пустыне. – Мария помолчала. Казалось, Она впервые позволила Себе так погрузиться в воспоминания. – А может, и по иной причине... Только разве могла Я просто так подойти к Нему и сказать: «Вино у них кончилось»? – заглядывала она в лицо Марии из Вифании, будто эта прильнувшая к ней девушка могла дать ответ. – Значит, Я тогда уже точно знала: Он может всё. Но что Я скажу тебе, моя овечка, – говорила Мать, устремляя лучистый взгляд на прильнувшую к Ней черноволосую, курчавую головку. – Что Я тебе скажу... однажды, когда Меня уговорили Мои сыновья пойти и увести Его из гостей, где Он проповедовал. Привели Меня... Нет, не могу, ещё не могу это рассказывать, – оборвала Себя Мать на полуслове и так порывисто встала, что Мария из Вифании испугалась.

Некоторое время Она легко и бесшумно ходила взад и вперёд по циновкам, устилавшим комнату, заложив за спину руки. С прямыми плечами, с поднятой головой, с лучистыми глазами, Она была так величественна и прекрасна, что Мария из Вифании не понимала, как это она не только осмелилась приблизиться к Ней, но и обнимать Её, класть голову Ей на колени. Мать подошла к выходящему во двор оконцу и поманила Марию. Казалось, Она совсем успокоилась, и только две маленькие точки в уголках глаз говорили о только что пережитом воспоминании...

Во дворе гудел весёлый незнакомый голос, в ответ раздавались радостные приветствия хозяйки дома, слышалось бряцание упряжки мула.

– Кто-то приехал, – сказала Мария, откидывая волосы за спину и выглядывая в окно, но ей не удалось разглядеть, что происходит во дворе, – мешала огромная олива.

– Это брат Марии с Кипра, – догадалась Мать. – Она его ждёт уже несколько дней. Иосия Варнава, «Сын Утешения», так его называют. – И опять взгляд Матери ушёл куда-то далеко, глаза стали напряжёнными и печальными.

– Расскажи мне про Раввуни, – попросила Мария из Вифании, – про Его детство, или лучше про Себя. Расскажи мне про Себя, – сказала она, складывая руки в мольбе и поднося их к лицу.

Мать провела по курчавым волосам, перебирая медленно каждую прядь.

– Рассказать? Я даже не знаю, наяву ли это было или приснилось. Во всяком случае, это было очень давно. Слушай, овечка.

Мать села и опять положила голову Марии Себе на колени.

– Моего отца звали Иоакимом, а мать – Анной, – начала Мать тихим голосом. – Она была дочерью Исахара, из того же колена, что и отец, колена Иудова, из рода Давидова. Они прожили, говорят, двадцать лет, но у них не было детей. В один из праздников отец принёс в Храм дары Господу, а ему один книжник, по имени Рувим, вдруг сказал: «Не надлежит тебе участвовать в жертвоприношениях, ибо не благословил тебя Бог и не дал тебе потомства в Израиле».

Посрамлённый отец удалился из Храма и ушёл вместе с пастухами в горы, и пять месяцев мать не имела о нём никаких известий. Мать плакала, молилась. И однажды, молясь, она увидела гнездо птицы на ветке лавра и зарыдала: «Господи Боже всемогущий, давший потомство и плодородие всякой твари, зверям, и змеям, и птицам, давший им радоваться на своих детёнышей! Ты знаешь тайну моего сердца, и я сотворила обет от начала пути моего, что, если Ты дашь мне сына или дочь, я посвящу их Тебе в святом Храме Твоём». Когда она так сказала, вдруг ангел Господень явился перед ней и сказал: «Не бойся, Анна, ибо твой отпрыск предрешён Богом».

Мать вошла в комнату и упала на постель и так пребывала весь день и всю ночь. И никто к ней не приходил. Потом она позвала служанку и упрекнула: «Ты видела меня убитой вдовством и поверженной в горести и не захотела войти ко мне». А служанка ответила: «Если Бог наказал тебя бесплодием и удалил от тебя мужа, что же я могу сделать тебе?»

Ты представляешь, моя овечка, каково это было слышать Моей матери, и, конечно, она опять плакала и не очень-то уже помнила, что сказал ей ангел. Но в это время, так говорят, и к Моему отцу во сне явился ангел и сказал: «Почему ты не возвращаешься к жене своей?» А отец сказал: «Мы жили вместе двадцать лет, но Бог не захотел, чтобы у нас были дети, я был изгнан из Храма, зачем же мне возвращаться к ней?» Ангел сказал: «Знай, что она зачнёт и родит дочь».

Отец, проснувшись, рассказал пастухам, сторожившим с ним стада, и они сказали отцу: «Смотри не противься ангелу Божию, но встань, и мы пойдём медленно, давая пастись скоту». И так они шли день за днём. А через тридцать дней ангел явился Моей матери и сказал: «Иди к Золотым воротам и встречай мужа». Мать так ждала у ворот, что силы её почти иссякли и она чуть было не лишилась чувств... И вдруг увидела отца, Иоакима, идущего со стадами, и тогда она побежала, упала к нему на грудь, зарыдала и всё повторяла и повторяла: «Я была вдовой, и вот я больше не буду неплодной, и я зачну». Всё сбылось, как сказал ангел, и после этого Я родилась.

– Как Вы похожи! – вскричала Мария из Вифании, вскакивая и прижимая руки к сердцу, совершенно забыв, что всего несколько минут тому назад удивлялась, как могла приблизиться к этой Женщине. – Как Вы похожи! – восклицала Мария. – Те же интонации, те

же глаза, те же волосы! – говорила она захлёбываясь... – Господь! – простирала она руки к небу, – Ты воистину меня любишь, если послал мне такое утешение!

Мария из Вифании восторженно глядела на Мать, не решаясь попросить продолжения, но Мать, казалось, Сама нуждалась в разговоре. И опять они сели вместе, и опять Мария из Вифании разместилась у её ног.

– Когда я ждала Иисуса, я пошла в Иерусалим навестить Елизавету, Мою сестру, а она тогда тоже ждала ребёнка, Ха-Матбила, между Иисусом и Иоанном всего шесть месяцев разницы... Елизавета долго не могла родить, и её мужу – Захарии, он был священником в Храме, явился ангел во время службы и предупредил, что у него родится сын по имени Иоанн, а Захария от этого потерял речь. Да ты, наверное, слышала эту историю? Ему надо служить в Храме, а он не может слова вымолвить. Он молчал до рождения Иоанна и заговорил лишь после рождения сына. И вот Я пришла навестить Елизавету. Я была молоденькой девушкой, вот как ты сейчас, и Я пришла в Иерусалим и подошла к дому Елизаветы, открыла калитку, кричу: «Елизавета!» Она выбежала на порог, остановилась, будто увидела не только Меня, но и ещё кого-то, а потом говорит странные слова. Я Иисусу как-то сказала об этом, когда Он был маленьким, потом Мы никогда не говорили об этом.

– Мне можно услышать эти слова? – шепнула Мария.

Мать задумалась.

– Да, теперь можно, – вздохнула она. – «Благословенна Ты между жёнами, и благословен плод чрева Твоего! – сказала тогда Елизавета. – И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошёл до слуха моего, разыграл младенец радостно во чреве моём». Вот такие слова Я слышала.

И со Мной вдруг что-то странное приключилось. И Я не иду к ней, а стою внизу у ступенек, смотрю на неё, а говорю, будто не с ней: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моём, что призрел Он на смирение рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды».

– А дальше? – выдохнула Мария.

– Дальше? – Мать задумалась. – Дальше родился Иисус. Я плакала от любви к Нему. Иосиф спросит: «Что Ты плачешь?» А Я и Сама не знаю отчего, только слёзы так и льются. А когда исполнились дни очищения, принесли Иисуса в Иерусалим, чтобы представить пред Господом, как предписано в Законе Господнем, и чтобы принести в жертву двух горлиц и двух птенцов голубиных. А тогда в Иерусалиме был старец – Симеон, он был муж праведный и благочестивый, и Дух Святой был на нём, и ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Мессию. Понимаешь ли ты это? Мы с Иосифом вошли в Храм, Я, совсем молоденькая, прижимаю Сына к Себе, будто что-то Ему угрожает, волнуясь.

И вдруг незнакомый старец направляется ко Мне, берёт Иисуса, и я даже не воспротивилась... так и положила ему Сына на руки. Старец благословил Иисуса, поднял голову к небу и произнёс: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твоё, которое Ты уготовил перед лицом всех народов. В свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израйля». А потом обернулся ко Мне и посмотрел прямо в глаза. У него глаза прозрачные, синие-синие. Посмотрел на Меня, будто внутрь заглянул, и сказал, отдавая Сына: «Вот лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий». Непонятные слова, но они Меня напугали. И Я рада была, что Сын уже у Меня на руках.

Не шевелясь лежала Мария, боясь потревожить Мать. И когда Мария думала, что Мать уже больше ничего не скажет, услышала:

– И, глядя Мне в глаза, сказал: «И тебе Самой оружие пройдёт душу, да откроются помышления многих сердец».

Мария из Вифании вздрогнула, вдруг ясно осознав пророческий смысл сказанного.

– Вспомнила эти слова Я потом... тогда... – Мать замолчала. Казалось, Она опять не в силах окончить рассказ... но, помедлив некоторое время, твёрдо, глядя в глаза Марии из Вифании, сказала: – Я это вспомнила после того, как ты вылила миро. Да, вот так, моя девочка. Оружие прошло тогда через душу. И правильной Симеон не мог сказать.

Мария не поднимала головы, не шевелилась, ей казалось, что сейчас Мать уже разговаривает не с ней, а с кем-то невидимым. Вспоминает то, что ей, Марии, нельзя знать. А может, судьба была у Марии из Вифании такая – она была выбрана слушательницей, Господь и после ухода не оставил её.

– Пойдём вниз, там уже все в сборе – и Марфа, и Лазарь, и Пётр, и Андрей, Иоанн, сейчас начнётся наша агапа, – сказала Мать, бережно поднимая голову прильнувшей к Ней овечки.

Не отрываясь глядела в глаза Матери Мария, творя молитву, чтобы горе, переполнявшее Мать, перелилось в неё.

По лестнице раздались лёгкие шаги, и в комнату робко вошла Мария Магдалина. Она не могла бы сказать, каким чутьём сразу узнала ту, что металась тогда по саду, а потом, прижавшись к забору, рыдала, но сразу безошибочно, без колебаний, поняла – это *она*.

– Ужин готов, – сказала Мария Магдалина, обращаясь к Матери, и когда Мария из Вифании повернула голову, то улыбнулась. – Я тебя сразу узнала, это ты тогда Его помазала к погребению? Равви ведь так сказал? – И, неожиданно для себя, добавила: – В ту ночь и в тот день я очень ревновала тебя к Нему...

Мария из Вифании глядела на рыжеволосую желтоглазую красавицу, окутанную чёрным, будто вдовьим, покрывалом и молчала. Она не могла вспомнить, когда и где её видела.

Оказалось, что этим вечером собралось так много народу, что было решено стол из горницы спустить вниз во двор и приставить к нему другой. Разгорелся спор – Иоанн настаивал, что *тот* стол ни в коем случае нельзя перемещать, он должен оставаться на своём месте, в горнице. Но Пётр настаивал, чтобы трапеза была совместная, а в горнице, как уже видно, разместить столько народу не было возможности. Иоанн уступил и сам снёс ту часть стола, где располагались трое – Учитель, он – Иоанн, и проклятый Иуда.

Мария из Магдалы, Саломея, Сусанна, Мария – хозяйка дома, Мария Клеопова, – все расположились по-прежнему в конце стола. За новый стол сели новокрещённые – Марфа, Лазарь, Варнава, Сапфира и Анания, её муж. Теперь уже не соблюдали старинный обычай, и женщины сидели за столом рядом с мужчинами. Все были братья и сёстры во Христе. И только одна из новокрещённых сидела за *тем* столом – исключение сделали для Марии из Вифании. Она села по левую руку от Матери, и Мария Магдалина безропотно уступила ей своё место.

Две служанки с кувшинами подошли по очереди к каждому сидящему за столом, и все по очереди совершили омовение. Затем встали и прочли вслух благодарственную молитву. Перед тем как начать трапезу, Пётр торжественно преломил хлеб:

– Я от Самого Господа принял то, что и вам передаю. Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: «Примите и ядите! Сие есть тело Моё, за вас ломимое. Сие творите в Моё воспоминание», – медленно говорил Пётр, подняв голову к высокому, уже тёмному небу. Отлил из большого кувшина вина в особую благословенную серебряную чашу и, отпив, пустил чашу по кругу со словами: – «Сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, сие творите, когда только будете пить, в Моё воспоминание».

И все заметили, что Мать с трудом поднесла кусочек хлеба ко рту и с трудом сделала глоток из чаши.

– Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьёте чашу сию, – продолжал Пётр, – смерть Господню возвещаете, доколе Он придёт. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьёт из чаши сей. Ибо кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем.

Мы Кехалаха-Элохим – Церковь Божия, верим, что на нас исполнилось проречённое через Иезекииля: «И окроплю вас чистой водой... и дам вам сердце новое и дух новый дам вам. И выну из вас сердце каменное и дам сердце из плоти. Вложу в вас Дух Мой и сделаю так, что вы будете ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будете хранить и исполнять».

После конца вечера Пётр покинул своё место и направился к столу, где сидели ново-крещённые. Он подошёл к молодому человеку, обнял того за плечи и сказал:

– Братья, сегодня прибыл к нам с Кипра Варнава, я его сегодня крестил. И этот Сын Утешения даровал нам своё состояние – для поддержания жизни всей нашей общины.

А следующим вечером, уже после вечера, перед тем как ложиться спать, Марфа подошла к Петру и, отозвав его в глубину двора, где тень оливы закрывала двоих от посторонних взоров, тихо сказала:

– Прошу тебя, не откажи, ты знаешь, мы теперь неразлучны до скончания века. Ведь Равви вот-вот явится, и наступит Его Царство. Я сегодня продала дом и землю, всё, что получила, отдаю тебе. Буду благодарна, если примешь от меня этот малый дар.

Пётр мельком взглянул на Марфу, увидел плотно сжатые губы, решительное лицо, вспомнил её сестру, вспомнил Лазаря, с всегда слезящимися глазами, будто с тех пор, как Его воскресил Господь, Лазарь неустанно возносил благодарность, и, поклонившись, сказал:

– Во имя Иисуса беру от тебя деньги на всеобщее благо.

Когда Марфа уже засыпала, она услышала шёпот:

– Я слышала в городе, ты продала своё имение?

Даже сквозь сон Марфа узнала голос – это была одна из новокрещённых, Марфа точно не помнила её имени, кажется, Сапфира, но голос вкрадчивый запомнился. Марфа не ответила. Говорить об этом не хотелось. Казалось, что говорить об этом нельзя, что это тайна её семьи, Петра и Господа.

Но на следующий день весть, что Марфа продала имение и отдала все деньги Петру, распространилась среди кружка новокрещённых, и к вечеру стеклодув принёс все деньги, вырученные за день.

– По-другому не могу, – сказал он, будто оправдываясь, – но всё, что заработаю, буду отдавать в общину. Ведь это будет выгоднее, чем если я сейчас продам мастерскую и лишусь заработка. Ведь Господь вам точно не сказал, когда придёт, может, завтра, может, и нет.

Глава 10. Сотник Лонгин

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»...

Иисус же, возгласив громко, испустил дух...

Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий.

Евангелие от Марка

Пилат покинул Иерусалим сразу после Пасхи. Кончился месяц нисан, прошел ияр, настал месяц сиван с его праздником Пятидесятницы, когда римскому гарнизону, находящемуся в Кесарии, надлежало опять прибыть в Священный город для поддержания порядка. Пилат в этот раз ограничился тем, что отрядил войско, а сам остался в своей любимой Кесарии, напоминавшей наместнику акведуком, мраморными дворцами, огромным стадионом, театром, банями его родной город – Рим.

Правда, здесь, в отличие от Рима, прямо у подножия дворца плескалось синее тёплое море, где на рейде трепетали алеющие на закате паруса римских военных кораблей, торговых судов со всего света, рыбацких баркасов... Пилат любил этот город. Любил – и не пошёл в Иерусалим.

А напрасно.

15 сивана, едва Пилат быстрым решительным шагом пересёк затенённую комнату и вышел на огромную террасу, увитую розами, с которой открывался прекрасный вид на море, беспокойное предчувствие кольнуло его. Виной этому было то ли ожидание неприятных известий из Иерусалима, то ли предстоящий знойный день, то ли то, что море было бесцветно и безжизненно, как выжженная пустыня. Пилат не любил пустынное море. Римские воины знали это, и зачастую, чтобы угодить прокуратору, военные корабли делали нема лый крюк, чтобы пройти мимо дворца и попасть в поле зрения наместника цезаря.

Секретарь поспешно встал при приближении прокуратора и, неловко поклонившись, уронил свиток. Скосив глаза, Пилат понял, что свиток этот из Иерусалима.

– Что нового? – спросил Пилат, хмуро глядя на секретаря, который был единственным его доверенным лицом и который сопровождал Пилата повсюду.

– Письмо от Первосвященников.

Пилат поморщился – опять они будут упрекать его в том, что он не почтил их праздник или, ещё того хуже, что в праздник его воины допустили какие-то вольности в отношении иудеев.

– Вскрой, – приказал Пилат.

Пилат следил, как секретарь аккуратно, даже не повредив на печати виноградной лозы, развернул папирус.

– Читай, – приказал Пилат, шурясь на море.

«Доблестному римскому наместнику всаднику Понтию Пилату!

Довожу до Вашего сведения, что, несмотря на предупреждение, один из Ваших доблестных воинов, центурион Лонгин, распространяет слухи, что Тот Человек, которого Вы приговорили на Пасху к смерти через распятие, воскрес.

Смеем напомнить: мы предупреждали, что ученики выкрадут тело, а это приведёт к смуте, и просили выставить стражу, Вы сказали: “Действуйте, как считаете нужным”. Мы настаивали, чтобы стражу не возглавлял центурион Лонгин, который присутствовал при распятии, ибо нам стало известно, что этот воин был под сильным впечатлением от казни и кричал во всеуслышание: “Воистину Он был Сын Божий!”

Но к нашей просьбе не прислушались. И вот теперь римлянин, центурион, пользующийся Вашим доверием, по всему Иерусалиму распространяет нелепые слухи. От имени Синедриона и всех здравомыслящих жителей Иудеи настоятельно просим призвать центуриона Лонгина в Кесарию и запретить ему распространять небылицы. Иначе смута в народе может перерасти в открытый мятеж, что, несомненно, вызовет недовольство великого императора Ти берия.

Первосвященник Кайафа».

Окончив чтение, секретарь взглянул на Пилата. Лицо наместника налилось кровью, но не от гнева – Пилат смеялся! Смеялся так, что вспорхнула стайка птиц, укрывавшихся в зелени, обвивающей балкон, а три чайки с громким криком полетели в сторону моря.

– Ха-ха-ха! – хохотал Пилат.

Секретарь опустил глаза, в смехе лицо Пилата было страшным.

– Ха-ха-ха!

Над морем хохоту вторили крики чаек.

– Позовите Прокулу, вероятно, госпожа в саду, – наконец приказал Пилат.

– Вот твой сон вещий, – сказал Пилат, обращаясь к жене, которая торопливо поднималась на террасу. Непонятно было, радуется ли Пилат или возмущён тем, что жена посмела видеть такой сон.

– Всё твой сон, – повторил Пилат. – Помнишь, ты на Пасху просила не казнить того Преступника? Якобы ты много за Него пострадала? Помнишь? Твой сон? Вот пишут из Иерусалима – пишут, что Он воскрес. Что ты молчишь? – Пилат вглядывался пристально в лицо жены и, как ни странно, чувствовал некоторое замешательство. Чтобы скрыть смущение, он встал и, обратившись к секретарю, твёрдым голосом произнёс: – Призовите сюда в Кесарию сотника Лонгина.

– Обещай мне, – сказала Прокула, вставая и тоже внимательно вглядываясь в лицо мужа, – обещай, что ты дашь мне возможность выслушать Лонгина.

Пилат кивнул, сделал несколько шагов, провожая жену, неожиданно взял её за руку и привлёк к себе. Он хотел ещё раз взглянуть ей в лицо: было в этом лице что-то странное, прежде незнакомое. Пилат, помедлив, захотел было состричь по поводу веры в воскресение мёртвых, но удержался. Он выпустил руку жены и долго смотрел, как та легко спускается по ступеням дворца.

«Ирод, в упоении строивший этот дворец, с надеждой, что жить в нём будут его наследники, обманулся... Всея этой роскошью, как и в Иерусалиме, пользуюсь я, римский наместник, столь же яростно ненавидящий иудеев, сколь и ненавидимый ими», – усмехнулся Пилат.

* * *

– Да не буду я повторять это Пилату! – в раздражении дёрнул поводья Лонгин.

Луна освещала дорогу, выложенную белыми мраморными плитами, обсаженную апельсиновыми деревьями, по которой мчались два всадника, держа в руках вертикально поднятые копья, на которых развевались значки с изображением Тиберия. Здесь уже действовали римские законы, а не иудейские. Цоканье копыт звонко отдавалось в тишине, словно звуки тимпана. Лонгин в сопровождении посланного за ним в Иерусалим гонца въезжал в Кесарию. Он вдохнул морской воздух и остановил свой взгляд на огромном стадионе, который раскинулся прямо на берегу моря...

«Этот царь Ирод был совсем не глуп, – думал Лонгин, – потому его и проклинали иудеи. Но каков замысел – построить такой город, напоминающий Рим, в центре варварской страны!»

– Взгляни, какой акведук! Построен лет пятьдесят тому назад, – обратился Лонгин к сопровождающему. – А Пилат сколько крови попортил, чтобы построить им такой же в Иерусалиме! Ты помнишь, как эти варвары кричали, что им не нужна вода? Не нужна вода! – усмехнулся сотник, опять оглядываясь на второго всадника. – А сами совершают по три омовения в день!

Они подъехали к холму, на котором возвышалась статуя Августа, и оба, не сговариваясь, остановили коней и, встав в стременах, вскинули руку в приветствии. Затем, всё ещё не сводя глаз с императора, запахнули плащи, проверили ребром ладони, не сбились ли набок шлемы, и повернули коней в сторону дворца Ирода. Несмотря на поздний час, Лонгину было велено явиться сразу по приезде.

– Да не буду я сочинять, – вдруг пробормотал сотник. Он оглянулся на уже плохо различимую статую Августа, и ему показалось, что статуя согласно кивнула в ответ. – Я знаю, зачем Пилат меня вызвал. Старейшины иудейские донесли, что я заявляю, что Иисус из Назарета воскрес. Они этого боятся. Как же, римский воин, язычник, рассказывает то, о чём они умоляли молчать! Но выдумывать я ничего не стану, – опять повторил он вслух так громко, что его спутник наклонился к нему.

– Что? – спросил он. – Ты что-то сказал?

– Да нет, это я так, – пробормотал Лонгин. – Я уважаю прокуратора Понтия Пилата, я видел его в сражениях, – добавил он.

На душе у центуриона сделалось скверно. Сейчас Лонгин был уверен, что разговор будет жёсткий. «Знают только боги, чем закончится всё это», – подумал Лонгин, и вдруг страшная мысль заставила его вздрогнуть: «Да верю ли я сам, что Тот Распятый – Сын Божий? Возможно ли это? Пилат будет прав, если не поверит мне. В это поверить трудно, почти невозможно».

* * *

Мысль позвать Прокулу пришла в голову и тут же исчезла, и даже оставила после себя некоторую растерянность: «Сначала поговорю сам, не стоит сейчас впутывать жену».

Лонгин вошел, чётко отбивая шаг и стуча подкованными калугами по мраморному полу. Он вскинул руку и крикнул:

– Слава цезарю! Слава императору! Слава его наместнику Понтию Пилату!

– Ну, ну, хватит приветствий, – проговорил Пилат и, к удивлению секретаря, встал, обнял Лонгина за плечи.

– Ну, старый вояка, рассказывай, что ты там проповедуешь в Иерусалиме? Я мог бы послать соглядатаев, и они бы мне в точности донесли твои слова, но я хочу услышать от тебя самого.

– Благодарю за честь, – проговорил Лонгин. – Благодарю за честь, – повторил он наконец, располагаясь в поданном секретарём кресле.

– Мне поспешили донести, и хочешь знать, что? – И глаза Пилата сверкнули.

Лонгин подумал, что дурное предчувствие не обмануло его.

– Хочешь знать, что? – опять сверкнул глазами Пилат.

– Естественно, хочу. – Лонгин встал и стукнул каблуками.

– Кайафа прислал мне донесение, что ты, центурион армии императора Тиберия, распространяешь слухи, что Тот, Распятый на кресте, как там Его?... Воскрес?

И так как Лонгин хранил молчание, Пилат повторил:

– Возможно ли, чтобы ты, гражданин Рима, верил в такие небылицы?

Тут Пилат замолчал и вцепился глазами в Лонгина. Но тот спокойно выдержал взгляд.

– Ты помнишь, что ещё тогда, после распятия, приказал тебе и твоим воинам не обсуждать увиденного и не распространять небылицы. Сам подумай, что ты несёшь: кто-то сошёл с неба и вошёл в гробницу, и камень отвалился сам собой, а потом... Нет, – прервал себя Пилат, – сам только на минуту задумайся: возможно ли, чтобы ты, римский центурион, бездумно повторял басни, которые ходят среди варваров?

Лонгин покраснел. Упрёки и обвинение его в глупости и легковерии были неприятны.

– Я, – сказал Лонгин и сделал ударение на «я», – я не повторял. Я говорил только одно: «Истинно Он – Сын Божий», потому что я видел, как Он умирал, слышал Его слова, видел Его лицо. Он не был похож на человека, так люди себя не ведут, так люди на кресте не выглядят. Мне ли не знать, как умирает человек? Даже после казни мы видели не обычное лицо. Это был спокойный и величественный лик небожителя, которому открыто то, что нам не дано знать. И это читалось на Его лице так же ясно, как то, что я сейчас вижу, что ты сердишься. Ты что, не помнишь, что я рассказал тебе в тот же вечер всё подробно – всё, что видел, когда казнили Того Человека?

Пилат, вцепившись в ручку сиденья, внимательно слушал. Он вспомнил лицо Иисуса и вспомнил, как и его самого поразило величественное спокойствие человека, знающего, что Его ждёт неминуемая смерть.

– Но сейчас ты говоришь, что он воскрес? Ты что – видел Его Воскресение? – неприятно усмехнувшись, спросил Пилат. – Ты же там был всю ночь.

– Но воскресения я не видел. Я не видел, чтобы кто-нибудь сходил с неба, не видел, чтобы сам собой двигался крест, никто не вёл из гроба человека, который головой касался неба, – всё это выдумки невежественных иудеев.

– Ты, ты что видел? – закричал Пилат и так сжал подлокотник, что сломал его.

– Я видел, что гробница была пуста.

– И это всё? – усмехнулся Пилат, он казался разочарованным. – Мало же тебе надо было, чтобы поверить! Ученики выкрали тело: иудеи, старейшины их, меня предупреждали об этом.

– Пилат, – сказал Лонгин – и впервые за время встречи голос Лонгина зазвучал спокойно, – сам подумай, ты видел учеников? Откуда у них столько серебра, чтобы подкупить стражу? Нет, у них денег нет. Разве только если им дал деньги Никодим? Я слышал, что он мог присутствовать при погребении. Но он ведь правоверный иудей, уважаемый член Синедриона? Зачем ему всё это? Он мог по-человечески уважать и даже любить Иисуса, но поверить в Воскресение и распространять слух об этом? Не похоже. Зачем? Если даже предположить, что ученики украли тело, было ли у них время аккуратно снять с него пелены? И зачем было складывать пелены аккуратно, будто те, кто украли, никуда не торопились, будто мы не стояли рядом? Сам подумай! И кто мог украсть?

Они помолчали, и центурион продолжил:

– Я же видел, как дрожали самые близкие ученики, когда прибежали на зов женщины, что пришла на рассвете и увидела гробницу пустой. Они трусливы, как овцы. Даже боялись поначалу зайти в пещеру. Пилат, я воин и не боюсь смерти. Я могу тебе сказать, что Тот Человек действительно воскрес – или таинственно, необъяснимо исчез. Но не по людской воле, а по воле высшей, божественной. В общем, Его украсть не могли, а пещера была пуста. Понимай как хочешь. Я не буду сочинять, не буду добавлять, мне достаточно того, что я верю – мне довелось увидеть истинного Сына Божия. Я благодарен тебе, что ты послал меня сначала присутствовать при распятии, а потом сторожить гробницу.

Пилат опять подумал – не позвать ли жену? Но удержался и на этот раз.

– Лонгин, – произнёс Пилат, – я уважал тебя как воина, мне странно, что тебя оплели эти варвары и заразили своими сказками. – И опять он подумал о жене. Она, гордая римлянка, из патрицианского рода, как могла увлечься этими бреднями? – Иди, – сказал Пилат. –

И помни, как себя следует вести в Иерусалиме римлянину. Если не одумаешься, то тебе придётся покинуть доблестную римскую армию и служение императору Тиберию. Дело твоё. Но если ты завтра за трапезой у меня посмеешь бездумно отвечать на расспросы кого бы то ни было, – подчеркнул Пилат, и голос его отдал металлом, – то берегись, Лонгин. Я могу забыть, как мы воевали с тобой вместе. Берегись, – повторил он, – ты знаешь Понтия Пилата.

Центурион кивнул и вдруг, как показалось прокуратору, еле заметно улыбнулся.

– Я думаю, – медленно произнёс Лонгин, – завтра нужно будет особенно тщательно смотреть за порядком в Иерусалиме. Возможно, в этот раз моё присутствие там будет более уместно. Благодарю за приглашение! Но лучше пошли меня обратно в Иерусалим.

Лонгин поднялся, вскинул руку для приветствия, и в этот раз Пилат не встал, чтобы его обнять. Звуки подкованных калиг медленно затихали в ночи, пока Лонгин спускался по лестнице в сторону моря.

Секретарь сидел не шелохнувшись, боясь каким-либо неосторожным звуком напомнить о своём присутствии и обратить гнев прокуратора на себя.

– Что есть истина? Что есть истина? – спрашивал Пилат.

Луч луны, пробравшись сквозь заросли роз, упал прямо на лицо спящего прокуратора. Это причиняло болезненное беспокойство, и желание услышать наконец ответ мучило, как жажда.

– Что есть истина? – допытывался Пилат, глядя незрячими глазами на яркий диск луны. И слышал ответ:

– «Истина от небес».

– А в земном нет истины? – спрашивал Пилат.

– «Истина на земле среди тех, которые, имея власть, истиной живут и праведный суд творят».

– Что Ты сделал, что они Тебя так хотели убить? Что Ты такое сделал, что они так хотели Тебя убить?! И правда ли, что Ты воскрес? Если Ты воскрес, я верю, Ты не будешь судить меня, ибо я действовал так из боязни мятежа...

Пилат наконец проснулся и, прикрыв глаза рукой, долго лежал не шевелясь. Потом встал и вышел на террасу. Серп луны обсыпал серебром всё море, и тёмные тени военных кораблей в гавани сейчас раздражали своей неуместностью. Всюду был покой.

«Да, – думал Пилат, не отрывая взгляда от моря, – я всё помню, и стоит ли притворяться? Наступил шестой час дня, и тьма была до девятого. Солнце померкло, и, говорят, завеса в Храме разорвалась надвое от верха до низа. И возопил Иисус громким голосом: «Или, Или, лама саввахвани?» – «Боже, Боже, зачем Ты Меня оставил?» И тогда Лонгин и закричал: «Муж этот праведен был!»

Пилат помнил, что Лонгин в тот же вечер, перед тем как заступить на стражу, рассказал ему это и Прокула сказала: «Не предупреждала ли я тебя?»

С тех пор прошло много дней, и Пилат всё это время хранил молчание и ни одним намёком не дал понять жене, что помнит и сон, и то, что она присутствовала при донесении Лонгина.

Пилат не верил в то, что говорил Лонгин: ну, умер быстро, ну, умер не как все, ну, что-то говорил перед смертью, ну... а дальше что? Но что-то продолжало беспокоить. И тогда на третий день он призвал иудеев и спросил:

– Видели ли вы знамения на солнце, которые произошли, когда осуждённый умирал?

О, они держались гораздо лучше, чем он. Гораздо лучше!

– Затмение солнца по обычному закону совершалось, – надменно произнёс Кайафа, поучая его, просвещённого римлянина.

Даже сейчас Пилат почувствовал, как злоба перехватила горло.

Пилат, облокотившись на перила, тяжело дышал, он смотрел по-прежнему на море, но уже не видел его. Злоба и гнев застлали глаза, и вместо моря он видел исполосованную им собственноручно спину Первосвященника.

Но тогда Пилат проглотил раздражение.

– Воины рассказывали: когда стерегли гробницу, содрогнулась земля, и они увидели, что ангел сошёл с неба, отвалил камень. Вид его был как молния, и ризы как снег, и от страха перед ним они пали, как мёртвые, – спокойно сказал он и с радостью увидел, как побледнел Кайафа.

– Жив Господь Бог! – сказал Ханан. – И мы не верим вам!

«Вероятно, они тогда и дали воинам серебра, чтобы те молчали, и только Лонгин... Да нет, – прервал себя Пилат. – Что за сказки! Иудеи были в этот раз правы. Ничего такого не было, и затмение солнца по закону совершалось».

Он вернулся в спальню и только лёг на постель, закрыл глаза – понеслось перед ним мучительное видение:

Пещера где-то в саду, огромный валун преграждает вход в пещеру, и от этого на сердце у Пилата тяжело, будто валун давит на грудь. Пилат крадётся, но в это время громкий голос раздаётся с небес. Пилат пригибается, и двое мужчин сходят с неба и мимо Пилата, будто того и нет, направляются к гробнице. Пилат хочет бежать, но ноги вросли в камень, который закрывает вход в гробницу. В страхе, парализовавшем всё его тело, в страхе, который он никогда не испытывал наяву, Пилат чувствует, как камнеет. Ужас, дикий ужас охватывает его.

– Я чист от крови Сына Божия! – кричит Плат.

– Запрети воинам рассказывать о виденном! – кричат Первосвященники. – Ибо лучше нам быть виноватыми в величайшем грехе перед Богом, но не попасть в руки народу иудейскому и не быть побитыми камнями!

– Как могли унести израненного Иисуса, пусть не умершего, но израненного? Мне ли не знать, как умеют бить мои солдаты, – усмехается Пилат. – Как могли они, те, кто выкрал, развернуть плащаницу, не потревожив ран, отодрать её от засохшей крови? И зачем, зачем было разворачивать? Ведь могли же унести прямо завернутым!

– Возвестил ли ты усопшим? – слышит он.

Кто кричит? Кто спрашивает?

– Да. Да, да, да! – слышит Пилат и открывает глаза. Прокула держит одной рукой его руку, а второй поглаживает лоб.

– Да, – говорит Прокула, – я видела сон, но не сердись на меня.

– Прокула, – прижимает прохладную руку жены ко лбу, – вчера вечером поздно у меня был Лонгин. Сегодня он не будет у нас обедать. Но потом, как-нибудь в другой раз, разрешаю тебе задавать ему все вопросы, какие только ты пожелаешь.

Рано утром, ещё задолго до восхода солнца, Пилат встал с постели: он решил написать донесение императору Тиберию.

Глава 11. Анания и Сапфира

Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам.

Евангелие от Матфея

Была среда. В этот день Пётр не пошёл после обеда в Храм, а направился в синагогу, что располагалась в конце улицы, тут же на Сионской горе. Так уж повелось, что вечером по средам все, живущие в доме Марии, матери Марка-Иоанна, в большом доме стеклодува, и в двух небольших домах на соседней улице, примыкавших своими дворами ко двору Марии, посещали в среду вечером эту синагогу. Только здесь каждый раз после положенных богослужебных чтений Пётр всходил на ступени бимы и произносил несколько слов, свидетельствующих о воскресении Учителя и о Его учении.

Сегодня служба, как обычно, началась с чтения двух обязательных молитв:

– Благословен будь Ты, о Господи, Царь мира, создавший свет, тьму, преподающий мир и создающий всё!

– Великою любовью Ты возлюбил нас, о Господи, Боже наш, и многою преизбыточествующую милостью Ты помиловал нас!

В полутёмной комнате горел священный светильник, на нескольких скамейках, где почти не было свободных мест, молящиеся, чуть раскачиваясь, повторяли слова молитвы. Затем хазан отдёрнул шелковую занавесь с раскрашенного ковчега – скромного подобия Ковчега Завета, где хранились пергаментные свитки Закона, последовало чтение отрывков из Закона и пророков. Неожиданно поднялся Пётр и высказал желание сказать проповедь.

Пётр покрыл голову длинным полосатым шерстяным платком и взошёл на ступени бимы.

– Возлюбленные, – произнёс Пётр. – Возлюбленные, – тихо повторил он, медленно оглядывая молящихся из-под полосатого платка, – все вы сидите здесь: Марк-Иоанн, Иосиф бен Лаккуда, Давид бен Закхай, Юлия, Андроник, Элиазар, Иоанн, Варфоломей, Мария из Магдалы, Мария, мать Марка, Саломея, Мария Клеопова, Мария из Вифании, Марфа, Лазарь и другие – все вы любимы Учителем, Господом, и, значит, и мною, грешным. И поэтому прошу вас, – умоляюще проговорил Пётр, – как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу.

В это время дверь в синагогу распахнулась, и вошёл Анания, почтенный человек, недавно принявший от рук Петра крещение. Обычно Анания посещал другую синагогу, в Верхнем городе, вблизи от своего дома, где из учеников проповедовал Фома. Пётр прекратил проповедь и испытующе следил за Ананией, пока тот, не останавливаясь, твёрдым шагом приближался к нему. Громко, так что слышали даже сидящие у дверей, Анания сказал:

– Пётр, прими от нас этот дар, во имя Господа Иисуса. Да будет это в помощь всем нуждающимся.

Пётр повёл себя странно. Вместо того чтобы обнять Ананию, Пётр молчал, отводил глаза, смотрел куда-то вниз, и тогда Анания положил прямо к ногам Петра тяжёлый мешочек, набитый серебром.

Пётр всё ещё молчал, и непонятно было, чем вызвано столь долгое молчание – недовольством ли, что Анания не дал ему окончить проповедь, или чем-то иным.

Поначалу молящихся охватил восторг – да, истинно, они все братья, и нет между ними разницы! Вот и Анания, который имел два дома, большой надел земли и слыл человеком богатым, любит Учителя, хотя никогда Его не видел: принёс все своё достояние, как вчера Марфа и как до этого Варнава. Но по мере того как длилось молчание Петра, настроение

присутствующих менялось, всех охватило беспокойство и даже какое-то неприятное предчувствие.

– Мы продали свою землю, – громко сказал Анания, – прими наш дар.

– За столько ли вы продали свою землю? – тихо спросил Пётр.

– Да, за столько. Прими наш дар.

«Сознательная ложь, а главное – фарисейское лицемерие, – содрогаясь, думал Пётр, – первое тёмное пятно на светлом фоне святого общества».

– Анания! – Голос Петра был вовсе не похож на голос, только что произнёсший: «Возлюбленные мои!» – Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?

«“Солгать Духу Святому”?! – Ужас сразил Иоанна. – Иудин грех!» Он пригнул голову, ожидая, что сейчас их всех постигнет кара как соучастников.

– Чем ты владел – не твоё ли было? И приобретённое продажей – не в твоей ли власти находилось? – продолжал Пётр. – Для чего ты положил это в сердце твоём?

Марфа перевесилась за перила и отдернула занавеску, чтобы лучше видеть происходящее. Пётр, Пётр, который только вчера благодарил и радовался её приношению, теперь обвиняет Ананию? За что?!

– Ты солгал не человеку, а Богу, – громко произнёс Пётр.

Марфа хотела задёрнуть занавеску, но оборвала её и обхватила рукой сестру, будто защищая от неизвестной опасности. Саломея громким шёпотом спрашивала, что там происходит, толкала Марфу, будто та могла что-то объяснить. Мария Клеопова, раскачиваясь, громко читала молитву. Всех объял ужас – от слов ли, произнесённых Петром, от его изменившегося голоса или ещё от чего-то, что ощутимо, но незримо появилось в синагоге и охватило всех. Солгать Богу! И только Мария Магдалина внешне осталась безучастной, сидела неподвижно, шептала: «Равви, Равви», – казалось, что она беседует с Учителем.

Пётр молча, стоя на возвышении, не спуская глаз с Анании, грозно нависал над ним, так что концы его полосатого покрывала касались лица Анании.

Того парализовал страх.

«Как Святому Духу? – пронеслось в его голове. – Я же просто хотел по справедливости – половина в общину, половину себе».

– Так и сказал бы, – услышал Анания, но он уже не понимал, кто говорит с ним. Он захлебнулся воздухом. Краска сбежала с лица. Он стал оседать, схватился за сердце и упал на пол.

Ужас, что заполнил синагогу до этого, не шёл ни в какое сравнение с тем, что произошло сейчас! От слов Петра погиб человек! Их брат! Только что крещённый! А как же пришествие Господа? Ведь все они должны дожидаться Его пришествия! И за что? Из-за того, что он принёс не все деньги...

– Нет, Пётр, это несправедливо! – крикнула Мария Магдалина. – Равви исцелял, воскрешал, никто не погиб от Его слов, никого Он не отверг!

Она сорвалась с места, сбежала вниз, подбежала к распростёртому телу.

– Пётр! – крикнула она, поднимая голову Анании к себе на колени, пытаясь поднять его самого и всё более и более убеждаясь, что произошло непоправимое. – Пётр, как ты мог?

Пётр отвернулся и прошёл в глубь помещения, к ковчегу, надеясь обрести силы от прикосновения к священным рукописям.

Вслед за Марией Магдалиной сверху спустились женщины, они горестно причитали и сокрушались: «Увы, увы!» – и хлопали в ладоши согласно древнему погребальному обычаю, но мужчины остались на своих местах и хранили молчание, и эта несогласованность ещё более усиливала смятение. Несколько юношей, служителей синагоги, приблизились к лежа-

щему, прикрыли ему глаза и, вопросительно взглянув на Петра, отстранили Марию Магдалину, положили Ананию на носилки и вынесли во двор.

Женщины двинулись следом, за ними наконец потянулись мужчины.

– Не говорил ли наш Господь, что всё прощается человеку? – раздался вслед уходящим голос Петра. – И только хула на Духа Святого не прощается?

Люди остановились, будто им вслед бросили камень.

– Ты помнишь? – обратился Пётр к Иоанну Зеведееву.

– Да, – сказал Иоанн. Он, казалось, ещё не оправился от потрясения, но поспешил к Петру и встал рядом с ним.

– Под видом правдивости и искренности Анания нёс нам два страшных дара, осуждённые Господом, – объявил Пётр, – лицемерие и сребролюбие. Эти лжедары могут погубить нашу святую общину, если мы, даже случайно, примем их и соблазнимся ими. Да не будет так!

Андрей, проповедовавший по четвергам в синагоге, что в Нижнем городе, и только что вернувшийся из Храма, вошёл именно тогда, когда Пётр произносил эти слова. Остановившись в дверях, уже зная, что произошло, скрестив руки на груди, Андрей с ужасом смотрел на Петра.

– Анания допустил сатане вложить ему в сердце мысли об этом и таким образом солгать Духу Святому, – заключил Пётр печально и сурово.

Андрей понял, что брат не старается оправдать своё действие, он сам старается осмыслить произошедшее.

– Сатана – отец лжи. – Голос прозвучал твёрдо, будто Пётр наконец обрёл уверенность. – Отец лжи, – повторил Пётр громко и отдельно. – Возможно, что своекорыстие, ложь и лицемерие проявились в Анании не случайно. Как и в Иуде, они тайно прорастали – но не без его ли согласия? Возможно, жизнь его не отличалась особой чистотой и прежде, а семя зла давно пустило свои корни и только теперь принесло пагубные плоды. Даже несмотря на крещение. Некоторые сейчас думают: если сатана вполз в сердце Анании, то за что же этот человек понёс наказание?.

Старик из Хеврона, Давид бен Закхай, приблизился к Петру и стал рядом с ним.

– Пётр, Пётр, – быстро заговорил он, дёргая себя за белую длинную бороду, – я слышал, как Господь говорил...

Старика не слушали.

– Пётр! Если, как ты говоришь, сатана вложил в сердце Анании такие мысли, то всё-таки за что Анания понёс наказание?

Синагога шевельнулась, казалось, Элиазар из Магдалы выразил мысль, что была у всех на уме.

– За то, – быстро ответил Пётр, – что Анания сам был виновником того, что сатана исполнил сердце его таким желанием. Он сам подготовил себя к этому своей предшествующей жизнью. К сожалению, я проглядел это, – сказал Пётр, – но Анания был так недолго с нами, что мы не могли его уберечь от этого соблазна...

Воцарилось молчание. Люди пытались осмыслить услышанное.

– Разве мы привлекаем вас насильно? – через какое-то время спрашивал Пётр, видя, что не только все вернулись на свои места, но в двери продолжают протискиваться новые и новые люди. – Разве мы привлекаем вас насильно? – повторил Пётр и медленно обвёл всех взглядом, как бы ожидая или подтверждения, или опровержения своих слов. – Разве Анания не мог распорядиться своим именем, как ему было угодно? – И опять Пётр замолчал и опять повел головой, будто отыскивая желающих возразить ему. – Анания мог и не продавать своё

имение, разве была какая-нибудь необходимость в этом? А решив продать, мог отдать часть денег или вовсе ничего не отдавать.

Помолчав, Пётр заговорил медленно и спокойно:

– Но Анания принёс *часть* денег и выдал эту часть за *всю* вырученную сумму, вот что непростительно. Вот что гнусно. Сделав свои деньги священными, Анания потом взял из них часть.

Пётр хотел, чтобы все прониклись такой же уверенностью, как и он. Но видел, как это трудно сделать. Люди были испуганы и поражены не только тем, что Пётр узнал сразу то, что для других было тайной, хотя, конечно, все поняли, что это произошло с помощью Святого Духа. Их повергло в смятение не только то, что Анания сразу же пал, сражённый обличением Петра, но и то, и, может быть, прежде всего то, что рушилась вера, что Иисус придёт очень скоро и они вступят в Царство Небесное вместе с Ним.

Окружающие ещё не успели полностью осознать, что им говорил Пётр, как по толпе, наполнившей синагогу, прошелестело:

– Сапфира... Сапфира...

Жена Анании спокойно вошла в зал, удивляясь необычному скоп лению народа. Хотя довольно было времени, чтобы разнеслась весть о смерти Анании, никто не осмелился сказать ей, что произошло.

– Сапфира... Сапфира... – доносилось до её слуха.

«Анания уже отдал деньги», – подумала Сапфира.

Она подняла голову, поискала глазами Марфу из Вифании, отыскала – и наткнулась на взгляд, выражавший ужас, а вовсе не радость и благодарность. Это насторожило Сапфиру. Она огляделась и теперь во всех взглядах, устремлённых на неё, ясно читала лишь один всепоглощающий ужас. Ни следа благодарности. Ни следа уважения. Ужас! Один неприкрытый ужас!

– Скажи мне, – склоняясь к Сапфире, давая возможность ей раскаться, сказал тихо Пётр, – за столько ли вы продали землю?

Пётр указал на мешочек с серебром, всё ещё лежавший у его ног.

Сапфира узнала мешочек. Всего несколько часов тому назад они разделили деньги, и она унесла половину к тётке, жившей в Вифании. Именно поэтому она и задержалась.

– За столько? – повторил Пётр. Но он уже знал ответ, поднял голову, и глаза его сверкнули.

– Да, – сказала Сапфира, – за столько. – И, уже произнося это, она поняла, что Петру всё известно.

– Зачем согласились вы искусить Духа Господня? – вдруг крикнул в отчаянии Пётр. – Вот, входят в двери погребавшие мужа твоего. И тебя вынесут вслед за ним!

– Нет! – крикнула Мария из Магдалы. – Нет, Пётр! Это жестоко!

– Сапфира! Сапфира! Скажи правду, не утаивай, ради Равви, ради Господа нашего Иисуса! – кричала Мария.

Но кто знает, что слышала Сапфира: она медленно оседала на пол, куда совсем недавно рухнул её муж.

Все молчали, смотрели на Сапфиру, на Петра, на Марию Магдалину, распростёршуюся рядом с Сапфирой. Никто не шевельнулся. Даже тогда, когда служители, те же, что выносили Ананию, приблизились теперь к Сапфире и положили её на носилки.

Сейчас уже никто не хлопал в ладоши, никто не кричал: увы, увы. Синагога безмолвствовала, никто не плакал, и по проходу, образовавшемуся в центре зала, прошёл в молчании Пётр.

Вечером Мария Магдалина, Мария из Вифании, Марфа, Саломея и сама хозяйка дома Мария, опасаясь, что Пётр увидит в их сердцах недовольство и страх и что это омрачит

воспоминание и так или иначе коснётся Равви, прикрыв головы платками, быстрым шагом прошли вверх по улице. Достигнув угла, повернули налево и почти сразу же оказались возле дома, где остановился старик из Хеврона. Тот сидел во дворе, под оливой, окружённый хозяйской семьей – молодой парой, Андроником и Юлией, их родителями и тремя детьми. Все были так поглощены разговором, что только кивнули пришедшим. Юлия молча указала на циновки, расстеленные под оливой.

Старик из Хеврона тем временем говорил:

– Что сказано у Иисуса Навина?

Он хотел доказать самому себе и остальным правоту Петра, ведь и он был испуган не менее, чем другие.

Бен Закхай открыл свиток Торы – единственное своё имущество – и, прокрутив, нашёл нужное место.

– «Но сыны Израилевы сделали великое преступление, – читал старик, – и взяли из “заклятого”. Ахан, сын Хармия, сына Завдия, сына Зары, из колена Иудина, взял из “заклятого”». То есть *священного*, – взглянул старик на молодых супругов. – «И гнев Господень возгорелся на сынов Израиля. И гнев Господень возгорелся на сынов Израиля», – повторил старик, теперь уже оглядывая и хозяев дома, и вновь пришедших. – Да, как видите, – говорил старик, – уже давно было совершено подобное преступление и тяжко наказано. Ахан совершил святотатство, и его преступление было вменено всему народу Израиля, ибо он являлся единым народом Господа. Так и сейчас – Анания совершил преступление, которое касается каждого из нас, и мы все должны нести ответ за его проступок. Необходимо было истребить зло из своей среды, если хотим избежать наказания от Господа. Ахан был побит камнями, – сказал старик, свёртывая свиток Торы. – Не знаю, кто бы мог на себя взять такое, что взвалил на себя Пётр.

Все молчали и ждали, не скажет ли что ещё старик.

– Да, вот ещё что я хотел бы вам сказать, друзья мои, братья и сёстры, – сказал старик, улыбнувшись Марии из Вифании, – вот что...

Да не грусти, не грусти, – провёл ласково рукой он по чёрной курчавой головке, – разве я не убедил тебя, что всё правильно, прочитав отрывок из Иисуса Навина? А? Так надлежало поступить. И Пётр – великий сердцеводец! Великий, – сказал старик и стукнул себя кулаком в грудь. – Даже страшно. Вы ведь не станете протестовать, если я скажу, что мы все, – старик обвёл руками, вбирая всех сидящих на земле и указывая на дом Марии, крыша которого была видна за стенами маленького дома, – что мы все одна семья? Конечно нет, – ответил он сам себе. – Вот поэтому зло надо сразу и безжалостно искоренять из самих себя.

Старик хотел ещё раз открыть свиток Торы, но передумал.

– Я могу, конечно, сказать, возможно не точно, но, кажется, так написано во Второзаконии: «Господу, Богу вашему последуйте и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте и гласа Его слушайте, Ему служите и к Нему прилепляйтесь, а лгуна, обманщика Бога, должно предать смерти за то, что он уговаривал вас или соблазнял вас, – добавил старик, – отступить от Господа, Бога вашего, желая совратить вас с пути, по которому заповедал идти Господь, Бог твой». И так истреби зло из среды себя, – повысил голос старик и встал, давая понять, что беседа окончена.

Давид бен Закхай вытер глаза. Сказанное вызвало у него жалость к Господу, Которого хотели обмануть те двое. К их преступлению старик причислял и себя.

В то самое время, когда старик из Хеврона пытался успокоить убежавших из дома женщин, пятеро мужчин собрались в верхней горнице. Матфей открыл свои записи.

– Что мне кажется важным и относящимся к сегодняшнему дню: «Ко всякому слушающему слово о Царствии и не разумеющему приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его» – это Господь сказал нам, когда говорил про притчу о сеятеле. Помните? Ты

ещё, – обратился Матфей к Иакову, – попросил Его разъяснить притчу эту, а потом налетела буря и мы все перепугались, а Равви спокойно спал.

– Да! – крикнул Иаков. – Да, да, помню! Он ещё сказал: «Почему вы так боязливы? Почему у вас нет веры?» А Сам стоял на корме, ослепительно сиял...

Казалось, Иаков не успокоится, пока не расскажет всё до конца, весь тот день, вечер... ночь. Не было большего наслаждения, как вспоминать малейшие подробности о днях, проведённых с Учителем.

Но Иоанн прервал Иакова.

– Да, да! – закричал Иоанн. – Он говорил, когда Его хотели схватить в Иерусалиме: «Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего, он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи».

Иоанн вытер лоб и улыбнулся всем так же, как до этого его брат. Казалось, и он сейчас пустится в воспоминания.

– Дьявол – отец лжи. Ясно... Анания и Сапфира поддались ему. Искусились, – сказал задумчиво Андрей.

Варфоломей же сидел опустив голову. «Искусить Духа Святого, – думал он, – обманом искусить Его, но... действительно ли Он всеведущий? Ложь и грех – это и есть дьявол, и связь с ним несовместима с Духом Святым, – размышлял Варфоломей, – всё правильно. Но мы не смогли так быстро сообразить и так быстро понять, как Пётр. Пётр, Пётр! Ты действительно камень, и я теперь знаю, почему Господь тебя позвал следовать за Собой на берегу озера. Да, сатана хотя и низвержен с небес, но остаётся владыкой сего мира».

И, будто услышав мысли Варфоломея, Иоанн Зеведеев печально сказал:

– А помните, как Равви сказал нам в тот вечер? «Уже немного Мне говорить с вами, ибо идёт князь мира сего, и во Мне не имеет ничего». Я тогда не понял, но послушайте: «Во Мне... Не имеет... Ни-че-го!...» Значит, и в нас он не должен иметь. Ведь мы – Его ученики.

Как всегда, все вместе собрались на агапу. Пётр спокойно увещевал:

– Разве вы не знаете, что малая закваска квасит всё тесто? У нас нет никакого жесткого устава, вроде кумранского, где требуется отказ от собственности. У нас свобода, как учил Иисус. Если хотите – давайте, если не хотите – оставляйте у себя. Зачем же было лгать?

И сидящие за столом глядели на Петра и думали: всё, что делает Пётр, необходимо во славу Господа и, значит, правильно.

Глава 12. «Справедливо ли слушать вас больше?..»

*Первосвященник же и с ним все... исполнились зависти... и
наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу.
Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы...
Деяния апостолов*

«Ханан, как всегда, оказался прав, – думал Кайафа. – После похорон Того Человека пойдут небылицы о Воскресении. И надо же было, чтобы стража проспала! Или они врут? Боятся понести наказание? Пилат говорил, вроде кто-то из его воинов что-то такое видел. Но можно ли ему верить – особенно после того, как он всячески изворачивался, пытаясь избежать казни Того Человека? Да нет, об этом не стоит и думать. Конечно, ученики выкрали тело – это так же очевидно, как то, что я тесть Ханана. Да, так же очевидно».

Кайафа потёр лицо руками, то ли отгоняя от себя неприятные мысли, то ли стараясь сосредоточиться.

«Что делать? – думал Первосвященник. – Что делать? Сейчас, после этого исцеления, о котором уже знает весь Иерусалим, народ поверит ам-хаарецам, народ так легковверен... поверит и в Воскресение... и в исцеление... Стоп! Исцеление-то было на самом деле! Ведь этот рыбак исцелил того хромого! Весь Иерусалим гудит об этом. Дошли до того, что выносят больных из дома, просят этого Симона бар Иону – так, кажется, его зовут? – коснуться немощных. Их вера сильна. А уж мне ли не знать, что вера – это всё. Верой можно всё». Кайафа поморщился и встал с роскошного ложа, которое ему было привезено в подарок из самого Рима.

Первосвященник не чуждался роскоши, его дом с большими многочисленными окнами был изысканно обставлен. В трёх комнатах даже висели зеркала – такое, согласно иудейскому обычаю, позволялось только первосвященникам и некоторым старейшим членам Синедриона. В одно большое зеркало в дорогой золотой раме, инкрустированной драгоценными камнями. Кайафа любил заглядывать перед тем, как явиться в Синедрион. Проверять нужное выражение лица, складывал и растягивал губы в надменную усмешку, снисходительно кивая, следил за строгостью взгляда.

– Строже, ещё строже, – приказал сейчас Кайафа, подходя к зеркалу и вглядываясь в своё изображение.

На него пристально глядел представительный плотный мужчина средних лет, в льняном хитоне, с чуть изломанным ртом, тёмными глазами и чёрной квадратной бородой. Мысль, что сейчас надо идти в Синедрион и надевать тяжёлую, расшитую золотом одежду, вызвала досаду. Кайафа передёрнул плечами, вздохнул и провёл по лицу руками.

«Да так что же мне сказать? Вновь и вновь внушать этим олухам, что воскресения не было? Что кто-то из учеников просто выкрал тело Того Человека? Нет, это уже было сказано. Пожалуй, надо пугнуть их возможными последствиями...»

– А побиение камнями? – вдруг кто-то произнёс у Кайафы над ухом.

Кайафа вздрогнул. Оглянулся – никого.

«Побиение камнями Первосвященников за то, что посмели распять Невинного? Пустое! Конечно, то был не Мессия... да и явится ли когда-либо Мессия?» – улыбнулся Кайафа... и вдруг замер – показалось, что зеркало потемнело. Он опять потёр лицо руками. Да нет, всё это минутная слабость. Но в зеркале он ясно видел своё испуганное лицо. Если там ничего не было, так что же он так испугался?

Он хлопнул в ладоши и приказал облачать себя для выхода в Синедрион.

Кайафа явился прежде Ханана в Зал тёсаных камней. К нему подошёл начальник храмовой стражи, саган Ионатан, сын Ханана, и сообщил:

– Сегодня на улицах Иерусалима творится что-то неопишное. Узнают, по каким улицам передвигается Симон бар Иона, спешат поставить там носилки с больными и умирающими, чтобы хотя бы тень проходящего упала на них. Хотя бы тень, понимаете? *Повторяется история с Тем Человеком*, – скривившись, сказал Ионатан.

– Похоже, – ответил неприязненно Кайафа. Он не любил этого выскочку, ревновал к тестю, и теперь то, что тот, конечно, первый скажет Ханану об этом, раздражило Кайафу ещё более, чем безумное поведение жителей Иерусалима.

Пока собирались члены Синедриона, Кайафа сидел опустив голову, глядя угрюмо в пол. Наклоном головы он дал понять, что заметил появление Ханана, как только тот занял своё место рядом с ним, произнёс:

– Вы, конечно, знаете, что наши горожане потеряли разум. Они не только верят в Воскресение... – Тут Кайафа осёкся и, повернувшись в сторону, где сидели фарисеи, добавил: – Я не имею в виду вообще воскресение, я говорю о якобы случившемся четыре месяца тому назад Воскресении Того Человека.

Слова «Того Человека» Кайафа произнёс с презрительным напором, чтобы не оставалось и тени сомнений, что Тот, Распятый на Пасху, был самым обыкновенным человеком, с именем, уже стёртым из памяти.

– Да, они слушают бесконечные проповеди учеников Того Человека, хотя месяц тому назад мы их строго предупреждали. Сегодня стало известно – жители Иерусалима выносят немощных на улицы, ожидая, чтобы тень одного из учеников исцелила их.

Кайафа специально не назвал ни Иисуса, ни Петра, дабы не осквернять слуха старейшин именами недостойных.

Ханан, на которого Кайафа по-прежнему не смотрел, вдруг вскочил с кресла и надломленным, а вовсе не властным, уверенным голосом крикнул:

– Медлить нельзя! Надо наказать смутьянов и взять под стражу наиболее упорных!

– Петра! – крикнул кто-то из зала.

– Петра и Иоанна Зеведеева! Мы их уже предупреждали! – поддержали другие голоса.

– Да! Согласен! Удивительная наглость! Все мудрецы и старейшины Израиля увещивают их, а они, простые неучи, не только не внимают советам, но упорно продолжают волновать толпу, и дело это грозит всё более непредсказуемыми последствиями, – веско сказал Кайафа.

– Заключить в темницу, – громко произнес Ханан уже своим обычным, хорошо отрепетированным голосом, не допускающим возражения.

– Заключить в темницу и не выпускать! – крикнули опять из зала.

Заседание продолжалось. Казалось, Первосвященники изыскивали всё новые и новые вопросы, которые необходимо было решить как можно скорее. Но Никодим, настороженно наблюдавший за поведением Ханана и Кайафы, видел, что те нетерпеливо чего-то ждут.

«Они уже послали стражников, – подумал Никодим, – и мне не выйти отсюда и не предупредить, пока не кончится заседание».

И действительно, по истечении часа фарисей Савл приблизился и, почтительно склонившись перед Хананом и Кайафой, доложил что-то вполголоса.

– Очень хорошо, – сказал Ханан и встал. – Выслушайте сообщение. Мы проявили достойную расторопность, и эти смутьяны, что и сегодня проповедовали в притворе Соломона, уже взяты под стражу и отведены в крепость Антония до завтрашнего утра. Завтра обсудим, как нам с ними поступить.

На следующий день Ханан лично отдал распоряжение созвать Великий Синедрион, чтобы подчеркнуть важность собрания. Ханан тщательно готовился к беседе и когда, придя в Зал тёсаных камней, он увидел там восседавшего Кайафу, почувствовал досаду. Первым побуждением было сказать зятю, что сегодня вести заседание будет он, Ханан. Но, подавив раздражение, он молча занял своё место.

Все уселись полукругом, чтобы видеть лица друг друга. Писцы заняли свои места по обе стороны, один должен был записывать вопросы, другой ответы.

Заседание открыл Ханан, он даже не дал подняться Кайафе.

Он сообщил, что сейчас, как и было решено ещё вчера, будет рассматриваться дело об учениках Того Человека, и чтобы каждый из присутствующих отнёсся с подобающей серьёзностью к этому вопросу.

– Мы уже распорядились, чтобы их привели сюда из Антониевой башни, где они провели ночь, – сказал Ханан, и тут только ему пришло в голову, что Кайафа, возможно, этого не сделал. Но Кайафа медленно наклонил голову.

– Да, – подтвердил Кайафа, вторя Ханану, – сейчас их приведут.

В это время тяжёлая дверь отворилась, солнечная дорожка протянулась прямо к ногам Кайафы, все повернули головы, но вместо рыбаков из Галилеи по этой солнечной дорожке прошли два молодых человека из храмовой стражи и молча приблизились к Первосвященникам.

И как ни владели собой Ханан и Кайафа, стало очевидно, что известие, принесённое стражникам, далеко не из приятных.

Хриплым голосом Ханан приказал стражникам сообщить старейшинам Израиля, что произошло в тюрьме.

Один из них, высокий, держался с напускной уверенностью и, встав спиной к Первосвященникам, глядя на мудрейших представителей Израиля, громко произнёс:

– Мы не нашли их.

– Что?! – Члены Синедриона повскакали с мест, кто-то уже усомнился: действительно ли вчера задержанных заперли в темнице? Но, перекрывая остальных, прозвучал уверенный голос Ханана:

– Продолжай! Нам надо знать всё!

– Да, мы их не нашли, – громко и отчего-то радостно доложил стражник. – Хотя темница была заперта – и надёжно заперта, их там не было, – продолжил он, глупо улыбаясь, будто возможность привлечь внимание старейшин даже неприятной вестью доставляла ему величайшее удовольствие. – И стража была перед дверями. Надёжная! Но, отворив темницу, мы не нашли в ней никого.

В этот момент опять открылась дверь, и опять солнечный луч протянулся к ногам Кайафы. На этот раз в зал торопливо вошёл фарисей из Храма и ещё от дверей крикнул:

– Ученики Того Человека, которых вчера посадили в темницу, проповедуют на своём обычном месте в Храме!

– Все? – спросил Кайафа, и голос его дрогнул.

– Все. Вчерашние узники стоят в притворе Соломоновом и учат народ. Я ушёл, когда Пётр говорил...

Он хотел сказать, что говорил Пётр, но Кайафа прервал его.

Обращаясь к начальнику храмовой стражи Ионатану, он зло, срывая на нём гнев, крикнул:

– Пойдите и приведите их немедленно!

Но Ханан, прежде чем Ионатан покинул Зал тёсаных камней, подозвал сына и тихо добавил:

– Смотрите, чтобы не побили вас камнями, действуйте хитростью, с умом и осторожно. Силу не применять!

Гамалиил, которого известие, казалось, поразило больше, чем других, даже собирался было двинуться вслед за стражей, но передумал и, чтобы скрыть своё волнение, прошёлся по залу. Он остановился, заговорив со своим любимым учеником Савлом, которого всего несколько месяцев тому назад удостоили, несмотря на молодость, избрания в Синедрион. На Савла известие, что преступников не нашли в темнице, произвело огромное впечатление, а в вопросах Первосвященников он с удивлением расслышал страх и даже трепет. Или ему показалось? Именно об этом он сейчас хотел побеседовать с Гамалиилом.

Когда в очередной раз тяжёлая дверь открылась и солнце опять осветило полутёмный зал, Никодим разглядел Петра и Иоанна. И опять достоинство простых рыбаков поразило старейшего мудреца, и опять послышался ему чей-то голос: «Да рыбаки ли они?»

Допрос начался формальным обвинением Первосвященника:

– Не запретили ли мы вам накрепко учить и проповедовать? Вы ослушались и наполнили Иерусалим учением вашим! Вы хотите навести на нас кровь Того Человека!

«Что это с Хананом? – подумал Никодим. – О непонятном освобождении учеников из темницы – ни слова. А слова “навести на нас кровь Того Человека” – и вовсе уж странные. Что-то Ханан не учёл в своём вопросе, нелогично построил его. Он что – боится понести Божью кару за невинно пролитую кровь? Может, Ханан что-то понял и только делает вид, что Иисус – это простолюдин из Галилеи, Своей проповедью смущавший народ? Ведь ясно слышится: “Желаете представить нас достойными кары Божией за пролитую кровь Иисуса как невинно убитого?” Да, Ханан, в твоих словах слышится это, и очень ясно слышится».

– Не запретили ли мы вам накрепко учить об имени сем?

Ханан сверлил глазами обвиняемых. Пётр и Иоанн стояли на том же месте, где некогда стоял Иисус, среди грозного полукруга судей. Писец, тот, что справа, склонился и стал быстро записывать слова Первосвященника.

– Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам, – прозвучал спокойный голос. Особенно спокойным он показался, потому что не было в нём ни наигранности Ханана, ни взвинченности Кайафы. Голос Петра звучал спокойно, даже, может, несколько устало. Он повторил слова, сказанные ранее. И это была истина, которая объясняла всё.

– Бог отцов наших, – говорил Пётр, давая понять, что они не занимаются никакой ересью, что их Бог – это Бог Иаковлев и они продолжают исповедовать веру предков, – воскресил Иисуса, Которого вы умертвили. Его возвысил Бог десницею Своею в Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов.

Зал не зашумел как прежде, никто не повскакал с места. В зале повисла напряжённая тишина, и даже показалось Никодиму, что все уже, как и он, уверовали и в Иисуса, и в Его учение, и в факт Воскресения.

И только один голос, ненавистный Никодиму, прозвучал из глубины зала, и Никодим знал, кому он принадлежит.

– О чём говорит этот безумец? Какого Спасителя? – Савл даже встал со своего места и против правил направился прямо к Петру, оглядев ряды сидящих мудрецов, как бы желая этим ещё более подчеркнуть своё негодование.

Савл вглядывался в Петра с ненавистью и вместе с тем с брезгливостью, вызванной, как он полагал, неумными, заносчивыми словами невежественного рыбака.

Пётр смотрел спокойно на фарисея, и весь его вид, казалось, говорил: «Даже странно, как же вы, учёные, уважаемые мужи Израиля, не понимаете простой истины? Мессия явился, Его убили, Он воскрес, даровал нам Духа Святого и теперь вот-вот явится опять,

чтобы установить Царство Божие на земле». Петру даже жалко стало этих учёных мужей, которым была закрыта истина.

Он взглянул на красное возбуждённое лицо Савла, оглянулся на Кайафу, увидел узкие горящие глаза Ханана и, опять повернувшись к залу, спокойно произнёс:

– Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему.

«Повинующимся Ему, – подумал Никодим. Он очень внимательно слушал слова Петра. – Да, несомненно, Пётр имел в виду не только Его учеников, но и всех, верующих в Него».

Теперь зло, возбуждённое словами Савла, готово было выплеснуться прямо на учеников и затопить всё помещение.

– Что зря слушаете? Умертвить, как и их Учителя!

Никодиму хотелось крикнуть: взгляни на своего учителя, мудрейшего Гамалиила! Почему он молчит? Почему смотрит в пол, тяжело опёршись на посох? Никодим уже оправился от растерянности и испуга, но положение, которое он занимал, не давало ему возможности произнести всё, что он думал, вслух.

– Предать смерти! Убить! – кричали вокруг.

– Убить мы, конечно, можем, но как бы после этого не сделаться собранием, посвящённым делам крови, а значит, проклятым в глазах своего народа, – сказал Иоханан бен Заккай.

– Выведите обвиняемых! – вдруг раздался голос Гамалиила, он наконец поднял голову и повелительно взглянул на стражников.

Гамалиил не так уж часто высказывался на собраниях, почти всё своё свободное время проводил, поучая людей, сидя всегда на одном и том же месте, у лестницы, ведущей на Храмовую гору. И никогда ещё не было случая, чтобы он кому-то отдал приказ помимо Первосвященников.

Воцарилась тишина. Молчали даже Ханан и Кайафа.

По залу прошелестело:

– Вот кого надо слушать! Пусть Бог пошлёт ему жизнь долгую. С его уходом исчезнет у нас благоговение перед Законом и перестанут существовать воздержание и чистота.

– Мужи израильские! – начал Гамалиил, когда Петра и Иоанна вывели. – Подумайте как следует об этих людях, прежде чем решить, что с ними делать. Ибо мы уже видели, как явился Февда, выдавая себя за мужа великого, и к нему пристало около четырёхсот человек. Но он был убит, и все, кто слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлёк за собою много народу, но он погиб, и всё повторилось. И ныне, говорю вам, оставьте этих людей, ибо если это дело – человеческое, то оно само разрушится, а если от Бога, то вы не можете его разрушить. Берегитесь, чтобы вам не оказаться богопротивниками!

Большая половина зала оказалась на стороне Гамалиила, и это выразил Иоханан бен Заккай:

– Думаю, что Гамалиил прав, – наказать и отпустить!

– Наказать и отпустить! – грохнула большая половина зала.

– Верните этих ам-хаарецев, – сказал Кайафа, избегая, так же как и Иисуса, называть их по имени. – Мы снова запрещаем вам говорить об имени Того Человека, – веско произнёс Кайафа. – За нарушение нашего предписания вы должны понести кару. Вас подвергнут бичеванию и тогда отпустят.

– Вас не побьют камнями. Милостивые и мудрые Ханан и Кайафа решили отпустить вас, – сказал Гамалиил. – Вас накажут плетьюми и отпустят. Дело исчерпано – вы понесёте кару и после неё будете прощены.

Показалось ли Никодиму, что в слова «милостивые и мудрые» Гамалиил вложил еле заметную иронию и даже, возможно, презрение?

Вечером Ханан призвал казначея Марфеканта из Синедриона, того самого, из рук которого Иуда получил своё вознаграждение. После рассказа о том, как Иуда швырнул деньги, полученные за предательство, Ханан ни разу не общался с Марфекантом. Сейчас Первосвященник ждал казначея в маленькой полутёмной комнате, выходящей во двор и отгороженной от других помещений глухим коридором и двойной тяжёлой дверью. Здесь Ханан вёл свои самые важные переговоры.

Марфекант беспокоился, он мог ожидать всего. Ему казалось вполне естественным, что Первосвященник выместит свой гнев за поступок Иуды на нём. Он давно жил и знал жизнь. На кого-то должен излиться гнев, и, видимо, именно на него, Марфеканта. Но сейчас он недоумевал, зачем понадобился Первосвященнику в столь поздний час, и ещё более насторожился, когда его провели в тайную комнату Ханана.

«Всё дело в том, – думал Марфекант, – что я не внушаю ему уважения. Вот если бы у меня был рост как у его сына или даже у Кайафы, если бы я был привлекательней лицом...»

Маленького роста, чуть подслеповатый, в дорогом одеянии, белоснежным кефье прикрывая теффелины – нечего лишний раз напоминать саддукею Ханану о том, что он, Марфекант, – фарисей, – казначей предстал перед Хананом. Оглаживал бороду, часто проводя по лицу рукой, будто пытаясь придать большую благообразность своему виду.

Ханан сидел в углу, в руках держал грелку, ноги тоже покоились на грелке, и казначей подумал, что всегда, когда Ханан нервничает, он прибегает к грелке, будто она может согреть ему не ноги и руки, а душу.

Неприметно разглядывая Первосвященника, Марфекант вдруг понял и ужаснулся: а ведь Ханан не верит Всевышнему, не надеется на Него.

«Да, Ханан ни во что не верит, и только одно у него на уме – удержать власть», – думал Марфекант, подобострастно приближаясь к Первосвященнику и широко раскрывая подслеповатые глаза, отчего лицо приняло глуповатое выражение.

Ханан тоже вглядывался в своего казначея, будто видел впервые.

– Ты был при гробе Того Человека. Ты должен был оплачивать стражу, которую мы выставили, чтобы эти разбойники не выкрали тело... – Он не назвал Иисуса ни по имени, ни Учителем. Казалось, что он не в состоянии произнести ни одно из этих имён.

Марфекант мог ожидать всего, даже отстранения от службы, но не этого вопроса.

Из-под полуприкрытых век казначей внимательно взглянул в лицо Первосвященника.

– Да, стража получает всякий раз после несения караула, – осторожно произнёс Марфекант.

– Ты ушёл сразу? – Глаза Ханана впились в лицо казначея, и тот напрягся, стараясь унять дрожь, заставляя себя не опустить глаз под этим страшным взглядом.

– Да, – сказал Марфекант, удивляясь тому, что голос звучит спокойно.

– Ты видел, кто отвалил камень? Ты видел, что там произошло?

– Я выплатил деньги и ушёл. Стража оставалась там до конца.

– Кто-нибудь ещё там был кроме стражи? – Ханан почувствовал, как кровь прилила к лицу, он отбросил грелку и подумал, что надо держать себя в руках. Ведь он всё уже давно знает, к чему эти лишние вопросы и беспокойство?

И всё же он повторил вопрос:

– Кроме стражи и тебя там кто-нибудь ещё был?

– Центурион, начальник стражи, и Гермидий, он сопровождал одного из помощников прокуратора. – Ханан молчал, он, казалось, ожидал продолжения, но вопроса не задавал.

В мрачной комнате повисло молчание.

Марфекант не выдержал затянувшейся паузы и скороговоркой, проклиная себя за эту поспешность и невоздержанность, презирая за страх и желание выслужиться перед сидящим в кресле стариком, сказал:

– Говорят, Гермидий уговаривал жену прокуратора не удерживать мужа от вынесения смертного приговора Иисусу... Тому Человеку, – поправился Марфекант, – до самого распятия он считал Того Человека обманщиком...

– Ну и что? – прошипел Ханан и сам почувствовал, как оскалился.

– Поэтому Гермидий отправился к гробу, чтобы убедиться, что Он не воскреснет.

– Что ты плетёшь? – вдруг взвился Ханан. – Ты что хочешь сказать – что Тот Человек действительно воскрес? Ты в своём уме? Кто может воскреснуть? Я вообще не верю, как ты знаешь, в воскресение мёртвых, и уж тем более в воскресение этого Обманщика!

– Ступай! – приказал Ханан и встал с кресла.

«Если не веришь, то зачем же так нервничаешь, – подумал Марфекант, – и зачем среди ночи посылаешь за мной?»

Но вслух он пожелал спокойной ночи Первосвященнику и медленно стал отступать к двери. Он вздохнул свободно лишь тогда, когда, пройдя мрачным глухим коридором, вышел на террасу, опоясывающую дом со стороны двора, спустился по лестнице, пересёк большой двор и оказался на улице. И, уже пройдя полпути к дому, он посмел оглянуться и убедить себя, что никто его не преследует.

«Этот дурак ещё немного и ляпнул бы, что Воскресение совершилось, – думал Ханан, бегая по комнате. – Было ли оно? Мне нет до этого дела. Я ничего не нарушаю! Я – саддукей и не верю в Воскресение, и, что бы там ни говорили Марфекант и Гермидий, мне нет до этого дела. Я должен закрыть на это глаза. Я ответственен за народ и не могу допустить смуты... не могу допустить, чтобы верховную власть Иудеи народ побил камнями за то, что распяли не только Невинного, но и...»

Он оборвал себя, вышел из тёмной комнаты, плотно прикрыл дверь, будто запирая не только комнату, но и тайну, пошёл длинным коридором и рад был, что никто не видит его лица.

«Что лучше – быть виноватым в величайшем грехе перед Богом или попасть в руки народу иудейскому?.. Нет, – прервал себя Ханан, – всё, хватит, достаточно, на сегодня с меня достаточно».

И уже глубокой ночью Ханан, перебирая все события сегодняшнего дня, шептал, разговаривая сам с собой, то ли успокаивая, то ли утверждая себя в своей правоте: «Понятно, почему эти рыба ки так уверенно держатся. Они провели с Ним три года. Но странно, что никто из них не присутствовал при Воскресении. А могли бы соврать. Но не говорят. Они не врут. Только эта бесноватая, блудница из Магдалы, одержимая, кричала на всю площадь – что их Равви воск рес».

Но самую страшную тайну, что он, Ханан, знает то, что никто не выкрал тело, а оно непонятным образом исчезло, Ханан не прошептал даже и самому себе.

* * *

А в это время Иоанн и Пётр лежали на циновках в верхней горнице, спины их осторожно смазывала какой-то мазью Марфа.

Марфа причитала над ними и говорила, что завтра же пойдёт в Вифанию и приведёт одну женщину, которой она полностью доверяет и которая знает травы для заживления ран, лучшие, гораздо лучшие, чем есть у неё.

– Тридцать девять ударов, – говорила Марфа, – никто не ослабил, все они тут на спине, а ведь были с двух сторон? Да?

– Марфа, – улыбался Пётр, – какое это имеет значение? Сама подумай! Мы пострадали за Учителя! Ты понимаешь? За Господа нашего, Иисуса! Да и не так уж больно, даже удивительно.

И, перебивая Петра, Иоанн, которому Марфа только что кончила смазывать спину и покрыла листьями какой-то травы, отчего сделалось прохладно и боль уменьшилась, сказал:

– Брат мой, вот что я вспомнил сегодня, когда стоял перед Первосвященниками. Знаешь?

– Откуда мне знать? – улыбнулся Пётр.

– Знаешь, незадолго до того, как последовать за Равви, мне хотелось взять жену, но Равви пришёл ко мне и сказал: «Нужен ты Мне, Иоханнан, а если бы нет, позволил бы Я тебе взять жену для плача и рыдания». И вот теперь я стоял перед ними и вспомнил слова – «нужен ты Мне, Иоханнан», и не было во мне никакого страха.

– А что касается жены, – морщился Пётр от боли, – так вот она, Марфа, и плачет и рыдает над нами, как самая настоящая жена. – И, помолчав, добавил: – Мне вчера один торговец рыбой сказал, что моя жена собирается перебираться сюда, к нам, в Иерусалим.

– Сейчас тебе станет легче, – говорил Иоанн, глядя, как кривятся губы у Петра. – Марфа – она искусница, мне вначале тоже было больно, а сейчас легче. И, знаешь, так легко на душе, как будто это телесное страдание дало душе какую-то необычайную радость.

– За Него страдать – это радость и счастье, – сказал Пётр, – иначе как мы можем доказать Ему свою любовь?

Глава 13. Савл и Гамалиил

*...Гамалиил законоучитель, уважаемый всем народом, сказал: ...
отстаньте от людей сих и оставьте их... Берегитесь, чтобы вам не
оказаться и богопротивниками...*

Деяния апостолов

– Равви, объясни, почему ты так сказал? – возбуждённо жестикулируя, спрашивал Савл своего учителя, когда они возвращались после совещания в Синаедрионе. – Я не понимаю тебя, ты что, хочешь, чтобы эта ересь беспрепятственно распространилась по всему Иерусалиму, а затем и по Иудее? Я поражаюсь, как эта кучка учеников не распалась после смерти своего Учителя-еретика, а только набирает и набирает силу и – увы! – разрастается.

– Савл, – остановил его Гамалиил строго. – Знай, что до сих пор ни один еретик на кресте не умирал. Наши законы предусматривают четыре вида казни – побитие камнями, сожжение, обрубание головы и удушение. Слышал ли ты, что Он Сам говорил, что будет распят и на третий день воскреснет?

– Что ты такое говоришь? Учитель! Как ты можешь повторять слова черни!

– Его можно было бы забросать камнями, а если бы народ на это не пошёл, то отрубить голову, как Иоанну Крестителю, – будто отвечая на свои мысли и игнорируя возмущение Савла, произнёс Гамалиил. – Возможно, эти люди заблуждаются, – но в их деятельности нет ничего мятежного, они каждый день в Храме. – Гамалиил остановился на мосту через Тиропион и, облокотившись на парапет, посмотрел на площадь Ксиса. – Ты видел их и знаешь, что они уверены в своей правоте. Помнишь, как пятьсот иудеев стояли в Кесарии перед Пилатом, требовали, чтобы он убрал из Иерусалима изображения императора на древках римских знамен? Слышал, что было потом?

И хотя Савл кивнул, Гамалиил продолжил:

– И когда Пилат сказал: «Убирайтесь со своими требованиями отсюда, а не то я покажу, как остры римские мечи», в ответ все, кто был на площади, упали на колени, склонили головы, все подставили свои шеи, как ягнята: «Режь, но мы не уйдём!» Они не могли изменить Закону и предпочли смерть, не раздумывая. Так и эти, они уверовали в Воскресение. Они верят, что их Учитель – Мессия, и, что бы мы ни сделали, ничто не поможет. Мы убьём этих, придут другие. Ты понял?

Гамалиил оторвал взгляд от площади, которая кипела весельем. Люди уже давно забыли о том, что происходило всего несколько лет тому назад в Кесарии.

– И ты сам видел Лазаря из Вифании. И я утверждаю, что он умер. Я не был на похоронах, но моя тётка была. Его похоронили. А на четвёртый день пришёл Он – и Лазарь воскрес. И теперь ты Лазаря можешь видеть почти каждый день в притворе Соломоновом, где проповедуют эти ученики. Я бы на месте Лазаря поостерёгся, – добавил Гамалиил, – ведь он является прямым свидетелем Божественной природы Того, Кто его воскресил.

Савл в изумлении глядел на своего учителя.

– Равви, ты знаешь, что я выполняю все требования, даже те, которые, на мой взгляд, кажется, не стоят внимания. Соблюдаю двухдневный пост в неделю, читаю тройные молитвы каждый день, процеживаю воду и вино, чтобы даже труп от комара не оскорбил левитской чистоты. Я совершаю по многу раз в день омовения, чтобы избежать возможности заразиться какой-либо обрядовой нечистотой, старательно слежу, чтобы не прикасаться даже краем одежды к нечистым, чтобы даже их тень не упала на меня...

– Кстати, о тени, – сказал Гамалиил, оторвав взгляд от площади и спокойно, чуть улыбаясь, смотря на горячившегося Савла. – Ты слышал, что не только из Иерусалима, но и из

далёких городов приносят немощных и кладут их на дорогу, где проходит Симон, или Пётр, как его теперь называют. Люди верят, что даже тень его излечивает больных. Понимаешь? Даже тень! А ведь на пустом месте такая вера не возникает. Если тень не излечивает раз, другой, третий, то на четвёртый уже никто не будет класть больных на улицы, по которым идёт Симон бар Иона.

То, что учитель назвал Петра полным именем, данным ему от рождения, возмутило Савла.

«Да, этот Пётр умён, – думал Гамалиил. – “Малая закваска квасит все тесто”. Допустили бы ложь с Сапфирой и Ананией и – кто знает? – возможно, и не уберегли общину от разброда и распада. Пётр заботится о чистоте общины. Если бы я был на его месте, то поступил бы точно так же. Но откуда такая сила?! Ведь они оба! Оба! И муж, и жена пали бездыханными только от его слов и взгляда!»

Савл приблизился почти вплотную к Гамалиилу, будто боясь что-либо упустить из ответа учителя, и сказал:

– Равви, скажи мне ещё какую-нибудь заповедь, и я исполню. Все, все двести сорок восемь заповедей и все триста шестьдесят пять запрещений Моисея я выполняю со строгой тщательностью. – Савл не замечал, что теснит учителя к парапету. – Я их исполняю не только по духу, но и по букве, ибо знаю, что это необходимо для возрождения и свободы нашего народа и восстановления богослужения в Храме во всём его полноте и блеске.

Но я знаю, – будто опомнившись и отступая от Гамалиила, проговорил Савл, – что если бы даже один человек мог хотя бы в течение одного дня исполнить весь Закон и не нарушить его ни в одном пункте... Нет! – перебил с горечью Савл себя. – Если бы даже кто-то мог исполнить хоть один пункт в Законе, касающийся должного исполнения Субботы, тогда прекратились бы невзгоды Израиля и, наконец, пришёл бы Мессия. И ты думаешь, – опять приближаясь к Гамалиилу, взволнованно говорил Савл, – что этот Симон считает, что этот день наступил и Мессия уже пришёл на землю? Но ведь это же абсурд!

Савл уже кричал, хватая руками Гамалиила и не замечая, что разговор уже давно привлёк внимание и несколько иудеев стоят вокруг них, перекрывая проход по узкому мосту.

– Послушай меня, сын мой, мой дорогой ученик, – ласково сказал Гамалиил, обращаясь к Савлу. – В Храме некогда была флейта, сохранившаяся со времён Моисея, она была гладкая, тонкая, сделанная из тростинки. По велению царя она была инкрустирована золотом, и от этого пропала мягкость звука, так что золото должны были снять. Были также кимвал и ступа...

– Да, знаю, я читал, – сказал Савл, шагая в ногу с учителем и заглядывая тому в лицо. – Они со временем испортились и были исправлены мастерами, призванными из Александрии. Но пришлось вернуть всё в прежний вид...

Савл вопросительно глядел на Гамалиила.

«И что же?» – говорил его взгляд.

– А то, – ответил Гамалиил, улыбаясь, – а то, что, возможно, смирение, милость и правда лучше жертвы. Учитель Симона бар Ионы учил именно этому. Ты не видел Его, а я видел...

Гамалиил более ничего не добавил, он подошёл к своему дому, калитка медленно распахнулась, Гамалиил вошёл во двор, не пригласив Савла следовать за ним. Савл остался на улице.

Гамалиил не сказал Савлу, что со вчерашнего дня к нему в дом приходит Никодим, который всё, что передумал, и всё, что вынес из бесед с Иисусом, поведал ему, Гамалиилу.

* * *

Савл двинулся вверх по улице, не хотелось ни возвращаться в Храм, ни идти домой, он шёл, не замечая ничего вокруг себя, и мучительные вопросы возникали в душе его. Неужели Бог мог в самом деле следить за точностью объёма пергаментного свитка? Или за количеством строк в написанном на нём тексте? Или за тем, какие написаны в нём буквы? Или за формой ящичка, в который вложены они? Или, наконец, за тем способом, как этот ящичек привязан к руке или ко лбу?

Но, несмотря на все эти вопросы, Савл остановился и внимательно осмотрел руку, где на перевязи покоился теффелин, и пощупал рукой теффелин на лбу, проверяя, не сместился ли он.

«Я знаю, – думал Савл, – что Гиллель, дед моего дорогого учителя Гамалиила, мог обходить, благодаря своей находчивости, всякое Моисеево постановление, какое только находил обременительным. Что может быть определённое постановления в Законе касательно нечистоты пресмыкающихся? И, однако же, старцы уверяют, что никто не может быть назначен членом Синедриона, если он не обладает достаточной находчивостью для того, чтобы доказать на основании писаного Закона, что пресмыкающиеся в обрядовом отношении чисты».

Савл усмехнулся. Именно это он и доказал с лёгкостью, когда его выбирали в члены Синедриона. «С лёгкостью, – улыбнулся Савл растерянно, – и не задумался вовсе о том, что же это всё значит».

– Всемогущий! – взмолился Савл, прислонившись головой к каменному забору, и тут же отпрянул, не желая, чтобы его приняли за одного из «фарисеев, истекающих кровью», которые разбивали лбы о стены, чтобы показать поглощённость молитвой. Он медленно побрёл по улице вверх, миновал дворец Ирода, спустился в Нижний город, прошёл рыночную площадь. И на всем пути Савл то и дело взывал к Богу: – Всемогущий! Я всей душой стараюсь быть послушным Закону, и всё-таки Мессия не приходит! «Обеты, – учил раввин Акиба, – обеты суть вместилище святости». Нет, – качал головой Савл, не замечая, что торговец мясом зазывал его в свою лавку, почтительно наклоняя голову. – Обеты могут быть вместилищем формального благочестия, но они не могут дать успокоения сердцу – тому месту в человеческом существе, где встречаются добрые и злые побуждения, где страстные желания сталкиваются с заповедями.

Он остановился, будто ощутил удар в сердце. «Делами Закона человек не может себя оправдать перед Богом, только верою мы можем найти мир с Богом», – вдруг пронеслось в голове. Савл, скрючившись, вдруг почувствовал, что этот миг озарения несёт за собой очередной приступ болезни. Он повернул назад и быстрыми шагами, стараясь успеть до того, как приступ навалится на него всей тяжестью, поспешил домой...

– Делай то и будешь, будешь жив! Исполни Закон и будешь жив! – повторял Савл, расценивая этот неожиданный, лишаящий рассудка приступ как Божье наказание.

И вдруг опять будто кто шепнул на ухо: «Могла ли пролитая кровь волов, быков и козлов быть истинным искуплением за вольные грехи?»

– Всемогущий! Помогите мне! – крикнул Савл.

Он успел отворить калитку своего дома и тут же упал.

Глава 14. Проповедь Петра на празднике Кущей

*Приближался праздник Иудейский – поставление кущей.
Евангелие от Иоанна*

*Пётр, Апостол Иисуса Христа, пришельцам... рассеянным...
благодать вам и мир да умножится...
Первое соборное послание святого апостола Петра*

Наступил тот единственный день в году, когда выбранный по жребию иерей мог войти в самое сокровенное место Храма, где обитал Бог, – святая святых – и провозгласить там громко имя Ягве. Его голос был слышен во всех уголках Храма, и в наступившей тишине двести пятьдесят тысяч иудеев, собравшихся со всего света по случаю праздника, распростёрлись на мраморных плитах перед невидимым Богом. Рука священника, белая, без единого пятнышка, как то предписывалось Законом, благословляла их. На заклатие, как полагалось, были приготовлены тщательно отобранные тринадцать тельцов, два овна и четырнадцать однолетних ягнят. Группа священников в праздничных одеждах под молитвенное пение, сопровождаемая многотысячной толпой, вылилась из ворот Храма и, покрывая, как лава, все подступы к Храму, спустилась к Силоамскому источнику. И каждому, кто смог проникнуть следом за священниками под своды источника, казалось, что над дрожащей, мерцающей в темноте водой колеблется тень невидимого Бога. Наполнив сосуды, процессия двинулась в гору под звуки серебряных труб. Те, кто не смог последовать за священниками к источнику, вжавшись в каменные стены, стояли на лестнице, ведущей к Храму, под сводами ворот, во дворе Храма и даже пытались пробраться на лестницу, ведущую к Никаноровым воротам. Пройдя через эти ворота, процессия вступила во внутренний двор, и струи воды Силоамского пруда полились в золотую чашу слева от жертвенника, а вино заструилось в золотую чашу справа.

Двести пятьдесят тысяч голосов воззвали к небу:

– Да будет славен Бог Израилев! Да будет благословен во веки веков!

Снизу из города, как волны, выплескивались взрывы смеха, крики разносчиков воды и сладостей, звуки флейт и пение. Вчера миновал десятый день осеннего месяца тишри, день Очищения, единственный в году день покаяния и поста по Закону Моисееву. Все вчера каялись и смиряли свои души под страхом «истребления из народа». А сегодня Иерусалим выплеснул на улицы веселье в память сорокалетнего хождения по пустыне с Моисеем, праздник Кущей, про который говорили – кто не видел этого праздника, не знает, что такое веселье.

На плоских крышах домов стояли шалаши из ещё не успевших подсохнуть, радостно трепещущих пальмовых ветвей. На каждом углу танцевали, торговали апельсинами, лимонами, всевозможными сладостями. Мальчишки, потрясая венками-лулавами, связками из пальмовых ветвей, плодов персика и лимона, распевали весёлые песни. В Нижнем городе шла оживлённая торговля фруктами, рыбой, мясом, горячими лепёшками, со всех сторон слышны были звуки флейт и тимпанов, и торговцы, не выдерживая, выскакивали из-за прилавков и присоединялись к танцующим. Веселье должно было продолжаться ещё шесть дней.

Уже после окончания праздничной службы, проходя мимо притвора Соломонова, Никодим вдруг так явственно вспомнил, что остановился и закрыл глаза, стараясь продлить как можно дольше это мгновение – вот так всего год тому назад он шёл мимо и услышал:

«Некто имел в винограднике своём посаженную смоковницу и пошёл искать плода на ней и не нашёл. И сказал виноградарю: вот я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу. Сруби её, на что она землю занимает? Но он сказал ему в ответ: Господин! Оставь её на этот год, пока я окопаю её и обложу навозом, не принесёт ли плода. Если же нет, то в следующий год срубишь её».

Долго стоял Никодим, прикрыв глаза ладонью, вслушиваясь в доносившийся из-за стен шум города, надеясь услышать знакомый голос. Наконец поднял голову, увидел голубое высокое небо и подумал, что он сейчас более, чем когда-либо, понимает эту притчу, сказанную Равви. Да, ученики трудятся изо всех сил, но придёт ли спасение? Год прошёл, осталось три.

Никодим спешил к Гамалиилу, который, по его соображениям, ещё не ушёл и сидел на своём обычном месте на лестнице, ведущей на Храмовую гору.

Да, очень изменился Никодим, и если в прошлом году не было для него большего счастья, как пойти с внуками на праздник, купить им подарки, то сейчас единственной отрадой стало припоминать всё, что он знал об Иисусе, – притчи, сказанные Им, Его речи, Его поступки. И всякий раз, минуя притвор Соломонов, он напряжённо вслушивался в голоса учеников, неустанно там проповедовавших, спокойно и тихо.

«Неужели и сегодня там Пётр с остальными?» – Никодим ещё издали заметил у южного конца притвора Соломонова кучку людей вокруг Петра, возвышавшегося на мраморных ступеньках. Никодим взглянул налево, поискал взглядом своего человека, задачей которого было записывать всё, что говорит Пётр. Тот был на месте и, склонив голову, быстро что-то писал на пергаменте, разложенном на коленях. Никодим радостно улыбнулся, предвкушая, как спустя короткое время он вместе с Гамалиилом будет неспешно осмысливать всё, что сказал этот галилейский рыбак, руководимый Духом Святым.

А Пётр, будто завлекая, возвысил голос, и Никодим, сам того не желая, остановился и взглянул на него.

– Знайте, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, но драгоценною Кровью Иисуса, как непорочного и чистого агнца. – Тут Пётр вскинул голову и оглядел слушающих.

Никодим вдруг увидел лежащего на плащанице со следами страшных побоев Иисуса, с вывернутыми руками, переломленным носом. «Искупительная жертва! Но во имя чего?»

Никодим глядел на Петра не отрывая взгляда.

– Всего год прошёл с того дня, как Учитель исцелил слепорождённого в праздник Кушей, – шептал старец. – Всего год! Но как давно это было! О, время бесконечно светлое и радостное! Шесть дней весь город был залит солнечным светом, и ночь, казалось, навсегда прогнали. Сейчас тоже солнце освещает город, а по ночам дрожат огни двух огромных светильников в Храме – но свет, свет – не тот!

Никодим вдруг передумал идти к Гамалиилу: там он, конечно, встретит Савла, сидящего у ног учителя... Савла видеть не хотелось. Развернувшись, он направился к башне Иоанна, вышел на мост Ксиста, и страстное желание вернуть всё назад, увидеть Иисуса, почувствовать Его присутствие подкосило Никодима. Да, всего год тому назад в тот же праздник он стоял здесь и шептал:

– Как бы я хотел узнать, что означают слова: «Будете искать Меня и не найдёте, и где буду Я, туда вы не можете прийти».

Он припал к перилам моста и, перегнувшись, отвернулся от спящей толпы, вглядываясь в Нижний город.

– Да, именно так и получилось, – вздыхал Никодим, не замечая, что рядом остановились мальчишки, среди которых был и его любимый внук Вениамин. С лулавами в руках они улыбались Никодиму, приглашая разделить с ними радость праздника. И хотя Никодим не

был расположен к веселью, он улыбнулся и, взяв у одного из них лулав, шутливо стукнул Вениамина по спине. Все засмеялись и увлекли старейшего члена Синедриона на площадь, где уже невозможно было пройти, не приняв участие в танцах и хороводах.

В это время Пётр, окончив проповедь, собирался направиться в синагогу эллинистов – *тошаб*, как называли иудеев, рассеянных по миру, живших вне пределов своего отечества и собиравшихся в Иерусалиме только на время главных праздников. Общаться с ними было трудно, почти никто из них не говорил на арамейском языке, и поэтому Пётр позвал с собой Стефана, недавно приехавшего с Кипра и владевшего греческим языком. Сегодня Пётр собирался произнести первую проповедь в этой синагоге и волновался.

Но тут к нему подошли стеклодув Иосиф бен Лаккуда и Агав, отец Андроника, сосед, к которому бегали Мария Магдалина и её спутники, после поразившей всех смерти Сапфиры и Анания. Стеклодув и его приятель, раскрасневшиеся и взволнованные, очень потешно смотрелись рядом – один дородный, степенный, с густой чёрной бородой, другой маленький, юркий, ярко-рыжий, в возбуждении взмахивающий руками, как крыльями, похожий на саранчу (чему и соответствовало его имя). Но страдание читалось на их лицах, и Пётр подавил желание улыбнуться. Перебивая один другого, оба заговорили:

– Мы слышали, что ты идёшь к тошаб. Нет у них такой веры, как у нас, и не может быть, потому что Бог Израиля освятил именно эту землю. Здесь могила Иакова, Рахили, Сарры, Авраама, здесь водил Моисей по пустыне, здесь похоронен Аарон, – гудел басом стеклодув.

– Здесь проповедовали пророки, здесь взывали к народу Иезекииль, Исайя! Вся земля здесь святая, здесь нет камня, по которому бы не ступали ноги наших праотцов, верных Закону! – настаивал Агав. – А они откуда пришли? И почему не возвращаются? Уж конечно, потому, что нашли там выгоду, торгуют по всему свету и за это платят изменой, изменой Богу, изменой родине, изменой языку, изменой Храму! – Он так взмахнул рукой, что задел лицо Петра и случайно попал тому в глаз. И сам испугался своей дерзости, сразу же замолкнув.

– Сам подумай, – уже спокойнее говорил стеклодув, поспешно подзывая Матфея и Стефана, – сам подумай, что могут они, живущие вдали от родины и Храма, понять в нашей жизни, не посещая каждый день Храм? Что? Скажи, что?

– Что ты говоришь? – печально глядя на стеклодува и закрывая рукой глаз, из которого безудержно текли слёзы, говорил Пётр. – Что же ты говоришь? Мы, ученики Господа, знаем и помним, чему учил нас Господь Иисус: «Идите и учите все народы!» Вот, – облегчённо вздохнул он, завидя спешащего к нему Матфея, – вот, послушай, что говорил Господь, Матфей все записывал.

– «Итак, идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа!» – прочёл Матфей. Он хотел добавить, что Господь под это сказал, явившись в Галилею, чему свидетелями были сотни людей, но Пётр не дал ему договорить.

– Несколько тошаб приняли крещение и теперь стали такими же членами общины, эбионим – бедняками, или святыми, посвящёнными Богу, – говорил Пётр, вытирая глаз и строго взглядывая на обоих, – значит, они требуют такой же заботы, как и все остальные братья.

Синагога, в которую направлялись Пётр, Стефан и Матфей, принадлежала иудеям-каппадокийцам, находилась на другом конце города, можно даже сказать в предградии, и была сравнительно небольшой: обычно собиралось в ней человек двадцать, не более. Однако весть, что сам Пётр придёт к ним с проповедью, распространилась по всему кварталу, где проживали иудеи из римских провинций, стесняющиеся своего незнания арамейского и очень хорошо чувствующие презрение своих единоверцев. Сегодня, несмотря на праздник, синагога собрала большое количество народу.

Когда Пётр, Стефан и Матфей подошли к синагоге, их уже ожидали там Иаков Зеведеев и Варфоломей.

В глубине полутемного зала перед священным ковчегом, где хранился свиток Торы, горела свеча. Рош-га-кнессет встал со своего места, приветствуя вновь прибывших. Пётр и Стефан по узкому проходу между скамейками направились к биме.

– Похож на Амоса, – прошептал кто-то, осторожно касаясь плаща Петра.

– Нет, на Исайю.

Люди приподнимались на своих местах, чтобы лучше разглядеть того, чьей тенью излечиваются больные, того, кто проповедует Воскресение своего Учителя.

Опасения Петра, как только он увидел эти лица, исчезли мгновенно. Сострадание к людям, живущим вдали от родины, захлестнуло его, и он уже знал, что скажет особую проповедь – силой Святого Духа. Он уже чувствовал нетерпение и дрожь во всём теле.

Пётр медленно поднялся на биму. Он начал хвалебным гимном Богу, но, вместо того чтобы сказать привычное славословие «Благословен будь Ты, о Бог!», Пётр произнёс по-гречески:

– Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа!

Пётр с трудом произнёс вместо арамейского «Мессия» непривычное для себя греческое «Христос».

– Иисуса Христа, – повторил Пётр, и многие до озноба осознали, что это будет молитва не к далёкому, незнакомому Богу, эта будет молитва к Богу, Который ходил по этой земле, был распят, воскрес, Которого знал Пётр и через Которого они могут довериться Отцу, как дети. – Я, Симон бар Иона, – вновь заговорил Пётр, – Кифа по арамейски, что значит «камень», или Пётр по-гречески, – улыбнулся он, – так назвал меня Сам Господь Бог Иисус. Я обращаюсь к вам, дорогие мои пришельцы из Каппадокии и Азии, благодать вам и мир да умножатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.